

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*Институт филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации*

Д. Н. Ильин

**РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ:
ПРОЦЕССЫ ПОЗИТИВАЦИИ / НЕГАТИВАЦИИ
ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2018

УДК 811.161.1`37(035.3)

ББК 81.411.2-3я7

И46

Печатается в соответствии с решением заседания комитета по гуманитарному и социально-экономическому направлению науки и образования при ученом совете ЮФУ, протокол № 6 от 14 сентября 2017 г.

Рецензенты:

заведующий кафедрой русского языка и культуры речи РостГМУ,
д. филол. н., доцент *Г. Д. Скнар*;
профессор кафедры русского языка ЮФУ,
д. филол. н., профессор *Л. Б. Савенкова*

Ильин, Д. Н.

И46 Развитие лексической семантики: процессы позитивации / негативации значения слова в русском языке / Д. Н. Ильин ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2018. – 150 с.

ISBN 978-5-9275-2787-8

Монография посвящена одной из важных проблем современной семасиологии – исследованию процессов позитивации и негативации лексического значения. Представлено комплексное исследование причин и механизмов подобных семантических изменений, дается их типология.

Полученные результаты могут найти применение в практике преподавания студентам-филологам курсов лексикографии, лингвокультурологии, социолингвистики, общего языкознания, спецкурсов по проблемам русской лексикологии, семасиологии, а также могут быть использованы при обучении русскому языку студентов-иностранцев.

Работа может быть интересна лингвистам, преподавателям, а также всем, кого интересует теория и история русского языка.

УДК 811.161.1`37(035.3)

ББК 81.411.2-3я7

ISBN 978-5-9275-2787-8

© Южный федеральный университет, 2018

© Ильин Д. Н., 2018

© Оформление. Макет. Издательство

Южного федерального университета, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Лексическое значение слова в синхронии и диахронии	13
§ 1. Лексическое значение как структура. Оценочный компонент значения	13
§ 2. Процесс изменения структуры значения лексико-семантического варианта. Возможные изменения лексического значения в диахронии	39
Выводы	68
ГЛАВА II. Семантические и лингвокультурные составляющие процессов позитивации / негативации значения в русском языке	71
§ 1. Приемы выявления оценочного компонента значения	71
§ 2. Основы типологии позитивации / негативации значения.....	85
§ 3. Кумулятивная функция позитивации / негативации значения в русском языке.....	104
§ 4. Анализ семантических изменений как способ лингвострановедческой семантизации в иноязычной аудитории.....	123
Выводы.....	126
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	131
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	132
БИБЛИОГРАФИЯ	133

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в науке о языке наблюдается повышенное внимание к семантике лексических единиц. Это обусловлено, с одной стороны, объективно возросшей динамикой в лексике, см. [Дуличенко, 1994; Костомаров, 1999; Русский язык конца XX столетия ... 2000; Розина, 2005; и др.], с другой – разработкой новых методик исследования словарного состава в рамках экспериментальной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. В настоящее время исследователей [Арутюнова, 1988; Вежбицкая, 1999; Апресян, 2001; Алефиренко, 2002; Зализняк, 2013; и др.] больше интересует не формальная сторона языкового знака, а его внутренняя сущность, собственно значение.

Изучение семантики лексических единиц, как и другие лингвистические исследования, можно проводить с позиций синхронии или диахронии. Во втором случае это прежде всего анализ исторического изменения лексического значения. В настоящей работе рассматриваются процессы изменения семантики слов, конкретно – семантические сдвиги, при которых сущностно важным оказывается качественное изменение оценочного компонента значения лексической единицы. Данные процессы, как представляется, мало изучены, в лингвистической литературе о них лишь заявлено [Ахманова, 1966; Блумфильд, 1968], но подробного монографического рассмотрения этого типа семантических изменений, насколько известно автору, не осуществлялось. Очевидно, это связано с тем, что приобретение значением той или иной оценочности зачастую рассматривается в рамках стилистики, с позиций конкретных прагматических установок говорящего в конкретной ситуации. Данная точка зрения имеет право на существование, однако лишь до тех пор, пока ситуативная оценочная установка не перерастает в постоянную, нормативно закреплённую, универсальную для всех носителей языка. В этих случаях значение, одной из дифференциальных сем которого становится положительная либо отрицательная оценка, закрепляется лексикографически, фиксируется толковыми словарями

литературного языка. Тогда уже не стилистика «диктует условия» контекстного метафорического или метонимического употребления лексико-семантических вариантов, а характер закрепленных в языке значений позволяет использовать их в стилистических целях.

Недостаточная изученность рассматриваемого типа семантических изменений (вплоть до отсутствия общепринятой терминологии) обуславливает *актуальность* настоящего исследования. Описываемые процессы представляют собой языковое явление, аккумулирующее в себе, помимо собственно языковой, еще и культурологическую информацию. Изучение связи языка и культуры в настоящее время является одним из основных направлений современной лингвистики, что так же подтверждает необходимость более тщательного изучения семантических процессов, основанных на изменении отношения носителей языка к тем или иным предметам, явлениям окружающей действительности.

Объектом исследования стали именно такие, зафиксированные в словарях значения. Весь первоначальный анализ лексической семантики проводился путем изучения материала толковых словарей (как исторических, так и современных), что, с нашей точки зрения, позволяет говорить только об опосредованном влиянии стилистики на полученные результаты и, прежде всего, подтвердить один из главных тезисов работы – о том, что оценочный компонент значения не является исключительно коннотативным, второстепенным, а может входить в структуру семантики лексической единицы, в ее сигнификативную часть.

Изучение словарных дефиниций по лексикографическим источникам, фиксирующим различные исторические этапы существования языка, позволяет рассматривать языковое явление в его историческом развитии, то есть в диахроническом плане. *Предметом* рассмотрения в нашей работе является такой тип изменения семантики как позитивация / негативация оценочного компонента значения, представляющая собой диахронический процесс, в результате которого слово стало обозначать предметы (процессы, качества людей и т. п.), считающиеся в данном обществе более ценными, полезными, уважаемыми (позитивация) или менее ценными, полезными, уважаемыми (негативация).

Приобретение словом так или иначе выраженной объективной оценки, прослеженное по изменениям в словарных дефинициях на разных исторических срезах, конкретизирует предмет исследования и позволяет поставить его в один ряд с такими хорошо изученными типами изменения семантики слов (семантической деривации), как сужение значения, расширение значения и т. п.

Целью настоящей работы является анализ позитивации / негативации оценочного компонента значения в русской лексике, чему может способствовать решение следующих *задач*:

- 1) определить место оценочного компонента в структуре значения слова;
- 2) дать определение процессам позитивации / негативации оценочного компонента значения, выявить, насколько их механизм отличается от других типов изменения семантики;
- 3) определить причины позитивации / негативации оценочного компонента значения;
- 4) выявить наиболее адекватные методы исследования рассматриваемого типа семантических изменений;
- 5) определить способы выявления оценочного компонента значения и – как следствие – способы выявления самого факта позитивации / негативации;
- 6) разработать основы типологии процессов позитивации и негативации в русском языке в соответствии с механизмом семантического изменения слова;
- 7) определить значимость рассматриваемого языкового явления в лингвокультурологическом плане.

Материал исследования составляет картотека из 511 примеров позитивации / негативации оценочного компонента значения, извлеченных методом сплошной выборки из лексикографических источников [Материалы ...; СРЯ, XI–XVII; Дьяченко, 1998; ТСЖВЯ; Фасмер, 1996; КЭСРЯ; СРЯ; Ожегов, 19931; ТС; и др.], в которых отражена русская лексика различных исторических эпох.

---

¹ В очень редких случаях (при наличии семантических сдвигов в лексике конца XX в.) использовались более ранние издания словаря Ожегова.

В основе любого научного исследования лежит определенная методология, опирающаяся на соответствующую философскую базу. В данной работе при исследовании материала используются основные принципы методологии отечественного языкознания, сложившиеся к настоящему времени. Главные среди этих принципов: язык представляет собой один из видов общественной деятельности, неразрывно связанный с общественным сознанием и с человеческой коммуникацией; материальная природа языка тесно связана с идеальной, знаковой функцией, которая представляет собой отражение фактов объективной действительности в сознании человека (см. [ЛЭС, с. 299–300]).

Опираясь на данные методологические положения, необходимо четко определить, какими способами и приемами будет исследовать объект, другими словами – обозначить *методы* исследования.

В отечественной лингвистике сложился целый комплекс разнообразных методов исследования семантики. Б. А. Плотников в книге «Основы семасиологии» суммирует данные различных источников и представляет следующие методы исследования семантики слов: описательный, исторический, сопоставительный, психолингвистический, квантитативные методы, дистрибутивный, метод компонентного анализа [Плотников, 1984, с. 158–209]. Однако не все эти методы с одинаковым успехом могут быть применены для изучения семантической деривации, частным случаем которой является позитивация / негативация оценочного компонента значения.

Для обработки материала целесообразно использовать, с одной стороны, *описательный* метод в сочетании с *историческим* и *сопоставительным*, с другой – *дистрибутивный* метод выявления в значении оценочного компонента путем анализа толкования слова в лексикографических источниках. Использование данных, полученных с помощью экспериментального метода *компонентного* анализа, позволит подтвердить (или опровергнуть) выводы, сделанные ранее на основе теоретического рассмотрения материала. Данные методы можно обозначить как главные, основные в настоящем исследовании.

Описательный метод является одним из наиболее древних и распространенных. Он используется для описания основных свойств

объекта исследования. Как правило, этот метод является основой для применения в последующем других методов или используется параллельно с ними. Основными компонентами описательного метода являются наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация материала.

Применение описательного метода исследования к собранной автором картотеке примеров позитивации / негативации оценочного компонента значения позволило сгруппировать данные, выявить основные закономерности.

Исторический метод позволяет фиксировать многочисленные и разнообразные изменения, происходящие с течением времени в окружающей действительности и в нашем мышлении. Особенно отчетливо эти изменения прослеживаются по данным исторических и этимологических словарей, по текстам, написанным в разное время.

Позитивация / негативация оценочного компонента значения – семантический процесс, наблюдаемый в диахронии. Следовательно, он подразумевает изучение языковых фактов в историческом развитии. Очевидно, что при его рассмотрении следует учитывать фактический материал самых разных толковых и этимологических словарей, сравнивать лексикографические данные разных эпох.

В основе *сопоставительного метода* лежит принцип синхронического анализа фактов одного (реже – разных) национального языка. Как правило, сопоставляются данные разных территориальных или социальных вариантов языка с литературным языком. Синхронный план не позволяет рассматривать какое-либо явление в развитии. Данный метод в работе использован при изучении рассматриваемых семантических явлений лишь отчасти – например, при сравнении динамики семантических изменений в литературном языке с одной стороны, и жаргоне, диалектах и т. п. – с другой.

Особый интерес представляет группа *психолингвистических методов*, с помощью которых предполагается обработка и анализ тех языковых фактов, которые можно получить от информантов, носителей языка, в результате специально организованных экспериментов. Эти методы основаны на экспериментальных приемах исследования, отсюда их второе название – *экспериментальные*. Одной из главных

причин семантических изменений является психологическая детерминированность ассоциативных явлений в языке. «План содержания языка по своей природе психичен, концептуален, поэтому привлечение к его исследованию испытуемых – не только правомерное, но и необходимое средство изучения семантики языка в целом и значений отдельных языковых единиц в частности» [Плотников, 1984, с. 177].

Наличие у значения той или иной оценки подчас определяется интуитивно, выявление его другими методами достаточно затруднено. Психолингвистические эксперименты позволяют с большей надежностью говорить о наличии в значении слова того или иного компонента. Использование экспериментального метода делает результаты исследования более надежными, валидными.

Квантитативные (математические) методы, используемые в языкознании, связаны с исследованием частотных, вероятностных, градуальных и т. п. характеристик языка. Квантитативные методы дают хороший результат при большом количестве исследуемого материала. Позитивация / негативация оценочного компонента значения не может быть напрямую подвергнута, например, глубокому статистическому анализу, поскольку выявляется в сравнении с древними текстами, которых по определению не может быть достаточно для обширного исследования.

Дистрибутивный метод является определяющим в исследовании того, как языковые единицы распределяются (встречаются и сочетаются) в речевом потоке (письменном тексте) одна относительно другой. Грамматическая и лексическая сочетаемость не являются определяющими при выявлении описываемого нами типа семантических изменений. Здесь важен оценочный компонент значения, а не слово в целом. Применение дистрибутивного метода, как правило, возможно лишь на синхронном уровне и не позволяет рассматривать процессы во времени (диахронный анализ осуществим лишь при сравнении синхронных дистрибуций слова в различные эпохи).

Если же в центре внимания исследователя находятся лексикографические дефиниции слов, применение дистрибутивного метода не лишено смысла. Словарная статья тоже своего рода текст, и в нашем случае она является основой для семного анализа значения.

При таком подходе к дистрибуции этот метод пересекается с *компонентным анализом*, сущность которого сводится к тому, что в совокупности исследуемых языковых единиц выделяются те признаки, с помощью которых одни единицы различаются между собой, другие, напротив, объединяются в группы или совокупности. Выявление в толковании слова семы положительной / отрицательной оценочности позволяет судить о том, произошла ли позитивация / негативация оценочного компонента значения.

Обычно для выявления компонентов значения слова используется так называемый оппозитивный компонентный анализ. Однако в лингвистической литературе отмечается, что, в отличие от денотативного компонента (в нашем случае это интеллектуальная, логическая оценочность), «плохо поддаются компонентному анализу слова с ярким эмоционально-оценочным характером значения» [Левицкий, Стернин, 1989, с. 93] (т. е. единицы, оценочность которых осложнена коннотативной эмотивностью). Более эффективным является использование сочетания экспериментального метода и компонентного анализа.

Безусловно, все методы, применяемые в семантике, опираются в той или иной мере на интуицию авторов исследования или информантов. Однако, в конечном счете, использование языка есть не что иное, как интуитивный выбор нужных значений говорящими. Исследование данных, полученных от достаточно больших групп информантов, пожалуй, является ключом к выявлению реальных семантических компонентов слова.

Специфика материала и поставленных задач исследования обусловила следующую *структуру* работы: Введение, 2 главы, Заключение и Библиография.

В первой главе определяется место оценочного компонента в семантике языковой единицы, выявляется обусловленность процессов позитивации / негативации качественной сменой оценочного компонента в семантике; мотивированно дефинируется рассматриваемый тип семантических изменений, делается попытка отграничить его от смежных языковых явлений.

Во второй главе определяются способы выявления оценочного компонента значения – умозрительные, дистрибутивные, экспери-

ментальные; конкретизируются место и значимость (в том числе и лингвокультурологическая) процессов позитивации / негативации значения в системе языка; раскрывается механизм лингвокультурологического анализа рассматриваемого типа семантических изменений.

В Заключении излагаются итоги работы и намечаются основные перспективы дальнейшего исследования.

Библиография состоит из двух разделов. В первом перечислены источники материала (толковые, этимологические, исторические словари); во втором представлена научная литература – более 200 наименований.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые дается подробный комплексный анализ причин, механизмов и особенностей такого типа семантических изменений, как позитивация / негативация оценочного компонента значения. Разрабатываются основы его типологии, определяется его значимость для лингвокультурологических исследований. Также в работе определяется место оценочного компонента в структуре лексического значения, в связи с чем разграничиваются узусальная (объективная, зафиксированная лексикографически) иokkaзиональная (субъективная) оценка, тем более что «вопрос о соотношении коммуникативных и эмотивных факторов в семантических изменениях ... требует специального изучения» [Левицкий, 1984, с. 7]. Объективная оценочность рассматривается отдельно от эмоционально-экспрессивных моментов, как неотъемлемая часть сигнификативной составляющей семантики.

В теоретическом плане данная работа значима для различных областей лингвистики:

1) семиотики: анализируется структура означаемого языкового знака, определяется место оценочного компонента в этой структуре, соотношение денотации и коннотации;

2) диахронной семасиологии: анализируются закономерности процессов позитивации / негативации оценочного компонента значения, дается их характеристика, выявляются факторы, влияющие на семантическую деривацию такого рода;

3) аксиологии: рассматриваются случаи приобретения значением той или иной оценочности, выявляется, насколько эта оценочность связана с общей системой ценностей носителей языка;

4) словообразования: рассматриваемый тип семантических изменений формально совпадает с одним из способов словообразования – лексико-семантическим, материал исследования может быть использован для описания механизма этого способа;

5) лингвокультурологии: изучаемые языковые изменения характеризуются с позиций их значимости в культурном плане, роли в изменении фрагментов русской языковой картины мира.

С точки зрения *практической ценности* результаты работы могут найти применение при составлении словаря семантических изменений русского языка¹ и быть использованными в вузовских спецкурсах и школьных факультативах по лексикологии, семантике, словообразованию и лингвокультурологии. Также результаты исследования могут быть полезны при обучении русскому языку как иностранному, помогут обучаемым глубже овладеть страноведческой компетенцией и так называемым лексическим фоном. Проанализированный тип семантических изменений может обогатить разделы пособий по лексикологии, описывающие многообразие процессов, которые происходят в семантике слов.

---

¹ Работа над подобным словарем уже ведется (см. [Зализняк, 2013]).

ГЛАВА I. Лексическое значение слова в синхронии и диахронии

---

§ 1. Лексическое значение как структура. Оценочный компонент значения

Язык представляет собой знаковую систему, каждый член которой находится в определенных отношениях, оппозициях с другими знаками и связан с элементами внеязыковой действительности. В лингвистике существует две точки зрения на языковой знак: одни ученые рассматривают его как сущность монологическую, одностороннюю; другие – как билатеральную, двустороннюю. Сторонники монологической теории знака (В. П. Ломтев, В. М. Солнцев, П. В. Чесноков и др.) характеризуют его как материальный предмет, «указывающее звучание», некий сигнал, вызывающий у носителей языка ассоциации с определенным понятием или представлением. Однако эта позиция вызывает резонное возражение: «сигнал сам по себе не выполняет знаковой функции до тех пор, пока не соединится со значением» [Савенкова, 2002, с. 74]. Именно в единстве со значением материальная оболочка способна соотноситься с соответствующим понятием.

Сторонники билатеральной теории (В. А. Звегинцев, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Н. М. Шанский и многие другие) традиционно, вслед за Ф. де Соссюром, языковой знак представляют как «двустороннюю психическую сущность» [де Соссюр, 1977, с. 99], «единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего)» [ЛЭС, 1990, с. 167]. Здесь так называемый акустический образ рассматривается неотрывно от определенного смысла, что и дает возможность знаку реализовать указательную функцию. Схематически языковой знак с позиций билатеральной теории можно представить следующим образом (см. [де Соссюр, 1977, с. 100]):

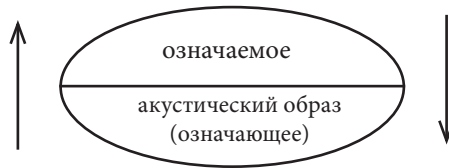

Рис. 1

Автор придерживается билатеральной теории языкового знака, согласно которой означающее и означаемое представляют собой единство.

На лексическом уровне языка знаками являются слова, а точнее – лексико-семантические варианты слов. В качестве означаемого здесь выступает лексическое значение языковых единиц.

Лексическое значение – это «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр.» [ЭРЯ, 1997, с. 213]. Вопрос о структуре значения имеет долгую историю, и у лингвистов нет единой точки зрения на то, что включать в семантику слова, а что нет, что существенно и обязательно, а что является факультативным, дополнительным.

Большинство современных отечественных лингвистов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, В. Н. Телия и др.) выделяют в качестве постоянных денотативный и сигнификативный элементы значения. С этой позиции, сигнификат – это «отношение слова к понятию, обобщенному мысленному отображению класса объектов», а денотат – «отношение слова к конкретному обозначаемому предмету в речи» [ЭРЯ, 1997, с. 213]. Каждый из этих элементов является реализацией соответствующих аспектов лексического значения: сигнификат – обобщающего, абстрагирующего; денотат – предметного, ситуативного. Тогда языковой знак предстает как триединая сущность: означающее, денотат и сигнификат. Схематически его можно представить следующим образом:

Рис. 2

Следует отметить, что термин *денотат* в науке о языке имеет несколько определений. Он может употребляться, во-первых, в том же значении, что и *референт*, термин, именующий объект внеязыковой действительности, который имеет в виду говорящий (применительно к *конкретной* речевой ситуации); во-вторых, в значении *экстенционала*, т. е. множества объектов действительности, которые могут именоваться данной единицей; в-третьих, в значении *элемента экстенционала* (в отличие от референта – безотносительно к конкретному речевому отрезку). В настоящей работе под денотатом понимается *элемент лексического значения*, отражающий наглядно-образное представление об означающем, субъективный компонент смысла, т. н. «денотативное значение». Все остальные значения термина *денотат*, в свою очередь, отождествляют его с реальными элементами окружающей действительности. С другой стороны, для каждого из этих значений у слова *денотат* есть соответствующий эквивалент, синоним, что вносит своего рода путаницу в терминологию. Ввиду этого предпочтительней узкое понимание термина *денотат* в указанном нами значении.

Таким образом, единство денотата (субъективного) и сигнификата (объективного, связанного с понятием) и составляет означаемое. Такое представление о структуре знака языка является достаточно распространенным и фигурирует во многих работах по семасиологии и семиотике (см. [Фреге, 1977; Гак, 1986; Телия, 1986; и др.]). В данных исследованиях в качестве базовой для изучения

компонентов значения рассматривается модель языкового знака, изображенная на рисунке 2. Преимущество этой модели видится в том, что она разделяет, с одной стороны, формальную и содержательную стороны знака, с другой стороны – объективное, смысловое (сигнификат) и субъективное (денотат). Данное разграничение позволяет оценить степень влияния на формирование значения субъективных и объективных факторов. В настоящей работе эта модель также принимается за основу при дальнейшем описании специфики исследуемого материала, так как при рассмотрении семантических изменений очень важно различие субъективного и объективного, прежде всего для обнаружения самого факта этих изменений в общезыковом масштабе.

Наряду с понятийным (сигнификат) и предметным (денотат) элементами значения выделяется прагматический, обнаруживаемый благодаря выполнению языком коммуникативной функции. Подчиненным прагматическим установкам говорящего является еще один важный компонент лексического значения – коннотат, о месте которого в семантической структуре слова среди лингвистов до сих пор ведутся споры. До конца не определен состав коннотативного элемента, не уточнен полный набор прагматических установок, которые находят в нем свое отражение. К тому же ученые приходят к выводу, что «чаще всего в языковом знаке переплетаются семантические и прагматические компоненты» [Фефилов, 1990, с. 10], они не существуют изолированно и не могут быть четко отграниченными друг от друга.

Когда говорят о лексическом значении, прежде всего имеют в виду набор сем, заключенных в означаемом языкового знака. Коннотат же характеризуется как факультативный, дополнительный элемент значения, несущий «сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на ... основное значение» [Ахманова, 1966, с. 204]. Под коннотатом понимается также любой компонент, который дополняет предметно-понятийное содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию (см. [ЭРЯ, с. 193]). Эти два определения во многом схожи и в целом выражают одну точку зрения, которая принимается и автором настоящего

исследования. Под коннотатом нами понимаются все дополнительные оттенки лексического значения, реализующиеся, как правило, в конкретной речевой ситуации и находящиеся за пределом самого значения, то есть не входящие ни в денотативный, ни в сигнификативный его компонент.

Традиционно наряду с экспрессивным и эмоциональным элементами коннотата выделяют также оценочный [Ахманова, 1957; Звегинцев, 1957; и др.]. Рассматривая эту точку зрения, целесообразно решить вопрос о том, всегда ли оценка обозначаемого предмета или явления действительности сосредоточена исключительно в коннотате. Если да, негативация / позитивация оценочного компонента значения вряд ли заслуживает пристального внимания семасиологов, поскольку положительное или отрицательное отношение говорящих к объекту речи предстает лишь в виде дополнительного оттенка, не влияющего на систему признаков, которые составляют семантику слова. В таком случае рассматриваемое языковое явление относится к сфере стилистики, определяющей прагматический аспект высказывания и не является интеллектуально, логически значимым. Попробуем обозначить нашу точку зрения, предварительно сопоставив несколько авторитетных мнений по поводу того, в чем видится решение данной проблемы.

Схематически коннотат, как единство эмотивного, экспрессивного и оценочного компонентов, можно представить следующим образом:

Рис. 3

В. А. Звегинцев, как и многие другие исследователи, выделяет в слове предметно-логическое содержание (денотативно-сигнификативный компонент) и эмоционально-экспрессивно-оценочный элемент (в нашей терминологии – коннотат). Он пишет: «...Совершенно очевидно, что добавочные экспрессивные эмоциональные “созначения” не могут быть поставлены в один ряд с предметно-логическим содержанием слова, которое фиксируется его значением, не могут входить составным элементом в значение слова, поскольку эти “созначения” не являются объективными в языковом плане явлениями» [Звегинцев, 1957, с. 170]. Звегинцев считает, что они служат лишь для «стилистической окраски»: «Могут ли экспрессивно-эмоциональные моменты служить опорой особых лексико-семантических вариантов слова, которые можно было бы поставить в один ряд с лексико-семантическими вариантами слова, обусловленными в своем существовании иными и в первую очередь предметно-логическими факторами? Очевидно, что на этот вопрос возможен только отрицательный ответ» [Звегинцев, 1957, с. 172].

Данное утверждение, очевидно, вполне справедливо по отношению к эмоциональной составляющей. Что касается оценочного компонента, оно кажется чересчур категоричным. Звегинцев и сам, по-видимому, это понимает, так как, говоря о коннотате вообще, он называет его эмоционально-экспрессивно-оценочным элементом, а когда речь идет о «мнимом» изменении значения, факт наличия оценочности не отмечается. Ученый вновь обращается к этому вопросу, рассматривая оценочный элемент с позиций стилистики. Приводя в качестве примера ряд *лик – лицо – рожка – рыло*, он отмечает, что «данные члены синонимического ряда предстанут перед нами в своем особом чистом стилистическом качестве, выражающем, как принято говорить, субъективное отношение говорящего к предмету. Изменение их или взаимная подстановка возможна только в том случае, если имеется в виду и изменение отношения к предмету» [Звегинцев, 1963, с. 142].

Ощущая некоторую непоследовательность своих рассуждений, в конце статьи автор пишет, что «более подробное рассмотрение стилистических синонимов и их особенностей предполагает пере-

смотр всей стилистики» [Звегинцев, 1963, с. 142]. Думается, что использование в конкретной речевой ситуации подобных осложненных оценочностью синонимов позволяет в дальнейшем говорить, например, о принадлежности данного высказывания к тому или иному стилю. Стилистическая характеристика, с нашей точки зрения, является вторичной по отношению к использованию готовых лексико-семантических вариантов, по мнению же В. А. Звегинцева, положительная либо отрицательная оценка называемого предмета – это «стилистическое качество», не влияющее на собственно лексическое значение.

Такую же точку зрения высказывает и О. С. Ахманова. Как и В. А. Звегинцев, она отмечает, что «разграничение, с одной стороны, самой семантики, интеллектуального содержания, данного “факта выражения”, а с другой – сопутствующих ему экспрессивно-эмоционально-оценочных моментов вполне может быть принято» [Ахманова, 1957, с. 238]. «Изменяющиеся условия общения приводят к изменениям языка; особенно наглядны эти изменения в разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных “обертонках”, свойственных тем или другим языковым средствам. На памяти каждого человека, непосредственно перед его глазами все время происходит стилистическая переоценка слов и выражений: то, что еще недавно было единственно возможным выражением данного “содержания”, прямо “на глазах” становится педантизмом, прежде “нейтральное” выражение становится “фамильярным” или, напротив, вульгаризм перерастает в нормальное, нейтральное выражение» [Ахманова, 1957, с. 241]. Таким образом, для ученого качественные изменения в оценке говорящими того или иного явления вовсе не являются основанием для сдвига в семантике, а представляют собой переход из одной стилистической ниши в другую. Сама стилистика, по Ахмановой, есть не что иное, как «наука о разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных моментах в языке» [Ахманова, 1958, с. 28]. Исследователь считает эту точку зрения правильной и не видит оснований для других суждений.

Точка зрения В. А. Звегинцева и О. С. Ахмановой, считающих выражение отношения говорящего к называемому предмету ис-

ключительно «обертоном», «созначением», частью коннотативного элемента, и в настоящее время имеет немало сторонников. Так, Л. М. Майданова, говоря об оценочной коннотации, подтверждает ее дополнительную тем, что оценочные существительные мотивированы «нейтральными» словами. Однако приводимые исследователем примеры вряд ли могут быть квалифицированы как оценочно нейтральные. Поскольку, как полагает Л. М. Майданова, оценочность относится к внеязыковой действительности, слова, выражающие положительное или отрицательное отношение говорящего к предмету речи, являются нейтральными. Отсюда и вывод о том, что оценочность существительных факультативна, ибо мотивирована нейтральными словами: «как правило, это нейтральные прилагательные, называющие признак, который во внеязыковой действительности как-то оценен (*красивый, злой*)» [Майданова, 1980, с. 40]. Думается, что прилагательные такого рода как раз являются оценочными, никак не нейтральными.

Не соотносимыми со строгими логическими понятиями считает экспрессивность, эмоциональность, а наряду с ними – и оценочность Л. М. Васильев [Васильев, 1985, с. 7]. В свою очередь В. И. Говердовский, выделяя среди типов коннотации экспрессивно-оценочный, говорит о том, что, к примеру, слова *понаписать* и *написать* «денотативно равноценны» [Говердовский, 1989, с. 11].

С нашей точки зрения, приобретение нейтральными словами положительной или отрицательной оценочности (то есть собственно процесс негативации / позитивации оценочного компонента значения) подразумевает изменения внутри языкового знака, а не только (и не столько) приобретение словом неких факультативных обертонов. Однако это, как можно видеть, признается далеко не всеми лингвистами.

Некоторые исследователи отмечают, что содержание коннотата (понимаемого как экспрессивно-эмоционально-оценочный «довесок» к значению) не является однородным. Очевидным признается тот факт, что оценочность играет в значении значительно большую роль в сравнении с той, которую ей отводили сторонники традиционного понимания коннотативного компонента значения (О. С. Ах-

манова, В. А. Звегинцев и др.). В. К. Харченко, осознавая специфику оценочного компонента («...так как оценочность представляет собой функциональную категорию, она меньше всего является “сознанием” и тем самым отличается от эмоциональности и экспрессии» [Харченко, 1976, с. 67]), все же относит его к коннотациям в традиционном понимании, сложившемся в 50-х годах XX века.

Схематически языковой знак с позиций этих исследователей выглядит следующим образом:

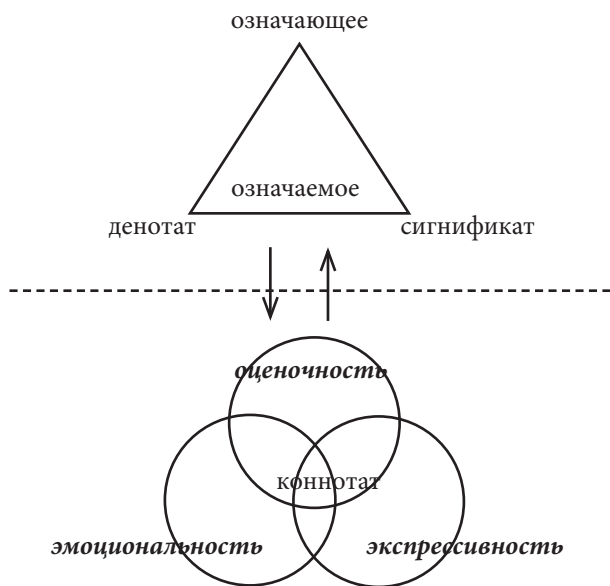

Рис. 4

Компоненты коннотата (оценочность, эмотивность и экспрессивность) представлены на рисунке 4 в виде окружностей. Сам коннотат, в зависимости от конкретной речевой ситуации, может либо заключать в себе один из своих компонентов, либо сочетать два или все три (тогда он схематически располагается в месте наложения окружностей) – все зависит от прагматических установок субъек-

та речи. Оценочный компонент здесь, как видно из схемы, не входит в структуру значения слова, а является одной из составляющих коннотата, наряду с эмотивностью (эмоциональностью) и экспрессивностью. Все компоненты коннотата с этой точки зрения должны рассматриваться исключительно в рамках стилистики, хотя не отрицается их тесная взаимосвязь с семантикой. Она зависит, по мысли сторонников излагаемой здесь теории, от конкретных интенций говорящего, контекста, речевой ситуации – то есть от прагматических стилистических установок субъекта речи.

Думается, стилистика слова не является единственной сферой языка, с позиций которой можно рассматривать категорию оценочности. Стилистическая прикрепленность является лишь определенным показателем, вторичным по отношению к собственно языковым изменениям, которые и являются поводом для стилистической характеристики слова. Некоторые исследователи, например [Селиверстова, 1970; Арнольд, 1973; Стернин, 1979], выделяют стилистический компонент в коннотации как равноправный наряду с эмоциональностью, экспрессивностью и оценочностью, что уже дает повод говорить об особом положении стилистики по отношению к значению в целом. По мнению этих авторов, именно стилистический компонент коннотации находит отражение в лексикографической практике в виде особых помет в толковании семантики (например, «разговорное», «просторечное», «высокое» и т. п.). Такой подход, по нашему мнению, является основой для правильного решения проблемы. Рациональным представляется мнение о том, что именно стилистические характеристики слова должны находиться за пределами значения и относиться к сфере употребления, то есть компоненты значения обуславливают принадлежность слова к определенному стилю, а не наоборот. Подобной точки зрения придерживаются, например [Васильев, 1985, с. 18; Мягкова, 1990, с. 19].

В. В. Виноградов допускает, что «на основе экспрессивно-синонимического значения могут развиваться другие, но только фразеологически связанные значения слова» [Виноградов, 1977б, с. 173], то есть те, которые строго связаны с определенными контекстами. Безусловно, слово, содержащее совершенно определенную оценку

предмета, будет употребляться гораздо реже своего нейтрального синонима и в зависимости от ситуации (ср. *аромат – запах – смрад – вонь*). В. В. Виноградов пишет: «Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального. Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменении значений. Экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных смысловых элементов высказывания» [Виноградов, 1972, с. 21].

Д. Н. Шмелев на вопрос о том, включается ли экспрессивная «окраска» в семантику слова, отвечает так: «Экспрессивно-стилистическая окраска – это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается “смысл”, связанный с данным звуковым комплексом. Трудно в настоящее время усомниться в необходимости различения “предметно-логического содержания” слова и его экспрессивно-стилистической окраски, а также в необходимости отграничения случаев индивидуального и контекстуального экспрессивно-стилистического употребления слова от устойчиво закрепленных за ним экспрессивно-стилистических функций. Однако никому не придет в голову рассматривать последние независимо от предметного значения слова; почти столь же нереально, в конечном счете, изучение значений слова без учета возможностей его применения, то есть его стилистического диапазона» [Шмелев, 1964, с. 111]. «По-видимому, – продолжает ученый, – ... целесообразнее, говоря о “лексическом значении”, включать в это понятие только те экспрессивные элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют самое явление, которое отображает слово (кляча, донос, гордыня, хлипкий, уплетать и т. п.), не включая в него тех стилистических элементов, которые характеризуют стиль и назначение речи или говорящих (архаизмы, диалектизмы, профессионализмы и т. д.)» [Там же, с. 112].

Таким образом, Д. Н. Шмелев предлагает не рассматривать коннотативный элемент как единый эмоционально-экспрессивно-оценочный комплекс, а разделить его на составляющие, по принципу

вхождения / не вхождения в структуру значения. «Входящий» компонент должен характеризовать отношение к обозначаемому предмету, а это уже специфическая черта оценочности. Но если оценочность входит в структуру значения на правах отдельной семы, это уже не «окраска», не дополнительные «созначения».

Другие исследователи отмечают, что собственно-номинативная и экспрессивно-оценочная лексика «частично перекрещиваются, поскольку экспрессивная функция очень часто развивается и закрепляется за отдельным лексико-семантическим вариантом многозначного слова в результате вторичной номинации, и, таким образом, номинативное и экспрессивное значения могут совмещаться и реально совмещаются в семантической структуре одной лексемы» [Лукьянова, 1980, с. 3]. Таким образом, здесь автор максимально сближает экспрессивный и оценочный компоненты с денотативно-сигнификативным содержанием значения лексико-семантического варианта, и это сближение, на его взгляд, особенно явно обнаруживается при развитии полисемии: «Переносные лексико-семантические варианты, особенно метафорические, являются универсальным и наиболее мобильным средством выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи; они составляют значительную долю в общем объеме словаря русского языка, на что обращают внимание многие исследователи» [Там же].

Наконец, ряд авторов отмечают сближение традиционно выделяемых в коннотате элементов с собственно значением слова, и отводят этим элементам значительное место в семантике, отмечая их весомость при семантической деривации: «Поскольку чувства, эмоции являются формой отражения действительности и тесно связаны с мыслительной деятельностью человека, они не могут не играть важной роли в изменении значений слов» [Левицкий, 1984, с. 6]; «Эмоционально-оценочная образность имеет хотя и опосредованную, но когнитивную отнесенность, и поэтому она не обязательно является коннотативной, то есть дополнительной, второстепенной в семантической структуре словарного знака» [Шаховский, 1980, с. 30]. Оценка и эмоциональность, с этой точки зрения, играют большую роль в собственно лексическом значении.

Противоположное решение проблемы места коннотата в значении слова предлагает Е. Ю. Мягкова. Она утверждает, что именно эмоциональность, представляющая, по ее мнению, не что иное, как реализацию оценочного момента, является обязательным компонентом значения. Автору «представляется правомерным трактовать отсутствие явной выраженности эмоциональной нагрузки как значимое» [Мягкова, 1990, с. 28], то есть говорить о нулевой эмоциональности. Однако большинство выводов исследователь формулирует, приводя данные психологии, логики и философии, на основе учета оценочности, которая, по мысли Е. Ю. Мягковой, является лишь базой для эмоциональной нагрузки слова, входит в нее. Не выводя эмоциональность за пределы коннотата, автор утверждает его равнозначность с денотатом в структуре значения: «Эмоциональная нагрузка слова является полноправным, а не второстепенным компонентом психологической структуры значения; при этом отношения между денотативной и коннотативной составляющими значения не следует рассматривать как иерархические» [Мягкова, 1990, с. 37]. Д. А. Романов, в свою очередь, утверждает, что эмоция может являться главным содержанием языковой единицы, и выделяет так называемую «денотативную эмоциональность» [Романов, 2004, с. 80]. К таким языковым единицам автор относит, например, названия основных эмоциональных модальностей (любовь, страх, горе и т. д.).

Итак, в лингвистической литературе наблюдается неоднозначность подходов к понятию «коннотация». Зачастую налицо противоречивость суждений, а иногда и просто смешение различных позиций. Возможно, это происходит потому, что традиционное определение коннотации как «эмоциональной, оценочной или стилистической окраски языковой единицы» [ЛЭС, с. 236] порой оказывается в глазах исследователей более весомым, непоколебимым, несмотря на новые открывающиеся факты языка. Другой причиной неоднозначного подхода к коннотации, по-видимому, является то, что разграничение собственно оценочного и эмоционального компонентов представляет большую трудность, так как «чаще всего они выступают вместе и тесно связаны в пределах значения» [Стернин, 1979, с. 98].

С нашей точки зрения, верен путь решения проблемы, намеченный Д. Н. Шмелевым. Он заключается во включении оценочного компонента коннотата в структуру собственно лексического значения. Подобной позиции придерживаются и С. С. Хидекель и Г. Г. Кошель, выдвинувшие тезис о том, что «оценочный компонент выступает как обязательный семантический компонент значения слова» [Хидекель, Кошель, 1981, с. 8]. То есть ученые говорят об оценочности как об ингерентном, внутренне присущем, постоянном элементе семантики. Они дают определение оценки не как одной из основных частей стилистической коннотации (по О. С. Ахмановой), а как «общественно закрепленного отношения носителей языка (“хороший” – “плохой”, “хорошо” – “плохо”) к внеязыковому объекту и к фактам языка и речи». Авторы выделяют, наряду с положительной и отрицательной оценкой, еще и так называемую «нулевую», что и позволяет говорить об обязательности оценочного компонента в семантике слова. По различному основанию оценки упомянутые исследователи выделили три типа оценочных компонентов:

- 1) интеллектуально-логический (свойства объективно присущи референту);
- 2) эмоциональный (приписываемые свойства объективно не присущи референту);
- 3) эмоционально-интеллектуальный (рациональность и эмоции сосуществуют в органическом единстве).

Выделение таких типов основывается также на психологическом и логическом подходах к оценке, которая имеет двоякую, эмоционально-интеллектуальную природу, см. [Ивин, 1970; Карасик, 1994; и др.].

И. А. Стернин дает определение оценочному компоненту как «одобрительной или неодобрительной оценке, заключенной в значении» [Стернин, 1979, с. 99], и отмечает, что оценочный компонент выделяется в значении большого числа знаков. Думается, если рассматривать оценку как обязательный компонент значения, то можно предположить, что во всех остальных словах она просто имеет нулевое выражение. И. А. Стернин разделяет точку зрения о том, что оценка может «входить в денотацию» (ученый является сторон-

ником монолатеральной теории языкового знака и понимает под денотацией означающее). Но это, по его мнению, происходит не всегда, оценка может находиться и в коннотате. «Необходимо отметить, что оценочность может быть как элементом коннотации, так и элементом денотации. Разграничение этих двух явлений наталкивается на определенные трудности» [Там же, с. 103]. Используя особую методику, исследователь разделяет лексические значения, в которых оценочный компонент является частью денотации, и значения, где оценка – составной элемент коннотации. Согласно алгоритму И. А. Стернина, оценка является частью денотации, если в формулировке значения (выверенной по толковому словарю) присутствует оценочное слово. Если такого слова в толковании нет, оценка является частью коннотации. Приводя пример использования данного алгоритма, И. А. Стернин комментирует его и приходит к частному выводу: у слова *внятный* оценка сосредоточена в коннотации, а у слова *вразумительный* – является компонентом денотации [Там же, с. 93], то есть в первом случае Стернин обнаружил в словарной дефиниции (по использовавшемуся автором лексикографическому источнику) оценочное слово, а во втором – нет. Очевидно, что при таком подходе к оценочному компоненту результаты семасиологического исследования будут далеко не бесспорными. Это становится особенно наглядным при сравнении различных источников; так, в одном из последних толковых словарей у леммы *внятный* присутствует в толковании оценочное слово: 'хорошо слышный, отчетливо звучащий' [Ожегов, 1993, с. 87], то есть по теории И. А. Стернина здесь оценочность как раз «входит в денотацию».

Идея выделения оценочности как основного, а не дополнительного, коннотативного элемента значения получила развитие и научное обоснование в трудах В. И. Шаховского. Он пишет: «Наиболее распространено мнение о том, что эмотивная, оценочная, экспрессивная и стилистическая окраска являются коннотативными и составляют структуру коннотации» [Шаховский, 1983, с. 29]. Сам автор считает, что оценочный и экспрессивный компоненты не являются собственно коннотативными, они – компоненты денотации. Семантическим стержнем коннотации является эмотивный ком-

понент, а эмоция, по мнению В. И. Шаховского, всегда и оценочна, и экспрессивна [Шаховский, 1983, с. 14]. В отличие от О. С. Ахмановой, В. А. Звегинцева и других, Шаховский вместо термина *эмоциональность* использует *эмотивность*. Под *эмотивностью* автором понимается лингвистическое выражение эмоций, в свою очередь *эмоциональность* рассматривается как психический процесс, содержанием которого является потребность выразить эмоции.

В лингвистической литературе наблюдается смешение этих двух терминов. Некоторые лингвисты именно эмоциональность трактуют так, как В. И. Шаховский эмотивность, см. напр.: [Стернин, 1979; Новиков, 1982]. В настоящей работе принимается позиция В. И. Шаховского, так как она позволяет разделить психологический и лингвистический подходы к выражению эмоций.

В. И. Шаховский отмечает: «...Языковой материал показывает, что оценка и экспрессия могут иметь свой собственный референт и, следовательно, быть ономазиологическими категориями, закрепленными в денотативном аспекте значения» [Шаховский, 1983, с. 29].

Итак, оценка может иметь свой референт, то есть находить объективное отражение в воспринимаемой носителями языка действительности, в свою очередь экспрессия является выражением степени интенсивности обозначаемого словом признака. Одной из первых на это обратила внимание Е. М. Галкина-Федорук, см. [Галкина-Федорук, 1958, с. 107]. Н. М. Разинкина со схожих позиций трактует экспрессивность как «различные оттенки выразительной силы слова» [Разинкина, 1982, с. 20]; однако, как и Е. М. Галкина-Федорук, не выводит ее за рамки коннотации.

По мнению В. И. Шаховского, экспрессия может относиться к сфере денотации. Таким образом, экспрессивность входит в структуру самого значения, а не является частью коннотата. В работе, посвященной разграничению эмотивности и экспрессивности, В. И. Шаховский выделяет 6 дифференциальных признаков данных компонентов, в круг этих признаков входит обязательность смысловости в значении слова при наличии эмотивного компонента (коннотации). У экспрессивности оценочный компонент является факультативным [Шаховский, 1975, с. 17–19]. То есть, когда значение

дополняется эмотивным компонентом, в его (значения) структуре обязательно актуализируется сема оценочности. Когда выражается экспрессия, лексико-семантический вариант содержит выраженную оценку не всегда. Например, у прилагательных в превосходной степени сравнения при экспрессивности семантики (признак выражен наиболее интенсивно) во многих случаях отсутствует выраженная оценочность, особенно если речь идет об изолированной, внеконтекстной номинации.

Следовательно, по В. И. Шаховскому, экспрессивность входит в структуру значения. Аналогично обстоит дело с оценочным компонентом: «Исследования на материале разных языков показали, что среди типов оценки превалирует интеллектуально-логическая оценка ... которая основана на логических суждениях об объективных признаках» [Шаховский, 1983, с. 32]. Таким образом, оценочный компонент отражает реальное (коллективное или индивидуальное) представление о разной степени ценности того или иного предмета, явления, обозначаемого словом. Оценочная сема может быть рациональной, объективной. При наличии в структуре значения языковой единицы эмотивного компонента, оценочность заключается именно в нем, поскольку эмотивность всегда оценочна. Они в данном случае выступают как взаимодополняющие элементы, однако эмотивность является доминирующей. Выделение С. С. Хидекель и Г. Г. Кошель эмоционального оценочного компонента представляется неверным, поскольку это «противоречит и фактам языка, и методологическому тезису о единстве рационального и эмоционального в языке: оценка не может существовать без семантической доли рационального» [Шаховский, 1983, с. 34]. Другое дело, что окрашенный эмоциональностью лексико-семантический вариант, как правило, является окказиональным и существует только в рамках данного речевого отрезка. Отсюда и специфика, некая обособленность эмоциональной оценочности.

Думается, что выводы В. И. Шаховского наиболее объективно отражают реальное соотношение коннотативного и денотативно-сигнификативного компонентов значения. Под коннотацией понимается «аспект лексического значения единицы, с помощью которого

кодированно выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» (см. [Шаховский, 1983, с. 14]). Оценочный компонент значения, как и экспрессивный, квалифицируется как объективно-логический, входящий в структуру означаемого. Такое понимание оценочного компонента представляется вполне логичным и обоснованным.

Приблизительно с тех же позиций, что и В. И. Шаховский, подходит к решению данного вопроса В. Н. Телия, однако она считает коннотации вторичными по отношению к оценочности (у В. И. Шаховского – наоборот): «Коннотация как экспрессивно маркированный макрокомпонент семантики является продуктом оценочного восприятия и отображения действительности в процессах номинации» [Телия, 1986, с. 21]. И именно в этом исследователь видит специфику оценочного компонента. Очень часто оценка, сама по себе входящая в денотативный макрокомпонент значения, сопровождается различными эмоциональными коннотациями. Более того, «коннотации в онтогенезе “предшествует” оценочная семантика единиц языка». То есть, с этой точки зрения, в сознании человека изначально возникает оценочность (в данном случае – субъективная), и только потом, при ее выражении, она обрывает определенными эмоциональными коннотациями. В действительности же бывает очень трудно определить, что в момент конкретной эмотивной номинации было первичным – желание выразить оценку объекта речи или эмоции, им вызываемые.

Н. Г. Комлев отмечает, что «коннотация касается всех трех основных компонентов слова: знака (очевидно, здесь в значении «означающее» – Д. И.), понятия и денотата», однако является только сопутствующим компонентом «своему так называемому словарному значению» [Комлев, 1992, с. 52]. Среди причин возникновения коннотативности он называет наличие собственно оценочности (определения роли объектов, явлений для человека и т. п.), а также саму оценку (автор выделяет именно отрицательную оценку). В целом это соответствует положению о первичности оценки по отношению к эмоциональности и обусловленности ею (оценкой) эмотивного компонента.

С позиции В. Н. Телия, оценочное значение – это «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» [Телия, 1986, с. 54]. В этой дефиниции нашли свое отражение два важных момента. Во-первых, оценочный компонент значения здесь рассматривается как тесно связанный с некими свойствами предмета, уже отраженными в семантической структуре слова; во-вторых, оговаривается потенциальная подвижность оценочности, то есть возможность ее сущностного варьирования в зависимости от прагматических установок отдельного индивида или всего общества, объединенного единым лингвокультурным пространством.

Таким образом, в структуре языкового знака оценочный компонент значения является обязательным (положительная, отрицательная или нейтральная оценка обозначаемого). Интеллектуальная, логическая оценочность не является факультативным, дополнительным элементом семантики. Здесь оценка сосредоточена в сигнификате (обобщенное представление о признаке, входящем в понятие). Такая оценочность является ингерентным компонентом семантики, не зависит от конкретной речевой ситуации, закреплена в языковой системе. Парадигматичность оценочного компонента подтверждается тем, что такая оценка имеет свой референт, то есть находит объективное отражение в воспринимаемой носителями языка действительности, является логически обоснованной. В противоположность объективной оценочности, субъективное, эмоциональное выражение отношения к обозначаемому предмету не входит в означаемое и является составляющим элементом коннотации. Схематически языковой знак в таком понимании можно изобразить следующим образом (см. рис. 5).

Эмотивные коннотативные элементы находятся за пределами собственно значения, и их возникновение, с одной стороны, обусловлено специфическим употреблением слова (например, при метафоризации), с другой стороны, находится в тесной взаимосвязи с денотативной и сигнификативной составляющими значения, по-

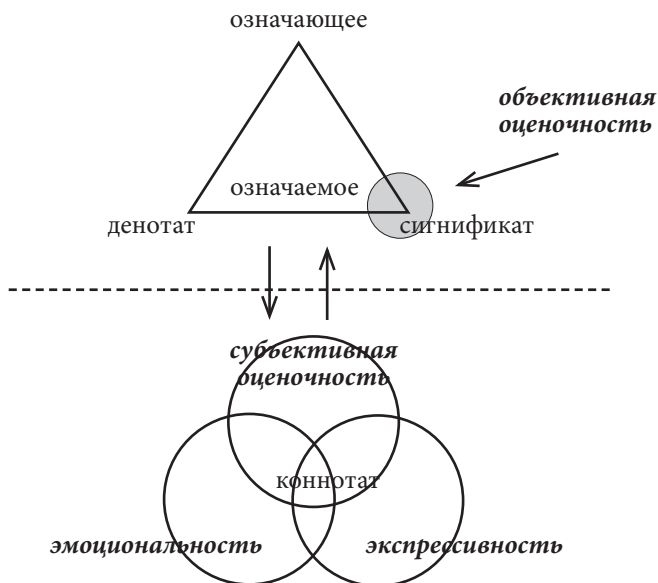

Рис. 5

сколько любое образное словоупотребление базируется на внутренней форме слова, а ею является означаемое производящей основы.

Логическая объективная оценка, с нашей точки зрения, всегда присутствует в значении. Она является частью сигнификативного компонента значения, связана с понятием. Противники такого подхода могут сказать, что оценка того или иного предмета, явления окружающей действительности как хорошего или плохого не является частью самого этого предмета, явления. А если так, то все, что «сверх», – это коннотации, незначащие дополнения. Однако значение не является ни исключительно эквивалентом понятия, ни описанием физических, внешних признаков обозначаемого; его компонентами могут являться самые абстрактные признаки, в том числе и *хороший / плохой*. Эти признаки могут являться очень важными, часто главными, для разграничения синонимов. И даже если их (эти синонимы) назвать стилистическими, суть не меняется.

Возникновение эмотивности и экспрессивности чаще всего обусловлено потребностью определенной оценочной номинации, то есть оценка, как правило, является первичной по отношению к появлению коннотаций. Она является логическим компонентом сигнификации, накладываясь на непосредственную, объективную семантику.

В. Н. Телия так же выделяет два типа оценки – объективную (не экспрессивна, рациональна, идентифицирует обозначаемый предмет) и субъективную. Последняя сопровождается эмоциональностью, экспрессивностью. Условно исследователь называет этот тип эмотивно-оценочным. Между данными типами оценки есть существенная разница, поскольку оценочный компонент неравномерно распределен в означаемом и разные оценки, по мнению автора, концентрируются в первом случае ближе к денотату, а во втором – к сигнификату.

Объективная оценка характеризует реальные признаки предметов, она денотативна (в широком смысле). Субъективная оценка, как правило, заключена в знаке, который используется для вторичной номинации, а содержание денотата в таком случае предельно теряет конкретность, сужается. То же наблюдается и при единичных употреблениях слов в необычных значениях: «Окказиональное значение чаще всего богаче узуального по содержанию и уже его по объему» [Пауль, 1960, с. 94]. Для примера можно рассмотреть слово *шляпа* в значении '*растяпа*'. Здесь денотация размыта, но зато конкретизирована сигнификация за счет актуализации периферийных сем оценочности. Номинация в этом случае во многом детерминирована не реальной действительностью, а внутренней формой нового значения, разного рода культурными ассоциациями, повлекшими за собой сдвиг в семантике. «Кардинальное отличие значения, содержащего рационально-объективную оценку, от значения с оценкой эмотивно-субъективной, заключается, таким образом, в том, что первая входит в объем денотации (очевидно, имеется в виду весь объем означаемого: и денотат, и сигнификат. – Д. И.) ... а вторая входит только в сигнификацию, в которой и маркируется прагматически-ценностная ориентация значения, всегда связанная с срав-

нением, сопоставлением» [Телия, 1986, с. 94]. И в этом, во многом, специфика вторичной номинации, при которой в качестве производящей основы берутся уже существующие в языке номинативные единицы. Новое значение, особенно на первых стадиях своего существования, обладает большей отвлеченностью, оно более сигнификативно: «Исследование семантических изменений показывает в первую очередь, что отвлеченные и абстрактные значения вырастают, как правило, из более конкретных» [Блумфилд, 1968, с. 470].

Л. А. Новиков говорит о прагматическом аспекте значения и называет его «специфическим языковым выражением оценки обозначаемого с помощью маркированных единиц, оценочным эмоциональным, стилистически характеризующим компонентом лексического значения» [Новиков, 1982, с. 100]. Прагматический аспект в интерпретации Новикова по сути есть не что иное, как субъективная оценка в терминологии В. Н. Телия. Прагматическое значение входит в структуру лексического значения, однако при этом структура последнего усложняется по сравнению со словами, имеющими «нулевую» прагматику; обнаруживается двучленная структура: одна часть этой структуры есть выражение определенного эмоционально-эстетического отношения, вторая – интеллектуального, мыслительного содержания. В прагматике совмещаются интеллектуальная и эмоциональная сторона.

Л. А. Новиков полагает, что «прагматическое значение используется прежде всего для объяснения природы эмоциональной и экспрессивно-стилистической характеристики слова, его образной потенции» [Новиков, 1982, с. 103]. В этой связи ученый называет прагматическое значение еще и эмотивным, оговариваясь, что это сужает объем собственно прагматического аспекта. Возможно, это вполне допустимо в его видении структуры значения, поскольку он пытается четче разграничить типы лексического значения в соответствии с его аспектами: сигнификативное, структурное (связанное с положением знака в общей структуре языка), прагматическое и сигматическое (денотативное). Поскольку оценочность растворена во всех компонентах значения, Новикову, по-видимому, было проще ограничить в своей работе прагматическое значение эмотивностью.

М. М. Копыленко и З. Д. Попова, анализируя фразеологически связанные значения, также различают лексические значения, осложненные и не осложненные эмотивностью. При этом оценочностью, на их взгляд, могут обладать и те, и другие. Это становится очевидным при исследовании вторичной номинации, когда рассматриваются новые значения слов. Ср., например, оценочность в устойчивых сочетаниях без эмотивного компонента (*глубокий ум, широкая душа, узкие интересы*) и с эмотивным компонентом (*устраивать балаган, попасть впросак*). Причем в последнем случае первичная денотативность полностью размыта, осталась лишь оценка ситуации. Авторы говорят здесь об изоляции коннотативной семемы от денотативных семем [Копыленко, Попова, 1989, с. 55]. В данном случае под семемой авторы понимают единицу плана содержания, мыслительный образ, то есть означаемое.

Какой бы ни была оценка – рациональной или эмоциональной, мотив ее (наблюдаемые свойства объекта, связанные с объектом факты, отношение к цели и т. д.) всегда имеет объективный характер. Н. Д. Арутюнова считает, что «оценочное значение обусловлено фактическими свойствами предмета в той мере, в какой оно ими мотивируется» [Арутюнова, 1988, с. 57]. Однако «мотив оценки не находится с самой оценкой ни в каузальных отношениях, ни в отношении логического вывода... между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи» [Там же]. Между мотивом оценки и самой оценкой находится человек, который, чтобы оценить объект, «пропускает» его через себя; принцип оценивания – «Мир существует для человека, а не человек для мира» [Там же, с. 58]. В такой ситуации о строгой логике оценки говорить не приходится, но, как уже было отмечено, мотив ее всегда объективен, что свидетельствует о важности ее в структуре лексического значения номинативных единиц. Оценка, строго говоря, не присуща предметам самим по себе. Она является выражением отношения субъекта речи к ее объекту. Это отношение, оценочность «материализуется» в языке, входя в качестве особого компонента в лексическое значение языковой единицы – как составляющая сигнификативной (соотносится с общим представлением о классе, к которому принадлежит называемый предмет) стороны языкового знака.

Таким образом, вероятно, рациональнее считать, что оценочный компонент не является однородным. Объективная оценочность входит в лексическое значение, находят отражение в сигнификативной его стороне. Оценочность может осложняться эмотивностью, которая, как правило, является дополнительным элементом значения, находится за пределами означаемого языкового знака. В этом случае оценочность является субъективной, входит в коннотацию и находится за пределами собственно лексического значения. Экспрессивность, как показатель интенсивности выраженности в значении того или иного признака, более близка к логической оценочности, поскольку чаще всего она выступает своего рода интенсификатором оценочного компонента (подробнее об интенсификации оценочности см. [Желонкина, 1996]). Интенсивность также часто обоснована реальными признаками предметов, поэтому остается дискуссионным вопрос о возможности ее пересечения с означаемым, то есть взаимодействует ли она с денотатом и сигнификатом так же тесно, как и оценочный компонент коннотации.

Э. А. Столярова, исследуя лексико-семантическое поле (ЛСП) оценки, тоже выделяет два типа оценочной лексики – рассудочно-оценочный (объективно-оценочный – у В. Н. Телия, не осложненный эмотивностью – у М. М. Копыленко и З. Д. Поповой) и эмоционально-оценочный (субъективно-оценочный и осложненный эмотивностью соответственно у вышеупомянутых ученых). В лексико-семантическом макрополе оценки Э. А. Столярова выделяет две неравнозначные по количественному наполнению зоны: ЛСП *хороший* и ЛСП *плохой*, отмечая, что значений, содержащих отрицательную оценку, гораздо больше, чем содержащих положительную оценку. Это факт также подтверждается В. И. Шаховским, который отмечает, что «лексика отрицательной оценки в количественном отношении превалирует и в русском, и в английском языках над лексикой положительной оценки» [Шаховский, 1983, с. 33]. С его точки зрения, это объясняется «социально-психологическими факторами: все хорошее считается нормой... а отклонения от нее в сторону полюса отрицательной оценки имеют разнообразную гамму проявлений, отраженных в денотации значения слов, обозначающих эти проявления» [Там же].

В связи с этим Э. А. Столярова [1988, с. 187] предлагает следующее схематическое изображение лексико-семантического макрополя оценки, где подгруппы лексики с отрицательной и положительной оценкой не совпадают по объему:

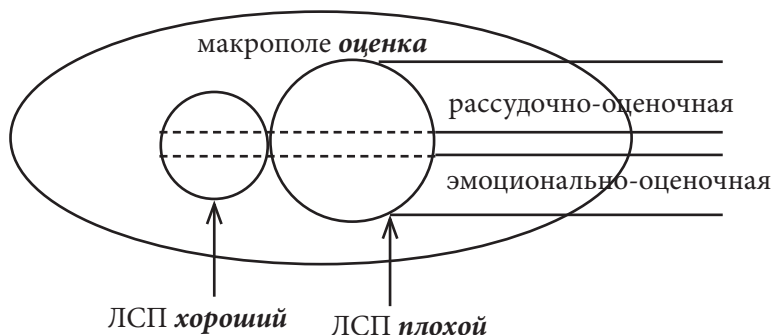

Рис. 6

Оценка может быть изначально, при первичной номинации заложена в лексическое значение, являясь в его структуре лишь второстепенной семой, а впоследствии становясь одной из главных. Равно как и при ее «нулевом» выражении или субъективности, окказиональности она может активизироваться и закрепиться в значении как объективная.

Совершенно очевидно, что «закрепление нового смыслового компонента у слова усложняет его семантическую структуру и влечет за собой изменение его семантических и стилистических функций» [Копорская, 1988, с. 127]. Процесс этот идет постепенно: сначала новый смысловой компонент не регулярен и может реализоваться лишь в определенных контекстных условиях, однако в дальнейшем у ряда слов этот компонент закрепляется в семантической структуре слова и определяет собой его значение. Е. С. Копорская называет это значение стилистическим, но указывает, что «это стилистическое значение относится к денотативной сфере слова» [Копорская, 1988, с. 134]. Мало того, по мнению В. И. Шаховского, «эмотивная семан-

тика может быть представлена в денотативном компоненте и составлять единственное содержание семантики слова» [Шаховский, 1994, с. 20], сюда можно отнести слова *кошмар*, *жуть*, большинство междометий, нецензурную лексику. Тезис о том, что эмотивная семантика может быть представлена в денотате, видится недостаточно убедительным, поскольку, с нашей точки зрения, в означаемом присутствует объективная (в той или иной степени) информация. В данном случае это семы «чувство» (в случае с междометиями оно, как правило, конкретно), «ощущение», «плохие последствия» и т. п. А эмотивность остается за пределами значения и включает в себе отражение чувственно-психологических реакций.

Главным элементом значения для рассматриваемых в нашей работе типов семантических изменений является оценочный компонент, поскольку именно в нем сосредоточено положительное / отрицательное отношение говорящего к обозначаемому предмету или явлению действительности. Этот компонент (объективная оценочность) является частью обязательного для значения любой знаменательной части речи сигнификата. Оценочность зачастую сопровождается коннотативной эмотивностью, в таком случае оценочность чаще всего субъективна, не входит в структуру означаемого. Для того чтобы можно было говорить об изменении в значении слова на общезыковом уровне, необходимы изменения именно в самой структуре означаемого лексико-семантического варианта. Качественная, объективная смена оценочной характеристики называемого явления (позитивация / негативация оценочного компонента значения) и есть один из типов таких изменений.

Итак, оценка может быть интеллектуальной (объективной) или эмоциональной (субъективной), зафиксированной в словарях или нет (эмоциональная оценка, как правило, словарями не фиксируется, так как она зависит от конкретной речевой ситуации, контекста). Наконец, она может изменяться в ту или иную сторону, и тогда эти процессы входят в круг различных типов изменения семантической структуры слова. Имеет смысл проанализировать, насколько органично рассматриваемые здесь семантические изменения соотносятся с другими разновидностями диахронических сдвигов в значении.

§ 2. Процесс изменения структуры значения лексико-семантического варианта.

Возможные изменения лексического значения в диахронии

Как известно, значения слов не являются застывшими элементами системы языка, а, напротив, претерпевают разного рода изменения. Психология мышления человека и общества в целом предполагает постоянное развитие, вместе с чем изменяется понятийный аппарат, уровень абстрактности мышления и картина мира в сознании человека. Это влечет за собой появление новых слов, в меньшей степени – абсолютно уникальных для данного языка, а чаще – возникающих с помощью различных способов словообразования на базе уже существующих в словаре лексем. Семантическая деривация, или изменение значений слов, занимает в ряду этих способов далеко не последнее место. В результате исследования словообразовательной активности лексики было установлено, что за 30 лет (данные 1987 года, см. [Ольшанский, 1987]) 10 % из числа субстантивных неологизмов появилось в языке благодаря именно семантической деривации. Она уступает лишь аффиксальному словообразованию и заимствованиям, опережая, однако, основосложение и образование составных наименований.

Семантическую деривацию порой причисляют к способам словообразования с осторожностью. Например, Е. С. Кубрякова не считает ее «подлинным словообразованием», так как здесь «деривация значений происходит как бы внутри данного слова» [Кубрякова, 1981, с. 22]. Многие ученые вообще выводят этот вид обогащения лексики из сферы словообразования, ср. [Потиха, 1970, с. 150]. Основой таких суждений является, по мнению Н. М. Шанского, традиционное понимание словообразования как части морфологии, изучающей лишь «словообразовательный механизм», что совершенно неоправданно. «Наименование не представляет собой лишь фонетический комплекс, с ним неразрывно связано определенное значение, и потому каждое новое значение это уже новое наименование» [Шанский, 1968, с. 258].

Однако немало отечественных лингвистов (например, В. В. Виноградов [1975], В. Н. Немченко [1984] и др.) рассматривают семантическую деривацию как особый способ словообразования. Нам он интересен прежде всего тем, что с его помощью возникают новые лексико-семантические варианты у существующих слов.

Семантическая деривация обнаруживает значительное сходство с другими словообразовательными процессами. «Семантические отношения между различными значениями некоторых многозначных слов, – указывает Ю. Д. Апресян, – могут быть подобны семантическим отношениям внутри определенного словообразовательного типа; именно поэтому многозначные слова, наравне с некоторыми типами производных, оказываются одним из средств языковой синонимии (в широком смысле слова)» [Апресян, 1974, с. 175]. Ученый считает, что наиболее интересным свойством семантической деривации «является ее внутренняя близость к словообразованию, – близость, давшая основания говорить о семантической деривации как особом типе словообразовательных процессов» [Апресян, 1974, с. 187]. Далее Ю. Д. Апресян пишет, что аналогия между словообразованием и развитием многозначности простирается настолько далеко, что к ней оказываются применимыми такие типично словообразовательные понятия, как регулярность / нерегулярность, продуктивность / непродуктивность и другие подобные.

Д. Н. Шмелев подчеркивает: «Связь семантических процессов с словообразовательными – и вообще грамматическими – формами и отношениями, существующими в языке, несомненна» [Шмелев, 1964, с. 22]. В другой работе автор раскрывает значение термина *регулярная многозначность*: «Регулярной является такая многозначность, при которой вторичное значение (или вторичные значения) слова, входящего в определенный лексико-семантический ряд, предопределено семантической характеристикой всего данного ряда, то есть первичными значениями соответствующих лексических единиц» [Шмелев, 1982, с. 16]. Определение регулярной полисемии дает и Ю. Д. Апресян: «Полисемия слова А со значениями a_1 и a_2 называется регулярной, если в данном языке существует по крайней мере еще одно слово В со значениями b_1 и b_2 , семантиче-

ски отличающимися друг от друга так же, как a_i и a_j , и если $a_i - b_j$, $a_j - b_i$ попарно несинонимичны. <...> Регулярность – отличительная черта метонимических переносов, нерегулярная полисемия более характерна для метафорических переносов» [Апресян, 1974, с. 128].

Семантическая деривация – это «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории» [Зализняк, 2001, с. 15]. При семантической деривации появление нового значения не обусловлено, как правило, помимо прочих еще и внутриязыковыми причинами, формальная структура слова, его звуковая оболочка не меняются. Случаи обусловленности семантической деривации самой структурой языка достаточно редки, в семасиологии вызывающие их причины (например, влияние звуковой формы или синтаксической функции) считаются вторичными (см., например, [Левицкий, 1984]), часто обусловлены употреблением слова в отдельной речевой ситуации, контексте и почти всегда выступают во взаимодействии с экстралингвистическими факторами. Своего рода исключением может являться близкое к семантической деривации явление – морфолого-синтаксический способ словообразования (транспозиция), где в число новых сем деривата входят новые общекатегориальные признаки той части речи, к которой он начинает принадлежать, ср. субстантивация: *рулевой* 'относящийся к рулю' → *рулевой* 1) 'человек, стоящий у руля' и 2) *перен.* 'человек, ведущий вперед'.

Несмотря на то, что сама система языка оказывает минимальное влияние на семантическую деривацию, происходит этот процесс в языке и в соответствии с механизмами изменения семантической структуры, закрепленными в языке. Необходим учет законов данного языка при анализе семантических сдвигов. Исследование таких изменений в значениях слов является одной из важнейших задач семасиологии. И все же, как отмечают ученые, «будучи наукой о значениях слов, она тем самым неизбежно обращена к внеязыковой действительности» [Шмелев, 1964, с. 6]. Исследователь продолжает: «... Лексико-семантические изменения в гораздо большей степени, чем какие-либо другие изменения в языке, демонстрируют связь

языка с жизнью и деятельностью говорящего на данном языке коллектива» [Там же, с. 9].

Исследование семантических изменений отнюдь не подменяет собой этимологического, во многом формального анализа. Как отмечал В. В. Виноградов, «историко-лексикологическое изучение слова нельзя отождествлять с историко-этимологическим. Последовательность и ход изменений значения слова, разъяснение тех реальных исторических условий, в которых протекали эти изменения, остаются по большей части за пределами этимологического исследования» [Виноградов, 1977, с. 39]. Для исторической семасиологии интересны прежде всего экстралингвистические причины, причины психологического, социального, общекультурного характера.

С точки зрения психолингвистики психологическую структуру значения следует искать, по словам А. А. Леонтьева, во «внутренней структуре иерархии процессов психофизиологического порождения речевого высказывания» [Леонтьев, 1971, с. 9], она (психологическая структура значения) представляет собой «систему ассоциативных связей слов» [Там же, с. 11].

При так называемой первичной номинации, когда человек впервые называет тот или иной предмет, обозначает понятие, психологически важной (и в первую очередь необходимой для мышления) является обобщающая функция слова. При этом субъект, как полагает Л. С. Выготский, проводит несколько ступеней обобщения объектов: образование неоформленного и неупорядоченного множества отдельных предметов без внутренних связей; мышление в комплексах предметов, объединенных на основании не только субъективных, но и объективных связей. В дальнейшем человек выделяет «главные» и «неглавные» связи, «сильные» и «слабые» признаки, лежащие в основе объединения предметов в комплексы [Выготский, 1934, с. 119–130]. Другими словами, «образование в душе восприятий, преобладающих над другими, и связанное с этим бессознательное объединение чувственного образа всегда предполагает устранение из сознания значительного числа впечатлений, которые мы назвали фоном чувственного образа, и есть первообраз позднейшего процесса отвлечения или абстракции» [Потебня, 1989, с. 136].

В любом случае, говоря словами А. А. Потебни, «соединение впечатлений в образы, принимаемые нами за предметы, существующие независимо от нас и без нашего участия, – это соединение есть дело нашей души» [Там же, с. 128].

Сознание человека расчленяет окружающую действительность на значимые элементы. «Знаковость той или иной реалии проявляется в том, что организм выделяет ее по каким-либо отличительным признакам из множества других, несущественных для него реалий» [Монич, 1998, с. 99]. В то же время в основу номинации ложится один, самый значимый признак: «все, что называется, – предметы, качества, действия – называется по какому-либо признаку, который является одним из множества признаков, характеризующих явление действительности. Но данный признак обнаруживается в ряде предметов, и на этом основании происходит обобщение нескольких явлений – они называются одним словом» [Степанова, Шрамм, 1980, с. 12]. В лингвистической литературе подчеркивается, что «чем чаще и интенсивнее взаимодействует организм с определенной реалией, тем интенсивнее вычленяются из этой реалии опознавательные признаки. Таким образом, знаки развиваются прежде всего в тех взаимодействиях, которые наиболее регулярны и значимы для поддержания жизненного цикла» [Монич, 1998, с. 99].

В конечном счете, в основу первичной номинации кладется главный, важный на данный момент и выделенный из числа прочих признак комплекса предметов. Этот признак, выраженный словом, есть не что иное, как его внутренняя форма. Внутренняя форма слова – это «признак, положенный в основу при образовании нового лексического значения слова» [ЛЭС, 1990, с. 85]. При первичной номинации, когда в языке возникает уникальное по звуковому облику слово, внутренняя форма является главным признаком, а само слово – вместителем всего множества признаков, объединяемых одним значением. Однако «с развитием языка меняется и степень, и характер самой абстракции и обобщения, отличающих слово» [Шмелев, 1982, с. 5].

Психолингвистика, изучающая помимо прочего связь языка и мышления, разделяет познание человеком окружающего мира на

две части. Во-первых, это узнавание окружающих объектов, во-вторых – понимание связей, в которых находятся между собой данные объекты. Вместе они составляют основу нашего познания и сознания (см. [Сельдяэ, 1980, с. 3]). Думается, что первичная номинация относится к первой части данной основы познания. На основе раскрытия связей между объектами, то есть на второй части познания, по-видимому, строится вторичная номинация.

При вторичной номинации (в нашем случае это семантическая деривация) слово используется как знак одного признака, как правило, не главного для производящего лексико-семантического варианта. Как и при первичной номинации, здесь также выделяется один признак, однако не из комплекса явлений или предметов окружающей действительности, а из существующего значения слова. Этот признак является одновременно и внутренней формой деривата: «Переакцентовка сем в структуре значения приводит к возникновению нового, производного значения, к развитию семантики слова» [Харченко, Стернин, 1984, с. 10].

Фактически об этом еще в конце XIX в. писал А. А. Потебня: «Слово первоначально есть символ, идеал, но с течением времени должно потерять эти свойства. В душе человека оно получает более обширное значение, то есть заключенный в нем образ вызвал идею, был отнесен ко всем подобным случаям. <...> Но изменение сознания влечет за собою перемену самого образа» [Потебня, 1989, с. 182]. В итоге в языке образуются новые значения у уже существующих слов (или, используя терминологию Потебни, слово соотносит с собой в сознании иные образы). То же позднее отмечал и Д. Н. Шмелев: «Перераспределение элементов значения слова в ряде случаев является очевидным следствием изменения роли тех контекстных “оттенков значения”, которые сопутствуют слову при его разнообразном употреблении. Становясь существенными семантическими признаками слова, некоторые из этих “оттенков” в дальнейшем могут приобретать главенствующее положение в семантической структуре слова» [Шмелев, 1964, с. 114]. При этом переносное значение может сосуществовать с прямым или заместить его в процессе исторического развития. Постепенное закрепление за словом пере-

носного значения может вести к вытеснению и забвению его прямого значения, что находит свое отражение в лексикографических изданиях.

В чем же причины изменения отношения носителей языка к иерархии признаков, которые несет в себе лексическое значение слова? Почему для обозначения, казалось бы, разных предметов, явлений действительности начинает использоваться один звуковой комплекс? Д. Н. Шмелев считает вопрос о причинах семантических изменений одним из центральных в семасиологии. В своей книге «Очерки по семасиологии русского языка» он достаточно подробно анализирует разработку данного вопроса в истории лингвистики, начиная с младограмматического направления, логицистических теорий и заканчивая семасиологическими исследованиями начала второй половины XX века [Шмелев, 1964, с. 12–37].

С нашей точки зрения, основы верного решения проблемы были заложены в работах М. М. Покровского.

М. М. Покровский полагает, что семасиологические изменения – это явления «порядка социального и психологического». «... Вариации значений слов, с виду капризные, в действительности подчинены определенным законам, поскольку они соответствуют психологическим законам ассоциаций по смежности и по сходству», и, «несмотря на свою субъективность, они вообще правильно и точно отражают соответствующие изменения в жизни народов и их социальных групп» [Покровский, 1959, с. 36].

Р. А. Будагов, рассматривая природу семантических изменений, также отмечал, что исследователь должен в меньшей степени учитывать внутреннюю структуру языка, а в большей – обращать свое внимание прежде всего на внешние факторы: «Для того, чтобы понять подлинный характер смыслового развития слова, нужно возвыситься над точкой зрения взаимосвязи разных значений внутри самих слов. Нужно обнаружить фактор, определяющий развитие всех этих значений. Таким фактором являются понятия, в свою очередь определяемые условиями материальной и общественной жизни людей. Следовательно, в конечном счете фактор этот оказывается за пределами языка, так как сама потребность в развитии понятий де-

терминирована условиями развития общества» [Будагов, 1958, с. 84]. Суммируя рассуждения Р. А. Будагова, можно сделать вывод, что он, как и М. М. Покровский, также выделяет два типа причин изменения значений: психологические (изменения обусловлены развитием понятия, которое формируется прежде всего в психике носителя языка) и социальные (изменения детерминированы развитием общества).

Положения М. М. Покровского разделяются современными исследователями. Так, Ю. В. Фоменко также считает, что предпосылки семантических изменений «следует искать не в самом языке и не в речи (тексте), а в экстралингвистической действительности, в абстрагирующей, творческой работе человеческого мышления. Новые значения (так же, как и новые слова) возникают под давлением внеязыковой действительности, в результате абстрагирующей работы человеческого мышления, обнаруживающего черты сходства между отдельными предметами и осуществляющего перенос наименования с предмета на другой» [Фоменко, 2001, с. 167].

Любые явления, обусловленные развитием социума, то есть явления «социального порядка» (по М. М. Покровскому), безусловно, относятся к жизни общества, к культуре в широком смысле этого слова. Причины, их вызывающие, как кажется, можно назвать социокультурными.

Думается, не стоит сбрасывать со счетов и обусловленность отдельных семантических изменений самой структурой языка, хотя, как правило, эта детерминированность почти всегда выступает во взаимодействии с другими, экстралингвистическими факторами.

Таким образом, можно выделить три ряда причин, вызывающих изменения в семантике лексических единиц.

1. **Психологические причины**, основанные на особенности ассоциативного мышления человека, при котором та или иная реалья воспринимается в сравнении или непосредственной соотнесенности с другими. В лингвистической теории им соответствуют метафорический и метонимический перенос наименований.

2. **Социокультурные причины**, связанные с историческим развитием народа, с особенностями существования человека в данном обществе, взятом во всей совокупности социальных, политических,

нравственных, религиозных, бытовых и прочих аспектов. Для семасиологического исследования они очень важны, поскольку конкретное лексическое значение определяется особенностями самих признаков реальных (или воображаемых) предметов, для обозначения которых они служат. Семантическая история слов во многих случаях достаточно отчетливо отражает изменения в условиях жизни общества. При семантических изменениях решающим фактором является историческая и социальная действительность, которая предопределяет и необходимость тех или иных обозначений, переносов и т. д.

3. **Собственно лингвистические причины**, связанные со структурой, строем того или иного системного уровня языка. При всей дополнительной, второстепенности и факультативности нельзя игнорировать определенное их влияние на семантику слов. Среди них стоит указать следующие:

а) влияние звуковой формы:

басурман 'мусульманин' → 'иноверец, иноземец' → бранное слово – см. [СРЯ, ТСРЯ]¹ (очевидно, что слово *басурман* стало употребляться в переносном значении из-за того, что в первоначальном значении актуализировался его правильный фонетический вариант – *мусульманин* – см. [КЭСРЯ, с. 37], по звучанию они перестали ассоциироваться как тождественные и стали восприниматься как абсолютные синонимы; стремление языка к экономии обусловило развитие нового значения у слова *басурман*; однако главными при семантических изменениях являются экстралингвистические причины: к иноверцам на Руси всегда было подозрительное, неодобрительное отношение, что и оказало влияние на данный семантический сдвиг; стоит оговориться, что если рассматривать как производящую основу слово *мусульманин*, а судя по данным этимологических словарей это так, то данный случай, безусловно, не является семантической деривацией в чистом виде), «сдвиги в значении слова, так же как и изменения его внешнего облика, иногда бывают вызваны его сближением с другими сходными по звучанию словами ... на-

¹ Далее современные толкования слов даются, в основном, по «Словарю русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (СРЯ) и «Толковому словарю русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой (ТС).

пример глагол *жмурить* восходит к тому же корню, что и слова *миг*, *мигать*, *мгновение* с чередованием *г* – *ж*, перестановка согласных в корне произошла под влиянием *жму* (*жать*)» [Шмелев, 1964, с. 169];

б) влияние синтаксической функции – например, так осуществляется транспозиция, о которой было упомянуто выше;

в) регулярность / нерегулярность данного типа переноса наименования в языке, например перенос наименования носильной вещи на человека – и метафора, и метонимия; приведем примеры более интересного для нас в данном случае метонимического переноса с последующей метафоризацией:

шляпа ‘головной убор’ → ‘человек в шляпе’ → ‘растяпа’,

лапоть ‘обувь’ → ‘человек в лаптях’ → ‘грубый, невежественный человек’; и другие.

Все эти группы причин очень тесно связаны и предполагают друг друга, однако собственно языковые причины являются, как уже было сказано, факультативными. При семантических изменениях можно наблюдать сложное взаимодействие самых разнообразных факторов. В. В. Виноградов отмечал, что «во внутренних законах развития словарного состава обнаруживается структурное единство лексической системы языка в ее историческом движении – в неразрывной связи с историей народа, с развитием познавательной деятельности общества, с развитием грамматического строя» [Виноградов, 1977, с. 94]. Или словами С. И. Ожегова: «Жизнь лексики сложна и многообразна и по сравнению с другими ярусами языка ярко двупланова. С одной стороны, ее основное назначение как первоэлемента общения – отражение действительности, т. е. всего многообразия мира и отношений, в которых живет общество. С другой стороны, в достаточно развитом языке способности отражения действительности предрешены наличием и возможностями средств – лексико-семантических, стилистических, синонимических, словообразовательных и т. д. – и их внутренними отношениями» [Ожегов, 1962, с. 6].

Изменение семантики не всегда приводит к замене существующего языкового знака новым. Первоначальное значение (производящая база семантической деривации) может сохраняться. Тогда

слово становится многозначным и представляет собой комплекс из нескольких лексико-семантических вариантов.

Таким образом, семантические изменения могут иметь следующие результаты в лексической системе:

1) новое значение сосуществует со старым в языке (полисемия): *gad* 'змея' [Материалы ... I, стб. 507] → 'мерзкий, отвратительный человек';

2) новое значение вытесняет старое (диахронический сдвиг): *ver-ten* 1) 'сад', 2) 'пещера' → 3) 'притон'.

Чем активнее и шире употребляется новый лексико-семантический вариант, тем более велика вероятность вытеснения им производящей основы. Среди причин утраты первичного значения можно выделить следующие.

1. Слабые, неустойчивые знания у носителей языка в какой-либо сфере духовной или материальной жизни: *хам* 'библейский персонаж, сын Ноя' → 'некультурный, вызывающе ведущий себя человек'.

2. Изменения в окружающем мире – потеря актуальности какого-либо явления, уход из употребления каких-либо предметов, для обозначения которых использовалось данное слово в прямом значении: *кумир* 'языческий идол' [Материалы ... I, стб. 1363] → 'объект поклонения'.

К аналогичным результатам пришла Ю. И. Чайкина, исследовавшая лексику диалектов [Чайкина, 1993].

В настоящее время рабочей группой Института языкознания РАН ведется работа над «Каталогом семантических переходов», который, безусловно, станет значительным, пожалуй, даже уникальным событием в истории лексикографического описания семантических изменений русского языка [Зализняк, 2001; Она же, 2013].

Рассмотренные выше причины и порядок протекания семантических изменений в целом применимы ко всем их частным случаям, обладающим, несомненно, каждый своей спецификой.

В языкознании на разных этапах развития науки наблюдался различный подход к классификации типов изменения значения. По разным основаниям выделялся тот или иной набор семантических изменений, которые лингвисты наблюдали в языке.

Последователи логической школы, восходящей к возникшей в конце XVII века во Франции так называемой философской, рациональной грамматике, применили к языку, в том числе и к классификации семантических изменений, логические категории. В соответствии с этой методологической установкой, как указывает Л. Блумфильд [1968, с. 466–467], были выделены следующие классы изменений в значении:

сужение: др.-англ. *mete* ‘пища’ → *meat* ‘мясо’;

расширение: ср.-англ. *bridde* ‘молодой птенец’ → *bird* ‘птица’;

метафора: прагерм. *['*bitrraz*] ‘кусающий’ → англ. *bitter* ‘горький’;

метонимия – значения близки в пространстве или во времени:
др.-англ. *sēace* ‘челюсть’ → *cheek* ‘щека’;

синекдоха – значения соотносятся как целое и часть: протоангл. *['*stobo*] ‘комната с отоплением’ → *stove* ‘печь’;

гипербола – переход от более сильного значения к более слабому:
протофранц. *ex-tonāre ‘ударить громом’ → франц. *étonner* ‘удивить’;

литота – переход от более слабого значения к более сильному:
протоангл. *['*kwalljan*] ‘мучить’ → др.-англ. *swellan* ‘убивать’;

ухудшение значения: др.-англ. *cnafa* ‘мальчик, слуга’ → *knave* ‘мошенник’;

улучшение значения: др.-англ. *cniht* ‘мальчик, слуга’ → *knight* ‘рыцарь’; в нашем исследовании ухудшение и улучшение значения названы, соответственно, негативацией и позитивацией оценочного компонента значения, мотивация замены терминов будет приведена ниже.

Сама по себе данная классификация во многом полезна, поскольку дает представление об основаниях изменения значений, их типах в целом. Однако она весьма уязвима с позиций все той же логики, поскольку ставит в один ряд, к примеру, механизм изменения (метафора, метонимия) и следствие – гиперболу, литоту, ухудшение (негативацию) / улучшение (позитивацию) значения.

Изменения в семантике становятся одним из главных объектов исследования лексикологии с середины XIX века. Идеолог младограмматического направления в языкознании Г. Пауль кладет в основу классификации [Пауль, 1960, с. 106–125] изменения в объеме

и содержании соотнесенных со словами представлений (строго говоря, в соответствии с этой основой выдержаны только два первых пункта классификации):

а) «специализация значения вследствие сужения объема и обогащения содержания»; в числе прочего ученый относит сюда те случаи, когда к значению присоединяется некий «экспрессивный оттенок», «оценочный момент», вследствие чего слово укладывается в ту или иную стилистическую нишу; например первоначальное значение у слова *кляча* ‘падающая’ являлось производным от глагола *клякати* ‘падать на колени’ и не имело негативной оценочности – ср. новое значение ‘плохая лошадь’; слово *поп* раньше было стилистически нейтральным, теперь – разговорное.

б) «обеднение содержания представления, связанное с расширением объема»; в качестве примера Пауль приводит немецкое *sehr* ‘мучительно, больно’ → ‘очень’; основным механизмом этого и преддущего типа семантических изменений автор признает метафору;

в) «перенос названия на основании пространственных, временных или каузальных связей»; сюда Пауль относит все типы метонимии;

г) «некоторые разновидности изменений значений, не поддающиеся простому подведению под один из трех основных классов»; это гиперболы, грубые выражения, литоты, эвфемизмы, обесцениения, ирония.

Очевидно, что классификация Пауля тоже не может быть принята как идеальная, поскольку в ней также не выдержан логический принцип. Например, при переносе названия на основании каких-либо связей также возможно сужение объема содержания (см. § 1 настоящей главы, фрагмент о субъективном оценочном значении). Неясен и последний пункт классификации, под который ученый подвел самые разные языковые явления.

С. Ульман (Англия) попытался выявить типы изменения значения, так называемые «универсалии исторической семантики», и причины, их вызывающие. Ульман определил следующие типы семантических изменений и – соответственно – причины этих процессов [Ульман, 1970, с. 274–285].

1. Метафора (обусловлена стремлением к аналогии, антропоморфизму, синестезии, стремлением от конкретного к абстрактному).

2. Расширение и сужение значения (обусловлены различными языковыми, психологическими и социальными причинами, но прежде всего стремлением, с одной стороны, к общему, абстрактному, с другой – к конкретному и частному).

3. Табу (в основе – страх, деликатность, приличия, то есть причины психологического и социального порядка), сюда же Ульман относит и так называемое пейоративное изменение значения, то есть процесс, именуемый нами негативацией оценочного компонента значения.

Классификация С. Ульмана изначально не претендовала на всеохватность, автор выделял только те исторические изменения семантики, которые могут, на его взгляд, считаться универсальными для многих языков. Выше были перечислены следующие группы причин семантических изменений: психологические, социокультурные и внутриязыковые. У С. Ульмана они подчинены выделяемым им универсалиям. Однако если рассматривать конкретные примеры, можно обнаружить множество случаев пересечения, соединения обозначенных ученым типов семантических изменений. В результате оказывается неприемлемой сама классификация изменений значения.

Трудность построения единой классификации семантических изменений понятна: попытки выделить отдельные типы таких изменений на разных основаниях не могут быть успешными. Явлениями одного порядка оказываются сужение значения, расширение значения, метафоризация, метонимизация. Они могут быть соединены в схеме 1.

Наряду с данными типами семантических сдвигов в семеме возможна и качественная смена оценочного компонента значения (то есть сигнификативно-оценочный сдвиг в семантике). Результатом такого сдвига может быть позитивация или негативация оценочного компонента значения.

Итак, под позитивацией значения принято понимать «семантическое изменение, в результате которого слово стало обозначать

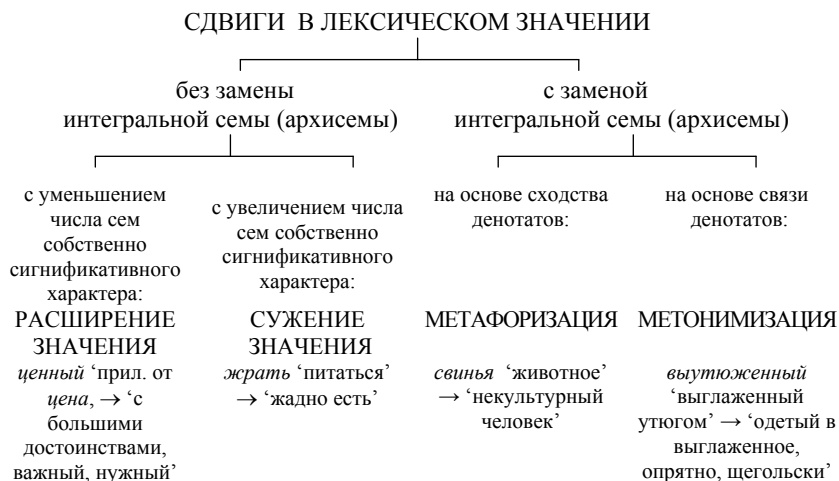

Схема 1

предметы (процессы, качества людей и т. п.), считающиеся в данном обществе более ценными, полезными, уважаемыми и т. п.» [Ахманова, 1966, с. 484], а под негативацией – семантическое изменение, в результате которого слово стало обозначать предметы, считающиеся менее ценными, полезными, уважаемыми.

Думается, следует объяснить, почему для обозначения исследуемого типа семантических изменений мы выбрали новые для семасиологии термины: *позитивация* и *негативация* значения, в то время как данные процессы ранее уже обозначались различными другими терминами в работах, составляющих историю вопроса.

Стоит отметить, что историко-семантическое явление, ставшее предметом внимания нашего исследования, еще не исследовано тщательно в лингвистической науке, по данному вопросу автор не обнаружил ни одной подробной научной работы. Следствие неизученности – скупой, не разработанный терминологический аппарат, отсутствие общепринятых, устоявшихся в языкознании обозначений процессов изменения оценочного компонента значения.

Использование терминов с заимствованными корнями – *пейоративация*, *дерогативация* и *мелиоративация* (см., например, [Па-

уль, 1960; Харченко, 1976; Стернин, 1979; Хидекель, Кошель, 1981; Говердовский, 1985]), с одной стороны, и *уничтожительность* и *возвеличивание* (они приводятся О. С. Ахмановой [Ахманова, 1957]) – с другой, не кажется целесообразным: в первом случае это обусловлено тем, что употребляются они в большинстве случаев в связи с обращением к эмотивному аспекту значения слова, применительно к коннотату в традиционном понимании, которое, как выяснилось (см. § 1), не является бесспорным; во втором случае специализации значения мешает наличие у данных лексем нетерминологических значений, обладающих живой внутренней формой.

В отечественной лингвистической традиции до недавнего времени использовались калькированные термины *ухудшение* и *улучшение значения*: за ними – первенство обозначения в отечественном языкознании анализируемого здесь явления, именно так чаще всего называли исследуемые нами процессы изменения значения слов (см., например, [Ахманова, 1966, с. 484]). У терминов *ухудшение* / *улучшение значения* прозрачная внутренняя форма, что делает их понятными без распространенных дефиниций. Однако ясно, что значение само не может стать лучше или хуже. Изменяется отношение, оценка носителями языка объекта номинации, либо слово используется для номинирования другого объекта, ценность которого предстает в сознании сообщества как более (или менее) высокая по сравнению с ценностью первичного означаемого. Таким образом, новое значение несет в себе информацию о более (или менее) позитивном либо негативном восприятии номинируемого объекта. Поэтому представляется целесообразным ввести в научный обиход термины *позитивация* и *негативация значения*.

В структуре языкового знака процессам позитивации / негативации соответствует *качественная* смена оценочного компонента. Очень редко семантические изменения можно строго отнести к какому-либо типу. Чаще всего они выступают во взаимодействии, протекают одновременно, ср.:

фарисей ‘член древнееврейской секты фарисеев’ → ‘лицемер, ханжа’ – негативация оценочного компонента значения + метафоризация;

оплот ‘ограда, стена, забор’ → ‘надежная защита, твердыня’ – позитивация оценочного компонента значения + метафоризация;

ватага ‘войско, отряд’ → ‘шумная толпа, сборище’ – негативация оценочного компонента значения + расширение значения; и др.

В целом, процессам позитивации / негативации соответствуют два следующих типа изменений в структуре языкового знака.

1. Перераспределение сем в структуре данного лексического значения, вследствие которого оценочный компонент, *ранее находившийся на периферии значения*, возможно, выраженный нейтрально, становится одним из главных. При этом возможны следующие варианты:

а) слово продолжает обозначать тот же предмет (явление) окружающей действительности: *вонь* ‘запах вообще, в том числе и плохой’ → ‘дурной запах’;

б) слово, вследствие одного из ассоциативных переносов, начинает обозначать другой предмет (явление) окружающей действительности, как правило, с утратой конкретной денотации и с расширением сигнификации: *осел* ‘животное семейства лошадиных <...> с упрямым нравом’ → ‘глупый, упрямый человек’;

2. Закрепление (вследствие возрастания частоты употребления слова определенном контексте) за обозначаемым, опять-таки в качестве одной из ведущих сем, оценочного компонента, ранее использовавшегося факультативно, окказионально, в сопровождении эмотивности, т. е. вообще *не являвшегося перманентной семой в значении*. Здесь возможны те же варианты:

а) слово продолжает обозначать тот же предмет (явление) окружающей действительности; оценочный компонент растворен и в деноте, и в сигнификате, являясь частью понятийного представления об обозначаемом предмете; примером может служить идеологическая лексика: *партячейка, меньшевик* и т. п.;

б) слово, вследствие одного из ассоциативных переносов, начинает обозначать другой предмет (явление и т. п.) окружающей действительности: *алчный* ‘голодный’ [Материалы ... I, стб. 20] → ‘жадный к наживе, корыстный’.

В то время как оценочный компонент слова, до этого использовавшийся только в окказиональных употреблениях (как правило,

в сопровождении эмотивного компонента), объективизируется в значении, сам коннотат обычно продолжает существовать в данном языковом знаке. «Разграничение эмоционального и оценочного компонентов представляет большую трудность, так как чаще всего они выступают вместе и тесно связаны. Оценка предмета человеком основывается обычно на эмоциональных переживаниях» [Загорская, Фомина, 1984, с. 36]. В связи с этим можно утверждать, что при втором типе изменений в структуре языкового знака коннотат, как правило, остается одной из его составляющих, что не исключает его исчезновения при дальнейшем развитии данного значения.

Процессы позитивации / негативации могут быть вызваны разными причинами, выступающими, как правило, во взаимодействии. В целом они такие же, как и у других разновидностей семантической деривации (психологические, социокультурные и языковые – см. выше). Однако при анализе данных процессов выявляется и их специфика по сравнению с другими типами семантических изменений.

Так, если рассматривать предпосылки этих процессов, оказывается важным разделить причины психологического характера на коммуникативные (связанные с потребностью носителя языка в точной языковой системе, ориентированной на адекватное восприятие при общении) и эмоциональные, поскольку осознание «плохого» или «хорошего» связано во многом с эмотивно-коннотативным компонентом значения. В силу коммуникативных причин в значении актуализируется объективная оценочность, при осложнении значения эмотивностью в коннотате актуализируется субъективная оценочность. Это отмечают разные исследователи, ср.: «Поскольку чувства, эмоции являются формой отражения действительности и тесно связаны с мыслительной деятельностью человека, они не могут не играть важной роли в изменении значений слов» [Левицкий, 1984, с. 6]; «При рассмотрении изменений, происходящих в семантической структуре слов, мы обнаруживаем определенную зависимость направления этих изменений от общей экспрессивно-эмоциональной значимости соответствующих слов» [Шмелев, 1964, с. 112–113].

Под воздействием эмоциональных факторов (в языке им соответствуют эмотивные модальности: радость, удовольствие, любовь,

удивление, страх, горе и т. д. – всего двадцать [Романов, 2004, с. 80]) слово начинает употребляться в необычном контексте, по мере возрастания частоты употребления слова в новом контексте фиксируется его новое значение. И, поскольку это уже вторичная номинация, то есть из производящей основы извлекается, как правило, только один признак для значения будущего деривата, новое слово является связанным контекстуально: у него возникают ограничения в сочетаемости.

Эмотивный компонент значения, составляющий основу коннотата, как правило, предполагает наличие в значении семы положительной или отрицательной оценки обозначаемого предмета или явления. Безусловно, оценивание определенным образом того или иного явления действительности, пусть даже оно (это оценивание) идет не от одного индивида, а от целой группы людей, не является фактом того, что слово изменило значение (в нашем случае это процесс позитивации / негативации оценочности). Если определенная социальная группа руководствуется лишь вкусовым желанием (термин В. Г. Костомарова [1999]), например, уйти от словоупотребления какой-либо эпохи, это не стоит переносить на язык в целом. В данном случае формально происходит оценивание обозначаемой реалии (а оценка, пусть даже «нейтральная», как нами было установлено, – постоянный компонент значения), но такая оценка у разных групп носителей языка неоднородна, проводится по разным основаниям и в словарях литературного языка, как правило, не закреплена. Это субъективная оценка (ср. статьи о наметившейся в последнее десятилетие деидеологизации определенной части общественно-политической лексики [Заварзина, 2000; Черникова, 2002]).

Думается, что изменение языкового вкуса, как явление достаточно эфемерное и произвольное, не всегда ведет к изменению значения слова. Тем более что «можно говорить об омонимичности или “контрастивной полисемии” – смысл слов для разных социальных групп и для разных этапов истории общества различен до полярности» [Костомаров, 1999, с. 150]. Только когда оценка будет общенациональной, закрепится за явлением, станет специфическим признаком денотата и сигнификата и войдет в лексикографическое

описание слова, тогда можно говорить, что у слова появилось новое значение или произошел сдвиг в значении прежнем. Действительно, в зависимости от различных условий одни и те же предметы и явления окружающей действительности могут вызывать у носителей языка самые разнообразные ассоциации. Когда эти ассоциации оказываются индивидуальными, они влияют только на восприятие и употребление соответствующего наименования данным отдельным индивидуумом, но они могут быть и более общими, в значительной мере устойчивыми, predetermined социальным опытом коллектива, в таком случае они сказываются на семантике, а как следствие – на экспрессивной и стилистической функции, сочетаемости соответствующего слова. Именно такого рода устойчивыми ассоциациями определяются возможности переносного употребления слова.

Следовательно, прежде чем говорить о сдвиге в значении слова, следует определить, не является ли это изменение лишь единичным употреблением: «От значения слова отличается его употребление. Употребление – это или след былых применений слова, не создавших особого значения, или новое применение одного из значений слова в индивидуальном, не вполне обычном фразеологическом окружении, в своеобразной ситуации, с новой образной направленностью» [Виноградов, 1977б, с. 182].

Когда переносное употребление слова оказывается достаточно устойчивым, обычно выделяют особое, переносное значение, которое фиксируется в словарях. Тем самым внеязыковые по существу ассоциации закрепляются в языке, становятся фактом языковой системы. Стоит лишь оговориться, что фиксация (или нефиксация) значения в словаре не всегда точно отражает состояние лексики: «Интересно наблюдать колебания наших лексикографов в решении вопроса, можно ли считать особым значением возникающие и развивающиеся формы переносного, образного употребления слова» [Там же].

В семасиологических исследованиях отмечается, что при переносе наименования «лексема соотносится с новым, нетрадиционным референтом. Если такой перенос единичен или окказионален, мы имеем дело с употреблением слова, если же перенос стал нормой,

значит, образовалось переносное значение» [Харченко, Стернин, 1984, с. 14]. Однако между единичным употреблением и узуальным значением мы наблюдаем значительное количество различных переходных явлений. Авторы последнего приведенного высказывания пытаются избежать несогласованности и нелогичности, вводя промежуточный термин «актуальный смысл», под которым понимают «коммуникативно релевантную часть системного значения языкового знака, актуализированную в данных коммуникативных условиях» [Там же]. Из дефиниции, однако, не ясно, в чем же отличие актуального смысла от употребления, поскольку любое окказиональное употребление соотносится у носителя языка с признаками, заложенными в прямом значении слова. По-другому подошел к решению этой проблемы Ю. Д. Апресян. Он выделил у лексемы набор существенных свойств:

- 1) собственных:
  - а) семантика,
  - б) прагматика,
  - в) синтактика,
  - г) коммуникативно-просодические особенности,
  - д) морфологические формы,
  - е) стилистическая характеристика;
- 2) парадигматических:
  - а) наличие синонимов,
  - б) наличие антонимов,
  - в) наличие конверсивов,
  - г) наличие аналогов и разного рода дериватов.

«Лексикографически лексема предстает как большой пучок корреляций» [Апресян, 2001, с. 13], «употребление лексемы создается корреляцией каких-то других, несемантических свойств» [Апресян, 2001, с. 8]. Ю. Д. Апресян отмечает, что самостоятельная лексема обладает большим количеством собственных лексикографически существенных свойств (до десяти), в отличие от употребления (достаточно двух). То же относится и к парадигматическим связям. Точного числа связей, достаточных, чтобы данное значение не считалось лишь употреблением слова, автор не приводит. Напрашивается

вывод о том, что чем больше у значения различных свойств и связей, тем с большей уверенностью можно говорить о его самостоятельности. И наоборот – чем меньше свойств, тем ближе данное значение к употреблению.

Таким образом, появление в семантике слова эмоционально-оценочных элементов, если они устойчиво закрепляются за словом, становятся частью общезыковой практики, приводит к более и менее заметным сдвигам в его соотношении с другими словами и, как результат, к изменению его собственной семантической структуры. У слова появляется новое значение, развивается полисемия. Именно общепринятость значения может служить бесспорным источником для вычленения в нем оценочного компонента.

Возвращаясь к мысли о месте оценки в структуре языкового знака, стоит только еще раз подчеркнуть, что культурный коннотативный компонент слова весьма важен для лингвокультурологического исследования, поскольку несет в себе социально-историческую, национально обусловленную информацию (см. [Шмелев, 1964; Верещагин, Костомаров, 1983; Харченко, Стернин, 1984; Бельчиков, 1988; Костомаров, 1999] и т. п.).

Подводя итог рассмотрению особенностей процессов изменения семантики в целом и позитивации / негативации значения в частности, можно выделить следующие признаки семантики лексики, претерпевающей данные изменения (описание касается значений, у которых оценочность выражена как положительная или отрицательная, а не является нейтральной).

1. В значении слова присутствует элемент (сема) положительного или отрицательного отношения носителей языка к обозначаемому предмету или явлению.

2. Эта сема является дифференциальной (служащей для отграничения данного значения от других) в семантике слова.

3. Сема положительного или отрицательного отношения к обозначаемому явлению, как правило, не является преобладающей над всеми остальными (архисемой) – иначе это будет уже собственно оценочное слово (ср.: прилагательные *хороший*, *плохой*, соответствующие наречия и т. п.), лишенное номинативной и выполняющее

исключительно характеризующую функцию. Некоторые исследователи (напр. [Привалова, 1963]) причисляют к этому разряду возникшие в результате метафорического переноса новые значения у слов *орел*, *лиса*, *ворона* – когда говорится о человеке. Однако у этих значений есть вполне фиксированная группа признаков, позволяющих выделять из окружающей действительности индивидов, соответствующих подобным наименованиям. Несмотря на то, что образность этих слов в значительной мере стерта, очевидно, что признаки, мотивировки, легшие в основу нового значения, вполне осознаются носителями языка и сейчас. Другие исследователи (напр. [Скляревская, 1993]) называют это явление языковой метафорой (в противоположность художественной).

1. Ранее оценочный элемент семантики мог:

а) не эксплицироваться, а следовательно, не быть закрепленным в лексикографическом или любом другом описании;

б) быть второстепенным в структуре значения, потенциальной семой;

в) быть факультативным, субъективным (возможно, контекстуально зависимым или индивидуальным, проявившимся только при отдельных употреблениях слова) элементом значения.

Если после позитивации / негативации произошла нейтрализация оценки (она стала нулевой), то тогда, соответственно, налицо обратный процесс: сема оценочности не является дифференциальной, хотя ранее она являлась таковой.

Итак, в основу вторичной номинации кладется один значимый в некоей языковой ситуации признак производящего значения. При позитивации / негативации значения этот признак соединяется с выраженной оценочностью. В лингвистической литературе отмечалось, что любое познание действительности, а значит, и первичная номинация «всегда сопровождается эмоциональной оценкой того, что называется» [Галкина-Федорук, 1958, с. 104]. Следовательно, оценка на начальном этапе исконно присуща любой номинации. Иногда положительная (или отрицательная) оценка становится самим этим признаком. В результате структура значения может претерпевать два разных типа изменения.

1. В значении качественно меняется только сема оценочности, в результате чего может происходить одновременно и другой процесс:

– сужение объема значения: слово начинает обозначать класс тех же предметов, явлений, но ограниченных определенной оценочностью: *вина* ‘причина’ [Материалы ... I, стб. 258] → ‘причина, источник чего-нибудь неблагоприятного’;

– расширение объема значения, происходящее, например, при нейтрализации оценки: *безмятежно* ‘без мятежа’ [Материалы ... I, стб. 61] → ‘спокойно’.

То есть здесь как раз взаимодействуют два типа семантических сдвигов: изменение объема и оценочного компонента значения. Можно сделать вывод, что такое взаимодействие происходит довольно часто, когда в семантике изменяется только оценочный компонент.

2. В значении, помимо семы оценочности, меняются денотат (весь или частично) и / или сигнификат, слово начинает обозначать другой класс предметов, явлений, признаков, действий:

путный ‘прил. от слова *путь*, отн. к путешествию’ [Материалы ... II, стб. 1739] → ‘дельный, толковый’;

алчный ‘голодный’ [Материалы ... I, стб. 20] → ‘жадный к наживе, корыстный’;

шествие ‘движение, путь’ [Материалы ... III, стб. 1604] → ‘торжественное прохождение, процессия’.

Таким образом, позитивация / негативация значения предстает как достаточно неоднородное явление. Здесь описаны только возможные случаи изменения структуры значения. Структура означаемого в целом мало зависит от качественного изменения оценочной семы, и то, и другое в первую очередь детерминировано, как уже было сказано, экстралингвистическими факторами. Именно культурные, социальные и психологические причины являются главными при изменении лексического значения.

Поскольку позитивация и негативация значений являются частными случаями семантической деривации, к ним примыкают самые разные семантические явления и процессы. Известное сходство с ними обнаруживает такое языковое явление, как использование

лексики с суффиксами субъективной оценки. Эти суффиксы могут выражать значение уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности, комбинации этих признаков и т. п.: *звездик, городишко, доченька, незабудочка*.

Аффикс придает слову конкретное значение в зависимости от контекста. Очевиден ряд отличий этого способа выражения оценки от позитивации / негативации оценочного компонента значения. Вот главные из них.

1. Меняется формальная структура слова.
2. Семантическая нагрузка ложится на аффикс, в котором и сосредоточена вся оценочность.
3. Достаточно сильное влияние на значение слова может иметь контекст, так как зачастую только в конкретной речевой ситуации проясняется значение аффикса (уменьшительность, ласкательность и т. д.).

Семантическая деривация происходит без формального изменения слова, сдвиги в значении происходят не из-за присоединения каких-либо аффиксов, а под воздействием комплекса экстралингвистических и внутриязыковых причин.

При позитивации или негативации значения за ним закрепляется соответственно положительная или отрицательная оценка обозначаемого явления. Помня о том, что, во-первых, оценочность накладывается на собственно языковое (сигнификативное) значение, во-вторых, такова же во многом и роль экспрессивности: в значении ей соответствуют семы усиления интенсивности высказывания, в-третьих, в коннотате остается эмотивность, следует отграничить оценочность не только от других компонентов значения, но и от смежных с позитивацией / негативацией значения явлений, которые во многом обусловлены теми же причинами.

Слово может выражать положительную или отрицательную оценку в силу различных причин, однако не всегда это ведет к сдвигу в значении слова в общезыковом масштабе, способному повлечь за собой возникновение нового лексикографического описания. Взяв за основу классификацию, предложенную В. И. Говердовским [1985], выделим те употребления слов, в которых оценочность, по-

являющаяся в семантике, не является основанием для выделения и закрепления нового лексического значения, характерного для всего языка:

- 1) ситуативно-психологические – установка на иронию, эмоциональная субъективная оценка денотата;
- 2) социально-лингвистические – функционирование слова в жаргоне, профессиональной сфере коммуникации;
- 3) локальные – влияние диалектов на семантику слова в литературном языке;
- 4) идеологические – употребление слов для реализации неких социальных идей;
- 5) собственно языковые – бытование слов в качестве архаизмов, поэтизм.

Рассмотрим каждый из типов употребления подробно.

Факторы первого ряда, как следует из названия, влекут за собой обозначение отношения, выражаемое ситуативно (контекстуально).

Ирония – это троп. Выражения типа *И кто ж, такой умный, додумался до такого?!* обычно подразумевают определенный контекст, интонацию. Ирония всегда ситуативна и субъективна, равно как и эмотивный компонент значения. О нем и сопровождающей его оценочности подробно говорилось в § 1. Эмотивный коннотативный элемент, как правило, подразумевает прагматическую субъективную ситуативную оценку, которая не может иметь лексикографического закрепления.

Естественно, как и любые другие употребления слов, эти тоже могут впоследствии развиться до значения. И в первую очередь для этого лексемы должны употребляться сравнительно регулярно.

Распространение жаргонной, профессиональной, просторечной лексики ограничено количеством носителей языка, использующих ее в общении. Безусловно, процессы изменения семантики здесь почти такие же, как и в языке в целом, хотя их прагматическая направленность различна. Цель употребления жаргонизмов заключается именно в стремлении говорящих отличаться от тех, кто пользуется литературным языком. Следует, однако, заметить, что разного рода жаргон, по сравнению с литературным языком, значительно

более насыщен оценочной лексикой. Причем чаще всего эта оценочная лексика является производной от уже существующих слов, и случаи семантической деривации далеко не редкость. Основой существования жаргона является отражение в нем объективной или субъективной, эмоциональной оценки различных явлений, отличной от существующей в литературном языке. Именно это отличие взгляда на предмет и находит выражение в том или ином социальном варианте языка. В центре же данного исследования – русский литературный язык.

Схожи с жаргонизмами и профессионализмы: они выступают как эквиваленты узкоспециальных понятий в речи лиц, связанных родом деятельности. Эти социальные разновидности языка могут лишь подтверждать тенденцию, но опираться на них при изучении общезыковых процессов все же кажется не совсем корректным. В лингвистической литературе подчеркивается различие между семантической деривацией литературных и сленговых значений. Даже если эта деривация происходит по одним и тем же моделям, например, метафорически мотивирована, «деривация сленга включает какое-то дополнительное преобразование» [Розина, 2002, с. 10].

Диалекты ограничены территориально, поэтому также могут служить лишь источником материала, который в соединении с данными всего языка поможет наиболее полно изучить то или иное языковое явление. Намеренное включение в высказывание диалектизм (равно как и жаргонизмов, профессионализмов и т. п.) с целью обозначить определенную оценку предмета, представляет собой лишь своеобразный художественный прием, который не может рассматриваться нами как сдвиг в значении слова. Однако бесспорно и то, что в самих диалектах проходят те же процессы, что и в литературном языке, в том числе и процессы позитивации / негативации значения. Возможно, что активность этих процессов там даже выше, чем в литературном языке. Другое дело, что данные диалектов могут лишь в какой-то мере помочь проследить определенные тенденции в развитии семантики, подтвердить некие выводы, однако опираться на них при изучении общезыковых явлений надо с осторожностью.

Что касается идеологической лексики, то наличие у нее той или иной оценочности определяется различными основаниями оценки, которые выбирают отдельные группы людей, а не глубокими изменениями семантики. С точки зрения современной логики «оценки, имеющие один и тот же предмет, но разные основания, не могут быть отождествлены» [Ивин, 1970, с. 30], поэтому данный случай сдвига в значении редко закрепляется в словаре. По сути, здесь проявляется вариативность языковых единиц, которая признается всеми лингвистами со времен Ф. де Соссюра. Различные общественные объединения просто актуализируют разные потенциальные оценочные семы – положительные, нейтральные или отрицательные.

В настоящее время, например, издан целый толковый словарь языка Совдепии [Мокиенко, Никитина, 1998], который зафиксировал синхронный срез отношения к явлениям действительности, во многом обусловленного именно языковым вкусом (в костомаровском понимании). На сегодняшний день на первом месте среди основных изменений в лексике называется именно деактуализация значений, отражающих советские реалии [Русский язык конца XX столетия ... 2000, с. 33]. Интересно проследить, какие из значений, возникших в советскую эпоху, останутся в языке, закрепятся. Это позволит говорить о реальном семантическом сдвиге в структуре определенного слова.

Между тем уже сейчас можно утверждать, что часть значений, возникших в советское время, закрепились в языковой системе: «Оценочный компонент слово может приобрести в результате изменения социальных условий его употребления; ср. неодобрительный оценочный компонент, который приобрели после революции слова, обозначающие офицерские звания, должности, чиновников царского режима – генерал, офицер, министр и т. д. Впоследствии этот компонент был элиминирован, и слова снова вошли в употребление, обозначая уже новые денотаты, в иной социальной действительности» [Стернин, 1979, с. 105]. Данный пример свидетельствует о том, что к значениям, обусловленным социально-идеологическим фактором, следует подходить осторожно: у одних и тех же слов негативная оценочность появилась в значении за довольно короткий

период (годы революции), и так же быстро исчезла. С нашей точки зрения, с достоверностью говорить о наличии в значении так или иначе выраженной оценочности можно только спустя определенное время после первых фиксаций новой семантики слова.

Немного по-иному обстоит дело с архаизмами. Они часто приобретают сему положительной (реже – отрицательной) оценки обозначаемого предмета. Например, *уста* назовут только «хороший» рот. И такие факты, естественно, входят в число рассматриваемых нами изменений. Но здесь следует сделать оговорку. Многие из архаизмов при фиксации в современных словарях содержат при себе пометы «высок.», «торж.», «риторич.», «приподн.», «возвыш.». Это, однако, не означает обязательного наличия в их значениях положительной оценочности. Высокая лексика создает приподнятый тон, патетику. А они, в свою очередь, могут быть и положительными, и отрицательными (в частных случаях – скорбными, радостными и т. п.). Отсюда следует вывод о том, что при отборе материала для данного исследования не было возможности безоговорочно руководствоваться какими-либо стилистическими пометами, наличествующими в словарях.

Вернемся к примеру сдвига в значении у слова *уста*. Он обнаруживается только в сопоставлении с семантикой «нейтрального» синонима *рот*. И здесь имеет смысл обратиться к еще одному очень важному языковому явлению – синонимии. «Процесс синонимизации сопровождается обобщением когнитивного значения имени, но параллельно совершается переключение отсекаемой части когнитивного значения в область эмоционально-оценочного значения. Имена *лиц*, *мордашка*, *рожица*, *личико*, *морда*, *рыло*, *рожа*, *мурло* содержат в своих значениях не только прагматические оценки денотатов, но и признаки-основания оценок» [Никитин, 1988, с. 96]. Как можно видеть, синонимический ряд позволяет вычленить эти оценки у слова, а следовательно, помогает и в классификации материала. В свою очередь семантическая деривация является одним из основных источников пополнения русского языка синонимами.

Метафоризация и метонимизация также являются способами образования новых значений. Как и позитивация / негативация, они затрагивают денотативно-сигнификативную часть значения. И все

же это разные процессы, которые могут действовать как самостоятельно, так и параллельно. Процесс метафоризации или метонимизации подразумевает перераспределение в значении сем между ядром и периферией, причем, как правило, в этом перераспределении участвует несколько семантических долей. Позитивация / негативация значения – это процесс изменения оценочной семы. Однако он может сопровождаться метафорическим или метонимическим сдвигом – равно как и сужением / расширением значения.

В русском языке словообразовательный потенциал ассоциативных переносов используется достаточно широко, метафора активно задействована в семантических процессах. В последнее время можно даже говорить о возросшей частоте метафорических переносов. С конца XX века одним из основных типов семантических изменений называют «метафоризацию как выражение оценки общественно-политической ситуации» [Русский язык конца XX столетия ... 2000, с. 33]. Ср. позитивацию значения на основе метафоры: *кормчий* ‘рулевой на корабле’ [Материалы ... I, стб. 1410] → *высок*. ‘мудрый руководитель’; и негативацию значения на основе метонимии: *опешить* ‘сделать пешим’ [Материалы ... II, стб. 702] и ‘стать пешим’ [КЭСРЯ, с. 320] → ‘растеряться от неожиданности’.

Таким образом, под воздействием различных причин (как экстралингвистических, так и собственно языковых) происходит позитивация или негативация значения, при этом могут использоваться механизмы как метафоризации, так и метонимизации.

Как видим, связь семантической деривации и конкретно – процессов позитивации / негативации значения (по разным логическим схемам – подчиненность, сходство, смежность и др.) с другими языковыми явлениями, очевидна.

ВЫВОДЫ

1. В семантике русской лексики выделяется два типа оценочности – объективная (рациональная, которая идентифицирует обозначаемый предмет, отражена в сигнификате) и субъективная. Объективная оценочность является обязательным, ингерентным

компонентом семантики. Она может быть выражена положительно, отрицательно или нейтрально.

2. Субъективная оценочность сопровождается эмоциональностью, экспрессивна, проявляется в знаке, который, как правило, используется для вторичной номинации. Субъективная оценочность коннотативна, не является обязательной в значении слова. Одним из критериев разграничения объективной и субъективной оценок является лексикографическая фиксация первой. Субъективная оценочность, как правило, обусловлена контекстуально, реализуется в данной речевой ситуации.

3. Оценка может быть изначально, при первичной номинации заложенной в лексическое значение, но являться в его структуре лишь второстепенной, потенциальной семой, впоследствии в ряде случаев становясь дифференциальной. Кроме того, при изначальной «нулевой» выраженности или субъективном характере, окказиональности она может со временем активизироваться, закрепиться в значении как объективная.

4. Качественное изменение оценочного компонента семантики есть не что иное, как процесс позитивации / негативации значения, который является одним из типов семантических изменений. Под позитивацией значения следует понимать «семантическое изменение, в результате которого слово стало обозначать предметы (процессы, качества людей и т. п.), считающиеся в данном обществе более ценными, полезными, уважаемыми и т. п.» [Ахманова, 1966, с. 484], а под негативацией значения – семантическое изменение, в результате которого слово стало обозначать предметы, считающиеся менее ценными, полезными, уважаемыми.

5. Можно выделить следующие группы причин семантических изменений: психологические, социокультурные и внутриязыковые. Все они выступают в тесном взаимодействии, однако собственно языковые причины являются вторичными. Главными оказываются экстралингвистические причины (психологические и социокультурные).

6. Позитивация и негативация лексического значения относятся к парадигматическим явлениям системного плана, поэтому от них необходимо ограничивать:

- употребление в литературной речи с экспрессивной целью диалектизмов, жаргонизмов, профессионализмов и т. п.;
- иронические, эвфемистические и т. п. употребления слов;
- использование на уровне речи лексики с суффиксами субъективной оценки.

7. Основными типами изменения семантики являются метафоризация и метонимизация (в основе – сходство или смежность денотатов), сужение и расширение (в основе – изменение количества сем сигнификата) значения. Процессы позитивации / негативации проходят параллельно с данными изменениями. В любом случае, актуализация (или нейтрализация) объективной оценочной семы всегда предполагает определенное изменение объема значения, перераспределение сем между ядром и периферией значения или (и) изменение денотации.

ГЛАВА II. Семантические и лингвокультурные составляющие процессов позитивации / негативации значения в русском языке

---

§ 1. Приемы выявления оценочного компонента значения

Одним из главных условий успешного решения поставленных нами задач является определение с высокой степенью достоверности фактов семантического изменения лексической единицы. Для того чтобы утверждать, что у слова произошла позитивация или негативация значения, необходимо диахроническое рассмотрение лексики с привлечением данных различных исторических и современных источников. Во взятом на разных исторических этапах значении слова выявляется качественное наполнение оценки (положительная, отрицательная или нейтральная). При различном содержании оценочного компонента семантики на разных этапах существования языка можно говорить о том, что значение негативировалось или позитивировалось.

Таким образом, основой для каких бы то ни было выводов должно являться вычленение из значения лексико-семантического варианта оценочной семы и дальнейший ее анализ. Однако само выявление оценочного компонента, особенно при его эксплицированном, «ненулевом» значении, представляет достаточную трудность, чему есть по крайней мере три причины.

1. Долгое время оценочность рассматривалась, наряду с эмоциональностью и экспрессивностью, исключительно как составная часть коннотативного компонента значения, который является факультативным в семантике слова. Не требовалось четкого выявления оценки, поскольку сама по себе она представлялась с этих позиций необязательной и даже не входящей в лексическое значение. В силу этого не было выработано какой-либо специальной методики для выявления в слове оценочного компонента.

2. Эмотивность, сосредоточенная в коннотате, как правило, предполагает наличие в значении положительной или отрицательной оценки. Однако определенные эмотивные коннотации чаще возникают в живой разговорной речи, в различных социальных вариантах языка и т. п. В таких случаях речь идет просто об употреблении, и выраженную так или иначе оценочность нельзя проецировать на значение данного слова в литературном языке, так как контекстуальная семантика не является закрепленной. Следует разграничивать значения и подобные употребления, а при выявлении оценочного компонента надо ориентироваться на проверенные, лексикографически зафиксированные значения. Нередко у слова существует несколько значений, из которых только часть (как правило, одно) имеет выраженный оценочный компонент. В данной ситуации следует с особой осторожностью подходить к отграничению одного из значений многозначного слова от неузвального употребления. Спорные вопросы при различении значений и употреблений обычно решаются при помощи словарей, однако не все словари приводят одинаковое количество значений у одних и тех же слов. Об этом факте как затрудняющем анализ значений см., например [Плотников, 1979, с. 96 и далее]. Автор видит решение проблемы в использовании данных нескольких словарей.

3. В зависимости от принципов выделения значений авторами, объема и степени демократичности словаря в него может попасть (или не попасть) определенное значение, указывается та или иная стилистическая помета. В свою очередь, современная система помет, используемая в лексикографии, не может служить основой для выявления качественности оценочного компонента. Это связано с тем, что, во-первых, пометы в словарях отражают главным образом отрицательную оценочность, в то время как для отражения положительного отношения к обозначаемому предмету, явлению помет, по существу, нет, если не считать пометы «ласкательное», применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях (см. [Шмелев, 1977, с. 165–166]); во-вторых, в словарях наблюдается смешение собственно стилистических («поэтич.», «разгов.», «профес.», «сленг.») и так называемых семантических («ласк.», «уничиж.», «оскорб.», «груб.», «вульг.» и др.) помет. Две упомянутых группы лексикографических

помет справедливо считает необходимым разграничить В. И. Шаховский [1983, с. 38]. По сути их можно, видимо, определить как пометы функционально-стилистические и семантико-прагматические. Если по наличию семантико-прагматической пометы в дефиниции еще можно судить об определенной оценочности, то функционально-стилистическая помета не подразумевает обязательного наличия в значении выраженного оценочного компонента.

Преодолеть все эти трудности может создание детально разработанной методики (или нескольких методик) выявления оценочного компонента значения. Необходимо применить, где возможно, существующие методы семантических исследований или доработать их с учетом специфики материала и поставленных задач. Готовых приемов бесспорного вычленения качественного показателя оценки автор настоящей работы в лингвистических трудах не обнаружил¹.

Наличие в значении той или иной семы нередко определяется путем анализа его толкования: если в составе дефиниции эксплицируется требуемый компонент, считается, что в значении есть данная сема. Для выявления оценочного компонента значения также представляется целесообразным использовать компонентный анализ словарных толкований значений. В нашем случае он сводится к выявлению в дефиниции собственно оценочных слов, которые олицетворяют собой оценочные компоненты значения, семы положительной / отрицательной оценки. Отсутствие оценочного слова свидетельствует о нулевой оценочности в значении. Подробно данная методика излагается И. А. Стерниным [1979].

Думается, оценочными целесообразно называть такие слова, у которых оценочность является интегрирующим родовым семантическим признаком, то есть архисемой. У всех этих слов в значении центральной и иерархически главной является сема <хороший / плохой>. Оценка у этих слов выступает как абсолютное выражение негативного или позитивного отношения субъекта речи, практически максимально абстрагированное от окружающей действительности и в то же время потенциально применимое к любому из предметов,

¹ О трудностях идентификации семантических переходов см. [Зализняк, 2013, с. 41–46].

ее составляющих. Сигнификативная компонента в значении у них значительно превалирует над денотативной. В языке такие слова составляют особую тематическую группу.

Оценочными словами являются прилагательные общей оценки (*хороший, плохой, прекрасный, положительный, замечательный, отвратительный* и др.), а также соответствующие им однокоренные наречия. В русском языке их очень немного, и чем больше места в их значении отводится денотативной составляющей, тем ближе они к классу так называемых слов конкретной оценки (*приятный, некрасивый* и т. п.). В конечном счете, здесь трудно провести четкую границу, можно лишь говорить о том, что есть два «абсолютных» оценочных слова – *хороший* и *плохой*.

Следует заметить, что в социальных жаргонах количество таких слов значительно выше. Например, в молодежном сленге зафиксированы следующие оценочные слова (все они несут в себе также характерную для жаргона экспрессивность): *кайфовый, клевый, нехилый, ништяковый, чумовой* и др. ('хороший'); *лажовый, стремный, туптовый, фиговый, фуфловый* и др. ('плохой') – примеры жаргонных оценочных слов приводятся по «Словарю молодежного сленга» Т. Г. Никитиной [1998].

Суть применяемого метода компонентного анализа значения заключается в выявлении оценочного слова в словарном толковании. Если такое слово в дефиниции есть, значит, в значении присутствует (выражен положительно или отрицательно) оценочный компонент. Таким образом, если в словарном толковании анализируемого лексико-семантического варианта присутствует одно из следующих слов: *хороший, прекрасный, замечательный* и т. п. или *плохой, отвратительный, омерзительный* и т. п., то можно говорить, что в анализируемом значении есть сема положительной или отрицательной оценки соответственно.

С определенными оговорками в качестве оценочных слов в толковании могут выступать прилагательные и соотносимые с ними наречия конкретной оценки (за основу классификации взяты рассуждения об оценочном компоненте И. А. Стернина – см. [Стернин, 1979, с. 98–105]):

– по внешности (*красивый, привлекательный, симпатичный, милостивый, уродливый, безобразный, неприятный, отталкивающий* и др.);

– по умственной деятельности (*тупой, толковый, умный, сообразительный, глупый, неглупый*);

– по умениям и навыкам (*умелый, опытный, ловкий*); и др.

Эти слова не являются оценочными в строгом смысле слова, однако при их семном анализе обнаруживается, что оценочная сема является в их значениях одной из основных дифференцирующих. Поэтому при компонентном анализе они вполне могут выступать в качестве маркёров оценочности, являться ориентиром для выявления оценочного компонента и в дальнейшем – факта наличия позитивации / негативации значения.

Ниже приводятся примеры словарных статей и выявления в значении оценочной семы с помощью компонентного анализа.

1. ОБРАЗИНА – безобразное, отвратительное лицо, а также вообще безобразный, отвратительный человек.

Здесь в толковании значения присутствуют сразу два оценочных слова: *безобразный* и *отвратительный*. Они несут отрицательную оценку, следовательно, в значении слова *образина* есть сема отрицательной оценочности. Если в исторических словарях при компонентном анализе значения семы отрицательной оценочности у анализируемого слова не обнаружится, можно считать, что произошла негативация значения. И действительно, при толковании в словаре И. И. Срезневского у этого слова фиксируется значение ‘изображение лица’ (значение иллюстрируется примером из текста XVI века: «Ковшъ болшой..., а венец писанъ золочонь..., а въ венцѣ четыре круги, а въ нехъ писаны царства, а на полке образина золочона, а вокруг еѣ венець... *Дух. Дм. Ив. 1509г. Пансырь нѣмецкой ... на хрептѣ шишень набита, мѣдяна, образиною. Ор. Бор. Фед. Год. 1589 г. 24*» [Материалы ... II, стб. 538]).

2. ТУЛИТЬСЯ – располагаться кое-как, моститься.

В современной дефиниции присутствует оценочное местоименное наречие *кое-как* (‘плохо’), следовательно здесь также присутствует сема отрицательной оценки. В словаре И. И. Срезневского у

этого слова зафиксировано значение ‘закрывать, прикрывать, укрывать, скрывать’ [Материалы ... III, стб. 1036], в толковании нет оценочных слов. Значит, у данного слова в современном русском языке также произошел семантический диахронический сдвиг (негативация значения).

3. ОПЛОТ – надежная защита, твердыня.

Словарное толкование в данном случае не содержит оценочных слов, но здесь есть слово конкретной оценки. Это оценка по качеству: *надежный* ‘прочный, крепкий, хорошо сработанный’. В дефиниции слова *надежный* присутствует оценочное слово (наречие *хорошо*), следовательно, в значении лексемы *оплот* присутствует сема положительной оценки. И если учитывать, что ранее – слово, как указывает И. И. Срезневский, фиксируется в письменных памятниках с XI века [Материалы ... II, стб. 685] – эта лексема обозначала ограду, стену, забор, можно утверждать, что здесь произошла позитивация значения.

Таким образом, компонентный анализ значения помогает выявить сему оценочности. Однако это не всегда возможно, поскольку не в каждой словарной статье при толковании значений, в которых качественно выражена оценочная сема, употребляются «абсолютные» оценочные слова или слова конкретной оценки. Причем разные лексикографические источники поступают по-разному: в одном словаре в словарной статье оценочное слово присутствует, в другом словаре в толковании того же слова оценочного слова нет. Наблюдаются подобные случаи даже в разных редакциях одного и того же словаря (например, в последних изданиях «Толкового словаря» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, 1993, с. 35] у слова *басурман* отсутствует значение ‘бранное слово’, осталось только ‘иноземец, иноверец (*преимуц, о мусульманине*)’, тогда как более ранних изданиях это значение фиксировалось).

В случае, когда в словарной дефиниции отсутствует оценочное слово, для выявления оценочного компонента можно воспользоваться способом трансформации, предложенным И. А. Стерниним. Суть его заключается в возможности перестраивания толкования значения, наличествующего в толковом словаре, в толкование, за-

канчивающееся условной фразой со словами общей оценки – «и это хорошо» или «и это плохо». Например:

РАСКАЯНИЕ – чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка, *и это хорошо* (положительная оценочность);

ВНИМАТЬ – слушать, относиться к чему-нибудь со вниманием, *и это хорошо* (положительная оценочность);

ПОЗОР – бесчестье, постыдное, унижительное положение, *и это плохо* (отрицательная оценочность);

СКАНДАЛ – громкая ссора, нарушающая порядок, *и это плохо* (отрицательная оценочность).

Следует оговориться, что сам И. А. Стернин считает такую трансформацию возможной только тогда, когда оценка является компонентом коннотации [Стернин, 1979, с. 103]. Наличие оценки в денотате автор допускает только при наличии в самой дефиниции оценочного слова (под денотатом И. А. Стернин понимает означающее в целом).

Если разграничивать денотативную и коннотативную оценку, то можно сделать вывод (и его делает И. А. Стернин), что, к примеру, в словах *голословный* и *внятный* оценка является элементом коннотации, а в словах *дерзить* и *вразумительный* – элементом денотации. Исследователь утверждает это, опираясь на наличие оценочных слов в толковании лексемы. У слов *дерзить* ‘говорить оскорбительно, непочтительно, нагло, грубо’ и *вразумительный* ‘понятный, ясный, без труда усваиваемый’ наблюдается именно такая ситуация, следовательно, здесь оценка входит в денотацию. А у слов *голословный* ‘не подтвержденный доказательствами, фактами’ и *внятный* ‘явственно слышный, отчетливо звучащий’ нет оценочных слов в дефиниции, следовательно, по мнению Стернина, здесь оценочность коннотативная [Стернин, 1979, с. 93]. Думается, такие выводы многими исследователями будут поставлены под сомнение, тем более что разные лексикографические источники дают разные толкования значений. Стернин при работе с материалом использовал «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ). Но, например, в словаре под ред. А. П. Евгеньевой (СРЯ) слову *внятный* дается толкование ‘ясно различаемый, хорошо слышимый’. Здесь в

дефиниции уже присутствует оценочное слово, следовательно, по теории Стернина, оценка присутствует в означаемом. Таким образом, налицо внутренние противоречия данной методики определения наличия в значении оценочного компонента и его места в структуре этого значения.

По нашему мнению, оценка, при условии ее узуальности, объективности, всегда сосредоточена в сигнификате, является обязательным компонентом значения (позитивным, негативным или нейтральным). Схематически шкалу оценочности можно представить следующим образом:

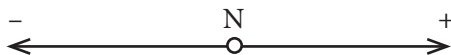

Схема 2

В каждом лексическом значении оценочный компонент занимает определенное место на этой шкале. Смещение его в ту или иную сторону свидетельствует о процессах позитивации / негативации.

Учитывая все вышеизложенное, для выявления позитивации / негативации оценочного компонента значения видится целесообразным использование способа трансформации словарного толкования, предложенного И. А. Стерниным, независимо от того, что у самого автора этой методики несколько иной взгляд на место оценочного компонента в структуре значения языковой единицы.

В целом, компонентный анализ семантики слова, нацеленный на выявление оценочной семы, с нашей точки зрения, должен проходить следующим образом.

1. Следует анализировать (желательно по нескольким лексикографическим источникам) словарное толкование значения лексико-семантического варианта для обнаружения в нем (толковании) оценочных слов. Наличие оценочной лексики говорит о присутствии в значении выраженной оценочной семы.

2. При отсутствии в толковании собственно оценочных лексем необходимо проверять наличие слов конкретной оценки, по воз-

возможности с меньшей предметной соотнесенностью, то есть с преобладанием над денотативным сигнификативного компонента значения. Эти слова, при их обнаружении в дефиниции, также говорят о выраженной оценочности и, таким образом, о качестве оценочного компонента значения.

3. Если в словарном толковании нет ни оценочных слов, ни слов конкретной оценки, следует применить трансформационный способ. В том случае, если возможно трансформировать дефиницию в сложное предложение, заканчивающееся словами «и это хорошо / плохо», делается вывод о наличии в значении той или иной оценки.

4. Если все предыдущие шаги не выявили выраженной оценочности, в значении она является нейтральной, «нулевой».

С помощью такого анализа семантики слова можно, как кажется, прийти к доказательным выводам относительно наличия маркированной оценочной семы значения и ее качественной выраженности.

Безусловно, данная методика отчасти опирается на интуицию исследователя и авторов словарей, является в определенной мере субъективной. Однако более объективного способа выявления в значении оценочного компонента, насколько осведомлен автор, не существует.

Одним из способов верификации, подтверждения надежности данных компонентного анализа является применение экспериментальных методов, которые при лингвистическом (и семасиологическом, в частности) исследовании представляют собой подготовку и проведение психолингвистических экспериментов. Эти эксперименты могут служить именно подтверждением, а не источником данных, поскольку являются очень трудоемкими, а при малых задействованных ресурсах – еще более субъективными, чем работа со словарными дефинициями.

В научной литературе не раз подчеркивалось (см., например, [Левицкий, Стернин, 1989, с. 93; Мягкова, 1990, с. 38]), что при анализе коннотативного, эмотивного компонента значения экспериментальный метод является чуть ли не единственно возможным. Поскольку оценочность тесно связана с эмоциональностью, а ранее вообще рассматривалась как один из компонентов коннотата, видится рацио-

нальным использование психолингвистических экспериментов для выявления оценочного компонента значения. Безусловно, в рамках данной работы экспериментально, путем опроса информантов, выявить оценочный компонент во всех интересующих нас значениях не представляется возможным, во-первых, потому, что объем материала, который отбирался методом сплошной выборки из словарей, значителен (511 примеров позитивации / негативации значения), а во-вторых, потому, что половина всего материала представляет собой фиксацию толкования значения в предыдущие эпохи развития языка (первоначальные значения, которые в дальнейшем позитивировались или негативировались), а информанты являются носителями современного языка.

Думается, что данные, полученные посредством проведения психолингвистического эксперимента, могут быть использованы лишь ограниченно, для подтверждения (или опровержения) выводов, к которым пришел исследователь с помощью других методик. В связи с этим на основе методики лингвистического интервьюирования (см. [Левицкий, Стернин, 1989, с. 94–98]), являющегося одним из приемов экспериментального исследования структуры значения, нами был разработан и проведен эксперимент по выявлению семантических компонентов в значении слова.

Лингвистическое интервьюирование представляет собой прием обращения исследователя к информантам с вопросами непосредственно лингвистического характера. Автором был подготовлен специальный вопросник (см. ниже), в котором информантам предлагалось отметить наличие (или отсутствие) в значениях слов положительной или отрицательной оценочности. Особой устной инструкции не предполагалось, исключая две-три фразы о лингвистической направленности эксперимента, формальной стороне заполнения вопросника (анонимность и т. п.).

При составлении вопросника были учтены следующие методические установки.

1. В вопрос заложено классическое определение позитивации / негативации значения, взятое из «Словаря лингвистических терминов» О. С. Ахмановой [Ахманова, 1966, с. 484].

Образец вопросника**для лингвистического интервьюирования**

Отметьте «галочкой», какие из нижеприведенных слов обозначают предметы, явления, признаки или действия, которые, на Ваш взгляд, можно назвать хорошими, ценными (+), какие – плохими, неценными (-) или ни хорошими, ни плохими (N).

		+	-	N
1	алчный			
2	болван			
3	восхищаться			
4	гад			
5	дворец			
6	едкий			
7	жировать			
8	забава			
9	истома			
10	колымага			
11	лакомство			
12	молодец			
13	наглый			
14	очарование			
15	позор			
16	рыскать			
17	сплетни			
18	толковый			
19	утроба			
20	фофан			
21	хапать			
22	цепенеть			
23	чудо			
24	шествие			
25	щадить			
26	ютиться			
27	ябедник			

2. Значения представленных для анализа слов, как было ранее установлено с помощью компонентного анализа словарных толкований, уже содержат выраженный оценочный компонент, однако информантам предлагается шкала из трех составляющих: положительная / отрицательная / нейтральная оценка.

3. Слова представлены в алфавитном порядке, по одному на каждую букву (отсюда именно такое количество предъявляемых слов). Значения с отрицательной оценочностью относительно равномерно чередуются со значениями, содержащими положительную оценку.

4. Во избежание смешения собственной оценочности слова и оценочности, создаваемой лексическим окружением, слова даются вне контекста. На это пришлось пойти для чистоты эксперимента, несмотря на наличие у некоторых слов других значений, не имеющих выраженного оценочного компонента. Можно было бы заменить эти слова другими, но, с другой стороны, расхождение данных только подтвердит наше предположение о наличии у слова значений с так или иначе выраженной оценочностью.

5. В погрешность результатов эксперимента изначально заложено возможное незнание отдельными информантами значений тех или иных слов, поскольку затруднительно составить репрезентативную выборку с одинаковой лингвистической компетенцией.

Эксперимент проводился в марте 2003 года. Данный вопросник был предъявлен двум группам информантов. Первую составили 40 студентов естественнонаучного профиля (механико-математический факультет Ростовского госуниверситета); во вторую вошли 30 студентов гуманитарного профиля (факультет психологии Ростовского госуниверситета).

Данная выборка наиболее соответствует задаче эксперимента, поскольку информанты, во-первых, являются носителями литературного языка, получившими законченное среднее образование, во-вторых, говорят именно на современном русском языке и он для них родной, в-третьих, являются специалистами в разных сферах деятельности, что в значительной мере исключает влияние профессионального фактора.

Полученные у двух групп данные были обработаны и суммированы (см. табл. 1).

Таблица 1

**Данные, полученные в результате лингвистического
интервьюирования**

N	Лексема	+	-	N
1	алчный		70	
2	болван		62	8
3	восхищаться	60		10
4	гад		66	4
5	дворец	40		30
6	едкий		38	32
7	жировать		50	20
8	забава	51		19
9	истома	20	18	32
10	колымага	3	28	39
11	лакомство	61		9
12	молодец	67		3
13	наглый	1	66	3
14	очарование	66		4
15	позор		69	1
16	рыскать	3	25	42
17	сплетни		63	7
18	толковый	65		5
19	утроба	8	16	46
20	фофан		46	24
21	хапать	1	59	20
22	цепенеть		29	41
23	чудо	61	2	7
24	шествие	26		44
25	щадить	51		19
26	ютиться		42	28
27	ябедник		67	3

Исходя из полученных в результате проведенного психолингвистического эксперимента данных, можно сделать следующие выводы.

1. В подавляющем большинстве случаев результаты эксперимента подтверждают наличие в значении выраженного оценочного компонента. Там, где, к примеру, автор настоящего исследования выявил отрицательную оценочность, ее отметило большинство информантов.

2. В отдельных случаях (эти строки в таблице выделены серым цветом) наблюдается стремление некоторых информантов не выделять в значении никакой оценочности. Это как раз те случаи, когда в слове сосуществуют несколько значений, и лишь одно из них – с выраженной оценочностью: *колымага* ‘старинный экипаж’ и ‘тяжелая, громоздкая, неуклюжая повозка’; *рыскать* ‘разг. ходить, ездить без определенной цели и направления’ и ‘торопливо бегать в поисках чего-нибудь’; *цепенеть* ‘становиться неподвижным’ и ‘терять чувствительность, подвижность, гибкость’; *шествие* ‘торжественное прохождение’ и ‘движение многих людей куда-либо’. Эти случаи подтверждают наши предположения относительно неоднозначного отношения к таким словам.

3. Единичны случаи (слова *истома* и *утроба*, выделены темным цветом) почти кардинального несоответствия данных словарей и данных, полученных в результате эксперимента. Эти слова также имеют несколько значений, и, очевидно, информанты разошлись при выборе семантики. Толковый словарь С. И. Ожегова приводит у слова *истома* только одно значение: ‘чувство приятной расслабленности’. При компонентном анализе выявляется положительная оценочность. Но «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой приводит два значения, первое – ‘чувство усталости, утомления, бессилия’, и только затем – ‘состояние расслабляющего восторга; мление’. Очевидно наличие двух значений с разными качественными выражениями оценки, что и подтвердил эксперимент. Немаловажным является и то, что значение слова *истома* – показательный пример двуступенчатой позитивации (когда оценочность меняется кардинально на противоположную, в данном случае – отрицательная на положительную): ‘притеснение, утомление, труд, забота’ [Ма-

териалы ... I, стб. 1149] → ‘чувство приятной расслабленности’. У слова *утроба* главное значение – ‘внутренняя часть живота человека или животного’. Его первичность, приоритетность во внеконтекстном восприятии современным носителем русского языка, видимо, и обусловила то, что большинство информантов выделили здесь нулевую оценочность. Значительная часть информантов, очевидно под влиянием бранного «ненасытная утроба», выделила отрицательную оценочность. Восемь информантов выделили здесь положительную оценочность – очевидно, под влиянием устойчивого сочетания «в утробе матери» – ‘еще до рождения’ [Ожегов, 1993, с. 874], здесь *утроба* – это то место, где развивается младенец до рождения, место, где он защищен. Безусловно, при первичности в сознании таких ассоциаций будет превалировать положительная оценочность.

Результаты психолингвистического эксперимента в целом подтвердили данные, полученные путем компонентного анализа словарных толкований значений. Случаи, где информанты принципиально разошлись в определении того, как выражена оценочность, являются единичными, что вписывается в общепринятую для таких экспериментов погрешность в 5–10 %. Можно сделать вывод о допустимости применения данной методики при выявлении семантических компонентов, в нашем случае – оценочного компонента значения. А это является главным условием обнаружения семантического сдвига (позитивации / негативации значения).

§ 2. Основы типологии позитивации / негативации значения

Позитивация и негативация значений представляют собой семантические процессы, происходящие в диахронии; слово в силу различных причин постепенно обретает новую семантику. Выявление самого факта позитивации / негативации значения требует сравнения языковых ситуаций разных периодов и даже эпох и конкретно – сравнения семного состава слова до и после изменений в

семантике. Особенно это необходимо в том случае, когда изменение значения (семантическая деривация) влечет за собой утрату производящей основы, то есть первоначального значения слова. Только привлечение данных истории языка, этимологии слов поможет здесь обнаружить сам факт изменения значения.

Когда идет речь об изучении истории языка, выявлении определенных этапов его развития, безусловно, встает вопрос о фактическом подтверждении тех или иных гипотез. Опорой в лингвистических исследованиях являются, прежде всего, письменные источники – различные тексты и данные исторических и этимологических словарей.

Выявление позитивации / негативации значения в русском языке осуществлялось в следующем порядке.

1. Выявление у слова нейтрального / положительного / отрицательного оценочного семантического компонента по данным исторических и этимологических словарей.

2. Выявление у того же слова нейтрального / положительного / отрицательного оценочного семантического компонента по данным современных толковых словарей.

3. Сравнение оценочных компонентов у значений слова в разные исторические эпохи.

Использование для выявления семантических сдвигов данных исторических и этимологических словарей, помимо прочего, обусловлено еще и тем, что при достаточно большом временном расстоянии между фиксациями значения увеличивается надежность исследования, исключается опасность неразличения употребления и нового значения слова. «Чем больше расстояние во времени, тем, как правило, заметнее сдвиги в форме или значении наблюдаемого явления» [Плотников, 1984, с. 166]. Чтобы можно было говорить о факте семантической деривации, использование деривата в речи должно стать регулярным, а это возможно только по истечении определенного времени с момента сдвига в значении. Анна А. Зализняк отмечала, что при выявлении фактов семантической деривации историческое «расстояние между значениями должно быть и не слишком большим, и не слишком малым» [Зализняк, 2001, с. 19],

иначе полученные выводы могут оказаться весьма спорными из-за скупой доказательной базы: с одной стороны, очень древние изменения не могут быть подтверждены документально (до X века у славян вообще не было письменности), с другой – закрепление новых значений, как уже было сказано, вопрос определенного времени.

В настоящем исследовании на первом этапе отбора материала использовался ряд исторических и этимологических словарей [Шанский, 1975; СРЯ XI–XVII; Срезневский, 1988–1990; Фасмер, 1996; Дьяченко, 1998; и др.].

Все толкования значений для последующего сопоставления с современными лексико-семантическими вариантами были извлечены из словарей методом сплошной выборки (за исключением «Словаря русского языка XI–XVII вв.» – его данные использовались лишь отчасти, главным образом из-за незаконченности издания).

На этапе работы с историческими словарями сразу же отсеивались слова, которые современным носителям языка не знакомы и вышли из употребления (такие лексемы, например, в словаре И. И. Срезневского составляют приблизительно треть всего словника), а следовательно, и не фиксируются современными словарями: наблюдения над процессами лексической архаизации не входили в задачи настоящего исследования, для него важна история значений современных слов.

У отобранных значений слов определялась – исходя из семного набора, предложенного словарной статьей, – оценочность (положительная, отрицательная или нейтральная). Качественный показатель оценочности выявлялся на основе метода компонентного анализа значения лексико-семантического варианта, подробная процедура которого была представлена в § 1 настоящей главы.

На следующем этапе отбора материала значение слова, зафиксированное в исторических словарях, сравнивалось с его современной семантикой. Для этого использовались толковые словари современного русского языка [СРЯ; Ожегов, 1993]. Проверять современные значения по более ранним словарям [ССРЯ; ТСРЯ] представляется нецелесообразным, поскольку данные лексикографические издания в меньшей степени отражают современное состояние русского язы-

ка, более идеологизированы. Данные этих словарей, а также более ранних изданий толкового словаря С. И. Ожегова использовались как дополнительные в тех случаях, когда позволяли проследить динамику изменения значения слов, приблизительно установить время семантического сдвига.

У современного значения слова также путем компонентного анализа определялся качественный показатель оценки. В дальнейшем данные исторических (этимологических) словарей сравнивались с данными современных словарей. Если оценочность в значении слова по обоим источникам была одинаковой, данная лексическая единица исключалась из материала исследования как не обнаруживающая в своем историческом развитии позитивации / негативации значения. Если оценочный компонент значения в разные эпохи у одного и того же слова имел разное выражение, это фиксировалось в картотеке исследования. Исходя из того, что автором на основе этой методики было выявлено 511 случаев позитивации / негативации значения, можно судить о достаточно невысокой частотности и регулярности данного типа изменения семантики слов. Очевидно, именно относительная незначительность количества исследуемых единиц является одной из основных причин малой изученности процессов позитивации / негативации значения.

Собранный материал, в соответствии с характером семантического изменения, распределяется по двум основным группам, в каждой из которых вычленяются три подгруппы, уточняющие тип сдвига в качественном содержании оценочного компонента значения (для удобства классификации здесь и далее схематически отрицательная оценка будет обозначена как ‘-’, положительная – ‘+’, нейтральная – ‘N’, что отражает традицию, сложившуюся в логике, аксиологии и лингвистике (см.: [Ивин, 1970; Вольф, 1985; Арутюнова, 1988; и др.]).

1. Негативация значения.

1.1. N → - (*наглый* ‘быстрый, внезапный’ [Материалы ... II, стб. 274] → ‘крайне нахальный’; *зябнуть* ‘произрастать в холодное время’ [Материалы ... I, стб. 1015] → ‘испытывать чувство холода, страдать от холода’; *омрачать* ‘затемнять’ [Материалы ... II, стб. 669] → ‘делать мрачным, грустным’);

1.2. + → N (*красный* ‘прекрасный, красивый’ [Материалы ... I, стб. 1318] → ‘цвета крови’; *пособие* ‘помощь, польза’ [Материалы ... II, стб. 1250] → ‘учебная книга’; *дача* ‘дар’ [Материалы ... II, стб. 635] → ‘загородный дом для летнего отдыха’);

1.3. + → - (*мзда* ‘подарок, дар, награда’ [Материалы ... II, стб. 225] → ‘взятка, подкуп’; *корысть* ‘добыча, приобретение, преимущество’ [Материалы ... I, стб. 1286] → ‘выгода, польза’ → ‘стремление к личной выгоде, наживе’; *коварный* ‘мудрый, искусный’ [Материалы ... I, стб. 1241] → ‘злонамеренный, прикрытый показным доброжелательством’; в последнем примере можно наблюдать сложное, комбинированное изменение оценочности, поскольку изначально *коварный* являлось прилагательным от *коварь* ‘кузнец’ (N), затем произошла позитивация, и только потом – негативация).

2. Позитивация значения.

2.1. N → + (*кладезь* ‘колодец’ [Материалы ... I, стб. 1212] → ‘хранилище чего-либо мудрого, полезного’; *отличный* ‘не похожий на других’ [КЭСРЯ, с. 318] → ‘очень хороший, превосходный’; *приличный* ‘похожий’ [Материалы ... II, стб. 1423] → ‘соответствующий приличиям, пристойный’);

2.2. - → N (*изумляться* ‘сходить с ума’ [Материалы ... I, стб. 1081] → ‘удивляться’; *гроза* ‘ужас, страх’ [Материалы ... I, стб. 595] → ‘атмосферное явление’; *возразить* ‘оттолкнуть, ударить’ [Материалы ... I, стб. 352] → ‘высказать возражение’);

2.3. - → + (*истома* ‘притеснение, утомление, труд’ [Материалы ... I, стб. 1149] → ‘чувство приятной расслабленности’; *восхищать* ‘похищать, хватать’ [КЭСРЯ, с. 94] → ‘приводить в высшее удовлетворение, восторг’; *прелестный* ‘приводящий в заблуждение, обманывающий’ [Материалы ... II, стб. 1662] → ‘очаровательный, привлекательный’).

Помимо классификации по направлению изменения оценочности (позитивация или негативация), выделенные подгруппы можно разделить на две части по степени сдвига оценочности: 1) одноступенчатая позитивация / негативация (подгруппы 1.1, 1.2, 2.1, 2.2) и 2) двухступенчатая позитивация / негативация (подгруппы 1.3, 2.3). Причем доля двухступенчатых изменений от всего материала составляет всего 6 % (30 примеров), что позволяет говорить о не-

продуктивности данного типа изменения оценочности. При двухступенчатой деривации единичны случаи энантиосемии, когда новое значение сосуществует со старым и у них по-разному выражен оценочный компонент (напр., *упиваться* ‘пьянствовать’ и → ‘наслаждаться до упоения’; *приукрасить* ‘слегка украсить’ и → ‘представить в лучшем виде, чем есть на самом деле’); вообще, энантиосемия является достаточно редким явлением (см. [ЭРЯ, с. 29]). В целом можно сделать вывод о том, что носителям русского языка не свойственно кардинальное изменение оценки объектов окружающей действительности. Эти изменения в большинстве случаев обусловлены либо социально-идеологическими причинами, либо (как в примерах со словами *упиваться*, *прелестный*) художественно-поэтическими. А такие случаи семантической деривации чаще всего не приводят к закреплению в языке нового значения, поскольку являются ограниченными, не распространяются на всех носителей языка.

Перечисленные подгруппы типов семантических изменений достаточно разнородны в количественном отношении. В процентном и абсолютном соотношении распределение материала исследования по подгруппам показано в таблице 2.

Несмотря на невозможность собрать полную картотеку материала (в силу ограниченности данных древних письменных источников, динамики развития рассматриваемых процессов в настоящее время и т. п.), полученные цифры являются достаточно показательными даже с учетом значительной погрешности. В целом, данные таблицы 2 позволяют сделать следующие выводы.

1. Разные подтипы рассматриваемых семантических изменений проявляют различную активность в историческом развитии языка. Можно даже судить об определенной продуктивности отдельных подтипов (более $\frac{2}{3}$ всего материала распределено по подгруппам 1.1 и 2.1).

2. Наиболее продуктивным (больше половины всех изменений) является подтип 1.1 ($N \rightarrow -$), то есть негативация значения, при которой у производящей основы оценочный компонент был нейтральным (*алчный* ‘голодный’ [Материалы ... I, стб. 20] → ‘жадный к наживе, корыстный’; *аспид* ‘змея’ [Материалы ... I, стб. 31] →

Таблица 2

**Количественное и долевое распределение материала
по типам семантических изменений**

Тип изменения		Количество примеров, их доля от всего материала	
негативация	1.1. N → -	271 (53 %)	Всего 328 (64 %)
	1.2. + → N	41 (8 %)	
	1.3. + → -	16 (3 %)	
позитивация	2.1. N → +	108 (21 %)	Всего 183 (36 %)
	2.2. - → N	61 (12 %)	
	2.3. - → +	14 (3 %)	

‘злобный, коварный человек’; *блудить* ‘ходить, блуждать’ [Материалы ... I, стб. 116] → ‘распутничать’; *вина* ‘причина’ [Материалы ... I, стб. 258] → ‘проступок, преступление’; *возиться* ‘переправляться через реку’ [Материалы ... I, стб. 283] → ‘беспокойно, суетливо двигаться’; *дрыгаться* ‘дрожать’ [Материалы ... I, стб. 733] → ‘(разг.) делать резкие движения’; *измена* ‘замена, изменение’ [Материалы ... I, стб. 1067] → ‘нарушение верности кому-либо, чему-либо’; *кабала* ‘грамота, письменное долговое обязательство’ [Материалы ... I, стб. 1169] → ‘полная, почти рабская зависимость’; *канитель* ‘тонкая металлическая нить’ [Дьяченко, 1998, с. 244] → ‘однообразное и нудное занятие’; *огреть* ‘согреть’ [Материалы ... II, стб. 611] → ‘сильно ударить’; *погрязнуть* ‘погрузиться, утонуть’ [Материалы ... II, стб. 1024] → ‘окончательно предаться чему-нибудь предосудительному’; *тупой* ‘неострый’ [Материалы ... III, стб. 1038] → ‘несообразительный’; и т. д.). Этот вывод соотносится с не раз отмечавшейся тенденцией русской лексики к негативации значения (см.: [Хидекель, Кошель, с. 1981; Шаховский, 1983; Вольф, 1986; Арутюнова, 1988; Столярова, 1988; и др.]). Э. А. Столярова, исследовавшая лексико-

семантическое поле оценки в разговорной речи, отмечает, что негативная оценка присутствует во всех лексико-семантических полях и что в среднем «каждое десятое слово в разговорной речи принадлежит лексико-семантическому полю *плохой*» [Столярова, 1988, с. 188]. Безусловно, здесь следует учитывать, что автор приводит количественные данные словоупотреблений в речи, а не основывается на сплошной выборке из какого-либо словаря.

3. Не столь частотным (приблизительно пятая часть всего материала), но также достаточно продуктивным оказался подтип 2.1 ($N \rightarrow +$) – позитивация значения у лексико-семантического варианта с нейтральной оценкой (*агнец* ‘ягненок’ [Материалы ... I, стб. 6] → ‘кроткий, послушный человек’; *вещать* ‘говорить’ [Материалы ... I, стб. 502] → ‘говорить что-либо значительное, важное’; *внимать* ‘слушать’ [Материалы ... I, стб. 389] → ‘высок. слушать, относиться чему-нибудь со вниманием’; *дворец* ‘небольшой двор’ [Материалы ... I, стб. 645] → ‘большое и великолепное здание’; *ладно* ‘одинаково, ровно’ [Материалы ... II, стб. 3] → ‘хорошо’; *мужество* ‘мужской пол’ [Материалы ... II, стб. 193] → ‘храбрость, присутствие духа в опасности’; *преклоняться* ‘наклоняться, склоняться’ [Материалы ... II, стб. 1653] → ‘чувствовать глубокое уважение, восхищение’; *скромный* ‘ограниченный’ [Материалы ... III, стб. 383] → ‘сдержанный в обнаружении своих достоинств, нехвастливый’; *степенный* ‘находящийся в должности’ [Материалы ... III, стб. 512] → ‘рассудительно-серьезный’; *талант* ‘вес и монета у древних греков’ [Материалы ... III, стб. 921] → ‘выдающиеся врожденные качества’; *толк* ‘толкование’ → ‘польза, прок’; *шествие* ‘движение, путь’ [Материалы ... III, стб. 1604] → ‘торжественное прохождение, процессия’). Таким образом, продуктивной является семантическая деривация, при которой оценочный компонент производящей основы был нейтральным. Среди перечисленных здесь примеров интересно выделить историю развития значения у слова *скромный*, которая может служить примером обратной семантической деривации, когда дериват возвращается к первоначальному значению. У слова *скромный* вновь фиксируется значение ‘небольшой, ограниченный’, только Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой трактует его уже как переносное.

4. Около четверти всего материала рассредоточено по подгруппам 1.2 (+ → N: *gorazdo* 'искусно, хорошо, совершенно' [Материалы ... I, стб. 552] → 'значительно, namного'), 1.3 (+ → -: *dosужий* 'умный, знающий' [Материалы ... I, стб. 717] → 'разг. праздный, появляющийся от безделья'), 2.2 (- → N: *изумление* 'безумие' [Материалы ... I, стб. 1081] → 'крайнее удивление') и 2.3 (- → +: *обаяние* 'колдовство словами' [КЭСРЯ, с. 296] → 'очарование, притягательная сила'), что позволяет судить о непродуктивности позитивации / негативации значения у слов с выраженным оценочным компонентом.

Таким образом, на основе анализа лексикографических фиксаций в русском языке обнаруживается количественное преобладание случаев негативации значения над позитивацией, причем более половины всех случаев изменения оценочного компонента приходится на негативацию нейтрального значения.

По данным, приведенным в таблице 2, можно судить о том, что лексико-семантические варианты с положительным или отрицательным оценочным значением достаточно редко подвергаются позитивации / негативации значения. Безусловно, это не относится к фактам ироничного употребления слов. В качестве примера можно привести контекстное включение в речь слов *аромат, прекрасно, красивый* и т. п. с отрицательной оценочностью: «Ну и "аромат"!.. Как на овощной базе – не продохнешь»; «Что, опять свет отключили? Прекрасно!..»; «Да... "красивый" поступок, ничего не скажешь...». В тексте такие употребления обычно выделяются кавычками, в живой речи большую роль играет интонация. Однако в задачи настоящего исследования не входит рассмотрение функционирования слов в речи, нас интересуют значения, закреплённые лексикографически.

Как уже было отмечено ранее, семантические изменения могут привести к двум различным результатам: новое значение сосуществует со старым (полисемия) или вытесняет его (диахронический сдвиг). На основе анализа материала исследования (прежде всего – примеров семантических изменений слов, которые существовали еще в древнерусском языке) были получены следующие данные о результатах позитивации / негативации значений.

1. Около 25 % случаев позитивации / негативации значения приводят к полисемии (*распоясаться* ‘снять пояс’ [Материалы ... III, стб. 80] и ‘стать распущенным’, *канитель* ‘тонкая металлическая нить’ и ‘утомительное, нудное занятие’, *толковый* ‘имеющий объяснение’ [Материалы ... III, стб. 1045] и ‘дельный, разумный’ и т. п.).

2. Приблизительно в 75 % случаев старое значение постепенно вытесняется, заменяется новым (*бесславиe* ‘неизвестность’ [Материалы... I, стб. 73] → ‘дурная слава, позор’; *поощрять* ‘заострять’ → ‘вознаграждать, одобрять в чем-либо’; *трус* ‘трясение, дрожание’ [Материалы ... III, стб. 1012] → ‘трясущийся, дрожащий’ [КЭСРЯ, с. 452] → ‘человек, легко поддающийся чувству страха’; *тулиться* ‘скрываться, укрываться’ [Материалы ... III, стб. 1036] → ‘располагаться кое-как’ и т. п.).

Таким образом, для процессов позитивации / негативации значений характерно замещение дериватом производящей базы в процессе исторического развития языка, новое значение оказывается «сильнее» и поглощает старое. В свою очередь многозначность является нехарактерным результатом данного типа семантической деривации.

Как правило, полисемия возникает в том случае, когда у слова в первоначальном значении не было абсолютно адекватного синонима, который бы годился для полноценной замены (*апокалипсис* ‘«Откровение» – книга Нового завета’ и ‘конец света’; *сложный* ‘составной, состоящий из нескольких частей’ и ‘трудный, запутанный’ и т. д.). Помимо этого, при семантической деривации новое значение часто сосуществует со старым у различных аффиксальных образований (*молодец* ‘молодой человек’ и ‘похвала, одобрение’; *пересуд* ‘вторичное судебное разбирательство’ и ‘разг. досужие обсуждения, пустые разговоры, сплетни’ и т. д.), поскольку они сами являются производными и на устойчивость их семантики оказывают влияние не только производные значения, но и производящие основы.

Стоит еще раз упомянуть, что приведенные выше данные относятся к выверенным по историческим и этимологическим словарям материалам. Безусловно, с развитием литературной формы русского языка и с ростом тенденции к экономии языковых средств все

больше ассоциативных переносов в последнее время закрепляется в языковой системе наряду с первоначальным значением. В языке наблюдается процесс увеличения доли семантических дериватов, сосуществующих параллельно с производящей основой. Например, в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складневской [ТСРЯ XX] словарные статьи в большинстве представляют собой толкования новых значений, появившихся у уже существующих слов. Другое дело, что, как уже отмечалось, когда речь идет об оценочности, о ее качественном изменении, с уверенностью можно говорить только по прошествии определенного времени. Для каждого отдельного значения этот временной отрезок, который пройдет от особого единичного употребления до регулярного, может быть разным. Определяющими здесь являются экстралингвистические факторы: «В периоды социальной и исторической стабильности процессы языкового развития протекают размеренно, постепенно, и языковые изменения затрагивают отдельные, незначительные участки системы... В пору исторических и социальных потрясений и революций процессы языкового развития ускоряются» [ТСРЯ XX, с. 7]. Главным критерием узуальности нового значения, на котором основан в том числе и отбор материала настоящего исследования, является фиксация этого значения толковыми словарями литературного языка.

Помня о том, что изменение оценочного компонента семантики может происходить параллельно с другими типами семантических изменений – метафоризацией, метонимизацией, сужением или расширением значения, интересно проследить, как часто позитивация / негативация значения сопровождается тем или иным семантическим процессом. В таблице 3 показана частотность соединения позитивации / негативации значения с другими типами семантических изменений (на материале исторических и этимологических словарей). Представлено количественное и доленое распределение материала по различным подтипам.

Здесь отдельно подсчитано количество сочетаний позитивации / негативации с ассоциативными переносами и с изменениями объема значения. Это обусловлено тем, что в значении слова им соот-

Таблица 3

Сочетаемость позитивации / негативации значения с другими типами семантических изменений

	Смена оценочного компонента, сочетающаяся с...			
	<i>ассоциативным переносом</i>		<i>изменением объема значения</i>	
	метафоризацией	метонимизацией	сужением	расширением
Количество позитиваций	75 (41 %*)	23 (12 %*)	31 (17 %*)	11 (6 %*)
Количество негативаций	138 (42 %**)	63 (19 %**)	108 (33 %**)	14 (4 %**)
Доля от всего материала	213 (41 %)	86 (17 %)	139 (27 %)	25 (5 %)

* доля от всех позитиваций; ** доля от всех негативаций.

ветствуют различные структурные изменения: при сужении / расширении первичным является изменение объема сигнификации, при ассоциативных переносах – сходство или смежность денотатов. Исходя из данных, представленных в таблице 3, можно сделать следующие выводы о частотности семантических изменений, идущих параллельно с негативацией / позитивацией значения.

1. Самым продуктивным является сочетание **негативация + метафора** (*катавасия* ‘утренний канон, который поют оба клироса вместе, для чего сходятся на середину церкви’ [Дьяченко, 1998, с. 246] → ‘беспорядок, суматоха’; *надменный* ‘надутый’ [Материалы ... II, стб. 282] → ‘высокомерный, кичливый’; *пресмыкаться* ‘ползать’ [Материалы ... II, стб. 1692] → ‘раболепствовать, подличать’; *пристать* ‘подойти, присоединиться’ [Материалы ... II, стб. 1462] → ‘приступить к кому-нибудь с назойливыми разговорами, просьбами (разг.)’; *сплетня* ‘сеть; то, что сплетено’ [Материалы ... III, стб. 795] → ‘слух о ком-, чем-н., основанный на неточных или за-

ведомо неверных сведениях'; *суровый* 'свежий, сырой' [Материалы ... III, стб. 626] → 'холодный, неблагодарный для жизни' и т. д.). Такие примеры составляют 27 % от всего материала.

2. На втором месте по частоте – сочетание **негативация + сужение объема значения** (*вонь* 'запах' [КЭСРЯ, с. 91] → 'отвратительный запах, зловоние'; *глумиться* 'забавляться, веселиться' [Материалы ... I, стб. 521] → 'издеваться'; *жрать* 'питаться' [Материалы ... I, стб. 887] → 'жадно есть'; *мзда* 'подарок, дар, награда' [Материалы ... II, стб. 225] → 'взятка, подкуп'; *похоть* 'воля, желание, прихоть' [Материалы ... II, стб. 1318] → 'плотское вожделение'; *рухлядь* 'движимое имущество, пожитки' [Материалы ... III, стб. 199] → 'всякий старый домашний хлам'; *смад* 'сильный запах' [КЭСРЯ, с. 418] → 'отвратительный запах' и т. д.) – почти четверть всего материала приходится на эту разновидность негативации значения.

3. Продуктивной является и **позитивация в сочетании с метафорой**: *боготворить* 'создавать, творить бога' [Материалы ... I, стб. 136] → 'преклоняться перед кем-, чем-либо, обожать, слепо любить'; *величество* 'величина' [Материалы ... I, стб. 238], высочество 'высота' [Материалы ... I, стб. 453] → 'титул монархов и членов царского дома'; *кормчий* 'рулевой на корабле' [Материалы ... I, стб. 1410] → '(высок.) мудрый руководитель'; *оплот* 'ограда, стена, забор' [Материалы ... II, стб. 685] → '(высок.) надежная защита, твердыня'; *очарование* 'колдовство' [Материалы ... II, стб. 844] → 'чарующая сила, прелесть'; *паства* 'стадо' [Материалы ... II, стб. 883] → 'верующие, прихожане церкви'; *просвещение* 'освещение, свет' [Материалы ... II, стб. 1566] → 'передача кому-либо знания, распространение знания, культуры' и т. д. К этому подтипу относится более половины всех случаев позитивации значения.

4. Относительно частотны сочетания **негативация + метонимия** (*безделье* 'досуг, отсутствие дел' [Материалы ... I, стб. 56] → 'праздность'; *досужий* 'умный, знающий' [Материалы ... I, стб. 717] → 'праздный, появляющийся от безделья'; *кабала* 'грамота, письменное долговое обязательство' [Материалы ... I, стб. 1169] → 'полная, почти рабская зависимость'; *колымага* 'стан, палатка' [Материалы ... I, стб. 1260] → 'неуклюжая повозка'; *корысть* 'добыча, приобретение,

преимущество' [Материалы ... I, стб. 1286] → 'стремление к личной выгоде, наживе'; *мытарство* 'подать, налог' [Материалы ... II, стб. 218] → 'страдание, мука'; *облава* 'военный отряд, войско' [Материалы ... II, стб. 514] → 'оцепление места, где находятся или могут находиться преследуемые лица с целью их поимки'; *опасный* 'тщательный, осторожный' [Материалы ... II, стб. 679] → 'способный вызвать, причинить какой-нибудь вред, несчастье'; *острог* 'частокол, внешнее укрепление города' [Материалы ... II, стб. 744] → 'тюрьма' и т. д., всего 63 примера) и **позитивация + сужение** (*восседать* 'сидеть' [Материалы ... I, стб. 431] → 'важно, торжественно сидеть'; *купель* 'водоем' [Материалы ... I, стб. 1376] → 'сосуд или водоем, в котором совершается крещение'; *пестовать* 'воспитывать' [Материалы ... II, стб. 1789] → 'заботливо, любовно выращивать, воспитывать'; *разность* 'несогласие, вражда' [Материалы ... III, стб. 61] → 'результат, итог вычитания'; *рождество* 'день рождения' [Материалы ... III, стб. 145] → 'православный праздник, день рождения Иисуса Христа'; *хоромы* 'дом, строение' [Материалы ... III, стб. 1387] → 'большой жилой дом богатого владельца' и т. д., всего 31 пример).

5. Непродуктивными являются сочетания **позитивация + метонимия** (*страховаться* 'бояться' [Материалы ... III, стб. 545] → 'предохраняться от чего-либо неприятного, нежелательного'; *взбить* 'ударить' [Материалы ... I, стб. 336] → 'легкими ударами сделать рыхлым, пенистым'; *лакомство* 'сладостлюбие, жадность' [Материалы ... II, стб. 6] → 'сласти, лакомое блюдо'; *благородный* 'хорошего происхождения, не раб' [Материалы ... I, стб. 103] → 'обладающий высокими нравственными качествами, великодушный'; *мужество* 'мужской пол' [Материалы ... II, стб. 193] → 'доблесть, храбрость'; *преклоняться* 'наклоняться, склоняться, падать' [Материалы ... II, стб. 1653] → 'чувствовать глубокое уважение, восхищение' и т. д., всего 23 примера); **негативация + расширение** (*отрешить* 'отвязать, развязать' [Материалы ... II, стб. 768] → 'отстранить'; *обыденный* 'однодневный' [Материалы ... II, стб. 572] → 'повседневный, обыкновенный, заурядный'; *фарисей* 'член древнееврейской секты фарисеев' [Материалы ... III, стб. 1352] → 'лицемер, ханжа'; *докучать* 'сильно просить' [Материалы ... I, стб. 694] → 'надое-

дать, наводить скуку’ и т. д., всего 14 примеров); **позитивация + расширение** (*разрешить* ‘развязать’ [Материалы ... III, стб. 51] → 1) ‘дать право на что-либо’; *ценный* ‘прил. от *цена*, денежный’ [Материалы ... III, стб. 1459] → ‘с большими достоинствами, важный, нужный’ и т. д., всего 11 примеров).

Следует отметить, что для процессов позитивации / негативации в целом не свойственно расширение значения. Это во многом объясняется тем, что актуализация семы оценочности уже предполагает своего рода сужение значения, ограничение в обозначении предметов окружающего мира. Статистические данные также позволяют говорить о большей частотности ассоциативных переносов на основе метафоры, чем на основе метонимии.

Процессы позитивации / негативации оценочного компонента, сопровождаемые изменением объема значения, могут привести к разным изменениям в структуре значения: возможна просто актуализация оценочной семы (*вонь* ‘запах’ [КЭСРЯ, с. 91] → ‘отвратительный запах, зловоние’), а возможно и более кардинальное перераспределение сем в значении (*смерд* ‘сильный запах’ [КЭСРЯ, с. 418] → ‘отвратительный запах’). Во втором случае определение конкретного подтипа рассматриваемых семантических изменений представляет известную трудность (см. также *бесчинство* ‘беспорядочность, нарушение порядка’ [Материалы ... I, стб. 80] → ‘нарушение общепринятых норм, непристойность’; *удобрение* ‘украшение, успокоение, смягчение’ [Материалы ... III, стб. 1150] → ‘органическое или минеральное вещество, которым удобряют почву’ и т. п.). В данных случаях необходимо комплексно подходить к рассматриваемому материалу, используя как можно больше источников при анализе процессов изменения значения.

Существует особый случай позитивации / негативации значения, когда не используются разного рода ассоциативные переносы и объем экстенционала не изменяется. Как правило, это коннотативная позитивация / негативация значения. Чаще всего она происходит в семантике лексики общественно-политической, обусловлена социальными факторами. Она представляет собой актуализацию (нейтрализацию) субъективной – индивидуальной или коллективной –

оценочности. Как уже говорилось, такие оценки в языке достаточно неустойчивы (ср., например, изменения оценочного компонента в семантике слов *капиталист*, *скаут*, *атеизм*). Здесь оценочность, выражаемая определенной социальной группой, не всегда становится узуальной. В свою очередь позитивация / негативация объективного оценочного компонента, как показывает материал, всегда сопровождается другими изменениями в семантической структуре, чаще становится общепринятой.

В соответствии с частеречной принадлежностью материал исследования делится на три большие группы: имена существительные, имена прилагательные и глаголы. К прилагательным примыкает соотносимая с ними по объему группа наречий, однако отдельно доля наречий в материале не высчитывалась, поскольку почти все они представляют собой отадективные образования, зеркально отражающие отношения между прилагательными; сами наречия, как правило, редко переосмысливаются. В силу понятных причин (отсутствие конкретной денотативной закреплённости, невозможность выполнять характеризующую функцию и т. д.) не могут подвергаться позитивации / негативации значения и потому отсутствуют в материале исследования местоимения, числительные и служебные части речи. У них просто отсутствует в значении оценочный компонент (за исключением отдельных частиц и междометий, что, однако, не позволяет говорить о возможности протекания у них процессов позитивации / негативации).

Долевое распределение материала исследования по частям речи и с учетом типа семантических изменений представлено в таблице 4.

Данные о долевом распределении материала по типам изменений, представленные в таблице 4, несколько отличаются от тех, которые приведены в таблице 2. Это объясняется тем, что в таблице 4 не учитывались наречия (их приблизительно столько же, сколько и прилагательных).

Из приведенных данных видно, что в народном сознании чаще всего варьирует оценка предметов и явлений. В меньшей степени качественно меняют оценочность обозначения действий, и в еще меньшей – признаков. Следует также отметить, что наименования

действий чаще приобретают отрицательную оценочность, то есть у глаголов чаще наблюдается негативация значения (в три раза чаще по сравнению с позитивацией, тогда как у других частей речи этот показатель не превышает двух).

Таблица 4

Долевое распределение материала по частям речи

Часть речи	Доля материала по типам изменений		Всего
	негативация	позитивация	
Существительное	32 %	18 %	50 %
Прилагательное	13 %	8 %	21 %
Глагол	22 %	7 %	29 %

Если проследить, при обозначении каких реалий чаще идет переосмысление оценочного компонента (позитивация / негативация) существующих значений, то можно обнаружить, что по тематическому принципу весь материал исследования делится на четыре группы (классифицируются значения дериватов, а не производящих основ):

1) слова, обозначающие человека по различным параметрам: чертам характера (*изверг, исчадие, тварь, агнец*); значимости для общества или для отдельных индивидуумов (*кормчий, кумир*) и т. д.;

2) слова, характеризующие человека: называющие его признаки, качества (*ветреный, чванный, озорной, скромный*); его действия, направленные как на себя (*причитать*), так и на окружающих (*разрешить*); его состояния – как правило, это отаждьективные наречия (*вежливо, нагло*) и т. д.;

3) слова, обозначающие предметы, явления окружающего мира, включая все сферы: бытовую, социальную, религиозную и т. п. (*взятка, отказ, хлам, кладезь, паства, шествие* и т. д.);

4) слова, характеризующие предметы и явления окружающего мира, называющие их свойства (*ветхий, едкий, красный, ладный, прелестный, приличный* и т. д.).

Количество субстантивов, обозначающих человека, то есть слов первой группы, равняется 56; это 11 % от общего числа зафиксированных изменений и приблизительно пятая часть от всех существительных. В последнее время наблюдается рост в языке случаев субстантивной метафоры, обозначающей человека (см. исследования [Трипольская, 1999; Дуличенко Л. В., 2000; Ильюшина, 2001; Махмутова, 2002; Розина, 2005; Варламова, 2008; и др.]). Очевидно, это связано с демократизацией языка, что стало особенно заметно со второй половины 80-х годов XX века. В литературный язык хлынули разного рода заимствования, жаргонизмы, немалую часть которых составляли наименования человека. Одним из основных способов образования наименований в жаргонах выступает метафоризация. Этот способ стал все более активно использоваться и в языке в целом. Однако насколько данные метафоры закрепятся в языке, покажет время. По данным исторических словарей, эти семантические изменения составляют, как показывает статистический анализ, сравнительно небольшой процент от общего числа позитиваций / негативаций значения. Следует также отметить, что чаще всего с отрицательной оценочностью образуется антропометафора.

Больше всего материала (261 пример, 51 % от общего количества) сосредоточено во второй группе, куда вошла лексика, характеризующая человека, его качества, действия, признаки. Таким образом, именно необходимость в каком-то новом обозначении человека, черт его характера чаще всего (почти в двух третях случаев, если объединить первую и вторую группы) является предпосылкой для позитивации / негативации значения. Можно сделать достаточно важный в культурологическом плане вывод о том, что для носителей русского языка прежде всего важна оценка человека, его нравственных и физических качеств, его поступков.

158 примеров (31 % от всего материала) относится к третьей группе: здесь сосредоточены слова, обозначающие предметы и явления окружающего мира. Эта группа также достаточно велика, а по количеству существительных в три раза объемнее группы антропоморфных субстантивов.

Самая малочисленная группа – слова, характеризующие предметы и явления окружающего мира: 36 (7 %). Очевидно, что позитивное или негативное отношение к этим фрагментам действительности чаще выражается собственно оценочными словами, которых в языке не так уж и много.

Еще раз следует подчеркнуть, что все приведенные в настоящем параграфе данные не относятся к функционированию слов в речи, в специфических контекстах. Они могут быть совершенно иными при изучении социальных и территориальных вариантов языка. Для значений слов русского литературного языка приведенные выше данные являются, в свою очередь, достоверными.

§ 3. Кумулятивная функция позитивации / негативации значения в русском языке

Основными причинами позитивации / негативации значения являются психологические и социокультурные. Сдвиг в семантике отражает изменение отношения носителей языка к обозначаемому фрагменту внеязыковой действительности. И если реальные причины какого-либо случая позитивации / негативации со временем могут забыться, уже не ассоциироваться с данным словом, то само значение, факт его изменения является хранителем культурной информации. Раскрытие механизма каждого конкретного случая семантической деривации позволяет выявить особенности ассоциативного мышления носителей данного языка, составить более полное представление о так называемом «лексическом фоне» номинативной единицы, то есть посредством изучения языковых явлений в диахроническом плане объяснить какие-либо явления культуры данного народа, особенности существования социума и т. п. А это, в свою очередь, является одной из главных задач лингвокультурологии, уходящей корнями в этнолингвистику и основной ее раздел – этносемантику, ориентированную на «выявление семантических оснований языковой модели мира» [ЭРЯ, с. 648].

Автор настоящей работы присоединяется к мнению В. В. Воробьева, который считает, что лингвокультурология – это «аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии, так как определяет и описывает национально-маркированные языковые единицы» [Воробьев, 2002]. В данном случае национально-маркированными единицами являются значения слов, а точнее – значения с качественно изменившимся оценочным компонентом. Как подчеркивает Н. Ф. Алефиренко, «мир значений с его структурой ценностно-смысловых отношений оказывается культурной формой существования знания и способом его функционирования в сфере духовно-практической деятельности» [Алефиренко, 2002, с. 31].

Поскольку основным объектом лингвокультурологии являются взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в процессе его функционирования, а также изучение интерпретации этого взаимодействия в единой системной целостности [Воробьев, 1997] (Н. Ф. Алефиренко понимает эту целостность как «вербализацию духовно значимых ценностей» [Алефиренко, 2002, с. 3]), целесообразно на материале настоящего исследования обнаружить эту взаимосвязь. Действительно, позитивация / негативация значений, как и любой другой исторический тип изменения семантики, рассматривается в диахроническом плане, так как развивается в процессе функционирования языка. Остается только проследить, насколько в контексте данного языкового явления язык и культура образуют «единую системную целостность». На наш взгляд, это можно сделать с помощью лингвокультурологического анализа, которому должен быть подвергнут каждый отдельный случай позитивации / негативации значения. На основе совокупности полученных результатов можно будет сделать вывод о той или иной степени взаимной детерминированности языка и культуры при протекании рассматриваемых семантических процессов.

Для решения означенной задачи рационально использовать следующую схему лингвокультурологического анализа.

1. Выявление факта семантической деривации (в нашем случае позитивации / негативации значения), что само по себе уже должно

привести к определенным лингвокультурным выводам, так как эти факты в большинстве случаев изначально обусловлены экстралингвистическими, культурными (в широком смысле) причинами.

2. Сопоставление деривата с деривационной базой; определение механизма деривации (метафора, метонимия, просто актуализация оценочной семы и т. п.); определение возможных внутриязыковых факторов, анализ разного рода устойчивых сочетаний с данным словом; при необходимости – привлечение памятников письменности.

3. Определение степени влияния социокультурных факторов на изменение значения. Если оказывается, что на изменение оценочности повлияли объективные факторы (оценочность является объективной), эти случаи выявляются, фиксируются и выступают подтверждением глубокой взаимосвязи языка и культуры. В случае, когда изначально новое словоупотребление было лишь окказиональным, реализацией носителем языка поэтической, экспрессивной номинации (субъективная оценка), позже переросшей в общезыковую, делается вывод о большей детерминированности нового значения психологическими факторами.

С точки зрения лингвокультурологии более значимыми оказываются те семантические изменения, в основе которых изначально лежит объективная оценочность, поскольку она базируется на анализе реальных признаков предметов, она сигнификативна (см. об этом размышления В. Н. Телия [1986]). Выводы здесь оказываются в историческом и культурологическом плане более ценными.

Когда в основе позитивации / негативации значения лежит субъективная оценка, гораздо большее влияние на семантические изменения оказывает психологический фактор, а социокультурные оказываются вторичными. Но и психологический фактор является достаточно важным для раскрытия менталитета народа, его специфической картины мира, особенно когда субъективная оценка объективируется, становится универсальной для всех носителей языка, то есть когда словоупотребление становится полноценным значением.

Поскольку процесс позитивации / негативации значения является антропонаправленным, то есть чаще всего оценивается сам человек, его характер, поступки, отношения, то можно предположить,

что с помощью лингвокультурологического анализа данных изменений можно в первую очередь раскрыть особенности менталитета народа, его отношение к различным объектам внеязыковой действительности. Однако, как демонстрирует проведенный в работе анализ, около трети всех случаев изменения оценочности относятся не к самому человеку, а к окружающим его предметам, явлениям, их особенностям. Анализ разных типов позитивации / негативации может сформировать определенное представление о человеке (в первую очередь) и окружающей его действительности.

Рассмотрим конкретные примеры.

Негативация значения на основе метонимии с дальнейшей метафоризацией у слова *шляпа*, как кажется, обусловлена своеобразием русского национального мышления с его специфическими ассоциативными рядами. Вероятнее всего, семантическая деривация произошла здесь в результате того, что шляпы в XIX веке (а именно тогда в русском языке впервые фиксируется это слово) носили главным образом иностранцы, не знавшие русского языка и потому выглядевшие непонятливыми и даже бестолковыми. В любом случае, простые русские люди шляп не носили (только шапки), для них все, кто был в шляпах, являлись чужаками. Потому за словом *шляпа* закрепилось значение 'растяпа, человек "не от мира сего", рассеянный, вялый'. Позже от данного семантического деривата образовался глагол *прошляпить* 'упустить, проглядеть', ср.: «Это он после своей махорки заснул в машине и пастушка нашего прошляпил» (В. П. Катаев). Развитие у слова в новом значении собственного словообразовательного гнезда свидетельствует о большой устойчивости новой языковой единицы, полноправном вхождении ее в узуальное употребление.

Таким образом, здесь отдельные составляющие лексического фона слова переместились с периферии значения в его ядро, став дифференциальными семами в значении. Приведенный пример негативации значения интересен еще и тем, что у слова новое значение сосуществует в языке со старым, с производящей основой *шляпа* 'головной убор'. Как правило, в такой ситуации новое значение редко закрепляется в языке, являясь просто метафорическим или

метонимическим употреблением слова, и зависит исключительно от прагматических установок говорящего.

Новое значение у слова *опростоволоситься* напрямую обусловлено обычаями, укладом жизни русского народа. Изначально, *опростоволоситься* означало 'появиться с непокрытыми волосами'. Находиться в таком виде на людях считалось неприличным. По В. И. Далю, «опростоволосить бабу – сорвать платок с ее головы, что считается позором». А снятие с мужика при народе шапки «также считалось бесчестьем и означало вора» [ТСЖВЯ, т. 2, с. 684]. Под влиянием оценки социумом данного явления у лексической единицы произошла негативация значения. Теперь *опростоволоситься* означает 'совершить ошибку, нелепый поступок'; уже у В. И. Даля фиксируется переносное значение 'опозориться, осрамиться; вообще оплошать, дать маху' [Там же]. Аналогично шел процесс негативации значения у слова *распоясаться*: на Руси ходить прилюдно, особенно по улице, без пояса считалось вольностью, неуважением к окружающим [Осипов, 1999, с. 43]. В обоих случаях глаголы в новых значениях сохранили только форму возвратного залога. Приведенные два примера разнятся результатами процесса семантической деривации. Если новое значение слова *опростоволоситься* осталось единственным, то слово *распоясаться* сохранило и первоначальную семантику.

Думается, в настоящее время для современных носителей языка уже не являются показательными примеры со словами *распоясаться* и *опростоволоситься*, поскольку вместе со всей культурой ношения одежды, манерами поведения в обществе от нас ушли соотносимые с ней обычаи и т. п. Однако для истории культуры данный пример очень значим.

Чаще встречаются такие случаи изменения значения, при которых семантический дериват вытесняет собой производящую основу. Так, современное значение у слова *наглый* 'крайне дерзкий, бесстыдный, нахальный' является производным от значения 'быстрый, внезапный'. Здесь раскрытие механизма семантической деривации позволяет сделать следующий немаловажный в культурологическом плане вывод. Судя по всему, быстрота и внезапность, а точнее –

внезапная быстрота (В. И. Даль [ТСЖВЯ, т. 2, с. 393] толкует старое значение, в числе прочих, словом «взрывчивость»), оценивается (или, как минимум, оценивалась) носителями русского языка отрицательно, вследствие чего и произошло постепенное ухудшение значения. Новое значение у слова *наглый* является собственно русским, то есть возникшим после XV века [КЭСРЯ, с. 281]. Анализ синонимов показывает, что изменение значения именно у слова *наглый* далеко не случайно. В общеславянскую эпоху, однако, слова *быстрый*, *наглый*, *скорый* и *внезапный* не были очень близкими синонимами. *Внезапно* означало ‘без ожидания’, но не просто неожиданно; очень сильно было влияние производящей основы, в то время еще живого корня *-заана-* ‘надежда, ожидание’, в связи с этим в значении слова не были ключевыми признаки ‘быстрота’, ‘скорость’. В общеславянскую эпоху слово *быстрый* имело более широкую денотацию, обозначало также ‘ясный, пронизательный’; эти значения до сих пор сохранились в сербохорватском, словенском, польском и других славянских языках [Фасмер, 1996, т. 1, с. 259]. Слово *скорый* означало быстроту, но связывалось больше с быстротой окончания действия, а не с его началом (во многих славянских языках у слова *скоро* сохранилось значение ‘почти’). Уже в собственно русском языке, когда отдельные синонимы утратили многие дифференциальные семы, сблизились, сосредоточившись у ядерного значения ‘быстрота’, была подготовлена плодотворная почва для их разведения. И здесь ключевую роль сыграл культурный фактор: отрицательная оценка носителями языка неожиданной, внезапной быстроты вошла в семантику слова. Слово *наглый*, с одной стороны, было отдалено от слова *внезапный* (не обязательно ‘быстрый’), с другой стороны, от слов *быстрый* и *скорый* (не обязательно ‘неожиданный’). Не исключено, что на изменение семантики повлияла специфическая сочетаемость слова *наглый*. И. И. Срезневский упоминает о существовании в древнерусском языке сочетания *наглая смерть*, то есть внезапная [Материалы ... II, стб. 274]; В. И. Даль в XIX веке фиксирует такое же значение, сохранившееся в южных говорах, ср.: «Умереть <...> наглою <...> смертью, неожиданно и вдруг» [ТСЖВЯ, т. 4, с. 233]. Безусловно,

здесь свою роль сыграло христианское мировоззрение: умереть скоро, внезапно – значит без покаяния, без отпущения грехов; это отрицательно воспринималось религиозным русским человеком. В результате решающего влияния культурологического фактора в значении слова развилась сема отрицательной оценочности.

О негативной оценке русским человеком внезапности также свидетельствует историческое развитие значения у слова *напрасно*. По данным исторических словарей, первоначальное значение этого слова – ‘внезапно, вдруг’ [Материалы ... I, стб. 312], ‘внезапно, неожиданно’ [Дьяченко, 1998, т. 1, с. 333]. Слово в этом значении Даль относит к церковнославянизмам [ТСЖВЯ, т. 2, с. 454], там же он отмечает параллельное существование в языке выражений *наглая смерть* и *напрасная смерть* в одном значении (‘внезапная, нечаянная’). Значение *напрасный* ‘внезапный’ сохранилось в украинском и всех южнославянских языках. Однако собственно русским, то есть возникшим после XV века, у слова *напрасный* является значение ‘бесполезно, безуспешно; неосновательно, не нужно’, обладающее явной отрицательной оценочностью. Таким образом, подтверждается важный в культурологическом плане вывод о том, что внезапность рассматривается русскими негативно, также, как и внезапная быстрота – *наглость*.

Если предположить, что противоположные отрицательно оцениваемым качествам признаки в свою очередь оцениваются положительно, то можно сделать вывод, что размеренность (*размеренный* изначально – ‘хорошо соблюдающий меру’), неторопливость, отсутствие резких рывков в начале и на протяжении какого-либо процесса, действия, то есть качества, противоположные внезапной быстроте, в русском менталитете представляются положительными чертами. Ср. пословицы, отражающие отношение русского народа к быстрому началу действия: *шибко пойдешь – беду догонишь; всего вдруг не сделаешь; скоро пойдешь – ногу зашибешь; что скоро, то не споро* и т. д. [Даль, 1997, т. 2, с. 54–61]. Как видно из примеров, пословичный материал подтверждает наши выводы. В связи с этим интересны наблюдения американского писателя Т. Драйзера над русским характером, сделанные в России в 20-х годах XX века: «В массе своей

русские весьма медлительны, дело делать они не спешат <...> Русский рабочий не очень-то торопится. “Успеется! Успеется!” – говорит он себе, невозмутимо принимаясь за дело со скоростью, которая давно довела бы всякого американского мастера до иступления. Но это в Америке, а здесь рабочий убежден, что все идет как надо и спешить ему некуда»¹. Из цитаты понятно, что американцам не свойственна подобная медлительность и обстоятельность, что еще раз подчеркивает эту черту как специфичную в характере русского человека.

Примыкает к этим примерам слово *хапать*. Его первоначальное значение – ‘быстро, резко хватать, кусать’ [Материалы ... III, стб. 1360], ср. поговорку *хапнулся шапки, а ее нет* [ТСЖВЯ, т. 4, с. 542]. Фонетически это слово восходит к звукоподражанию *хап*, которое подчеркивает резкость, быстроту действия. Поэтому совершенно обоснованно слово *хапать* становится в один ряд со словами *наглый* и *напрасный* и аналогично изменяет свою оценочность в сторону негативации; его новое значение – ‘брать, красть, присваивать неблаговидным способом’. Новое значение закрепилось в производном субстантиве *хапуга* ‘тот, кто хапает’, который стал обозначением взяточников, обирал, неправедных стяжателей.

Другой современный субстантив – *негодяй* (*негодник*) так же имел другое значение, буквально ‘не годящийся’. Изначально это слово закрепилось для обозначения людей, негодных к военной службе [КЭСРЯ, с. 288], ср. пример В. И. Даля: *При ставке на восемь годников пришлось по одному негоднику* [ТСЖВЯ, т. 3, с. 509]. *Негодницей* называли крестьянскую семью, в которой не было годных в рекруты. Однако уже у того же Даля находим новое значение этого слова ‘дурной, негодный человек, дурного поведения, нравственности, мерзавец’ [ТСЖВЯ, там же]. В современном русском языке слово *негодяй* означает ‘подлого, низкого человека’, а слово *негодник* – того, кто ‘плохо, недостойно ведет себя’. Очевидна произошедшая негативация значения. Вероятно, негодные к военной службе люди, неспособные защищать Родину, отрицательно оценивались в наро-

¹ См. *Драйзер Т.* Драйзер смотрит на Россию // Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. М.: Терра, 1998. С. 46.

де, в результате чего их обозначения приобрели отрицательные коннотации, стали ругательными словами. Такое отношение русского человека к «негодьям» можно проследить и по пословицам. В целом неблагоприятное отношение к воинской службе и вообще к войне соседствовало в народном мышлении с необходимостью защищать землю, на которой живешь, от врагов: *За неприятельской головой пойди, а свою понеси; На печи сидя генерал не будешь; На службу не накупайся, а от службы не отрекайся* [Снегирев, 1995, с. 134, 246, 250]. Неспособные к службе оценивались отрицательно.

Таким образом, оцениванию активно подвергались не только внутренние, психологические качества человека, но и внешние, физические данные. Например, слово *долговязый* изначально обозначало длинношею человека (образовано путем словосложения *долгий* ‘длинный’ и *вяза* ‘шея’) [КЭСРЯ, с. 128], затем – ‘человека долгого, высокого и тонкого’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 461]. На дальнейшее развитие семантики данной лексической единицы повлияло отношение русского человека к высоким худым людям. А оно не было положительным, ср.: *Ростом с тебя, а умом с теля* [Снегирев, 1995, с. 355], *Выше себя не вырастешь* [ТСЖВЯ, т. 1, с. 314] и т. п. Значение приобрело отрицательную оценочность: ‘высокий, худощавый и нескладный’.

Другим примером негативации значения, при котором отрицательная оценочность оказывается антропо направленной, является значение слова *сволочь*. Данный пример интересен тем, что изначально этим словом вовсе не называли человека. Исконное значение – ‘все, что сволочено или сволоклось в одно место’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 155]. У В. И. Даля отмечается, что данным словом обозначали бурьян, траву, коренья, сор, сволоченный бороной с пашни [Там же], то есть засоряющие пахотную землю органические остатки. Естественно, они не могли вызывать положительные ассоциации у крестьянина. На основе метафоры у этого слова развивается значение ‘дрянной люд, шатуны, воришки, негодья, где либо сошедшиеся’ [Там же]. Эти значения (все – собирательные) фиксируются Далем параллельно, однако главным лексикограф ставит исконное значение. В современном русском языке оно утрачено, осталось только переносное, которое может теперь употребляться (и в первую оче-

редь употребляется) не только в собирательном значении: ‘негодяй, мерзавец’. Очевиден пример негативации на основе метафоры, при котором возникшая оценочность повлекла за собой практически полную смену денотации языкового знака.

Примером кардинальной смены оценочного компонента является история значения слова *глумиться*. Здесь мы можем наблюдать двухступенчатую негативацию (+ → -). Изначальное значение, фиксируемое впервые в XII веке – ‘забавляться, веселиться’ [Материалы ... I, стб. 521], ср. исчезнувшую сегодня производящую основу *глум* ‘шум, забава’, у В. И. Даля – ‘шутка, смех, насмешка, потеха, забава, пересмешка’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 357]. Однако и И. И. Срезневский, и В. И. Даль фиксируют и другое значение у глагола *глумиться* – ‘насмехаться’, то есть шутить *обидно*. То есть изначально произошла только смена оценочности параллельно с сужением значения, кардинально означаемое не изменилось. Возможно это произошло из-за того, что слово имело специфическую сочетаемость; ср. у Даля: «В этом лесу леший глумится» [ТСЖВЯ, там же]. Современные словари фиксируют это слово уже без всякого намека в толковании на шутку, веселье, забаву. Современное значение глагола *глумиться* – ‘злбно и оскорбительно издеваться’. По-видимому, изначально сужение референции в сторону обозначения только обидного веселья произошло также из-за наличия в языке достаточного числа равнозначных синонимов, вследствие чего за лексемой *глумиться* закрепилась особая часть лексико-семантического поля «шутить». В свою очередь, злые шутки расценивались явно отрицательно, как издевательство, вследствие чего была утрачена связь семантики слова с *весельем*, *шуткой*. Таким образом, можно сделать вывод, что носители русского языка отрицательно относятся к насмешкам, а тем более к злым шуткам.

Влияние социокультурных факторов на семантику лексических единиц можно также проследить на примере негативации оценочного компонента значения у слова *катавасия*. Изначально являясь заимствованием из греческого *καταβάσιον* – ‘схождение’ [КЭСРЯ, с. 191], это слово являлось религиозным термином и обозначало ‘церковное пение во время утренней службы, при котором оба хора сходятся вместе на середину церкви’ [Фасмер, 1996, т. 2, с. 209].

Современное значение 'беспорядок, суматоха' развилось на основе метонимии, поскольку схождение обоих клиросов вместе сопровождалось суетой, толкотней; переносное значение вытеснило из литературного языка производящую основу. Однако еще в конце XIX века два значения слова *катавасия* сосуществовали в языке, причем переносное характеризовалось как просторечное [ТСЖВЯ, т. 2, с. 96]. М. Фасмер предполагает, что изначально это был семинаризм [Фасмер, 1996, там же], что, однако, не помешало данному значению стать общезыковым. В данном случае конкретное явление социальной жизни русского человека послужило для развития на основе метонимии и негативации нового, собственно-русского значения у заимствованной лексемы.

Отрицательное отношение к отдельным явлениям социальной жизни русского народа отражено в диахроническом сдвиге в значении, произошедшем у слова *кабала*. Данная лексема была заимствована в XV веке из тюркских языков, где означала 'определенное количество, заданная работа, работа одного дня' [Фасмер, 1996, т. 2, с. 148]. В русском языке за ним зафиксировалось значение 'грамота, письменное долговое обязательство' [Материалы ... I, стб. 1169]. Любое долговое обязательство вызывает отрицательные эмоции. У В. И. Даля, наряду со значением 'всякое срочное письменное обязательство... заемное письмо, с неустойкой', фиксируется также значение 'вообще всякая неволя, безусловная зависимость' [ТСЖВЯ, т. 2, с. 69]. Обременительность заемных писем привела к тому, что у слова *кабала* развилось новое значение с отрицательной коннотацией (основой процесса явилось расширение объема значения с параллельной метонимизацией и негативацией), ср. пословицы: *Кабала лежит, а детинка бежит; Кабала – не кабала, а голова не своя; Легко закабалиться, нелегко выкабалиться* [ТСЖВЯ, там же]. В современном русском языке сохранилось только переносное значение 'полная, почти рабская зависимость'. На исчезновение прямого значения повлияло вытеснение данного слова другими заимствованными терминами.

Изначальным значением слова *превратный* является 'переменчивый, непостоянный, изменяющийся' [Материалы ... II, стб. 1622].

Исторически оно является производным от глагола *превращать* (*превратить*) – ‘переворачивать, изменять’. Ср. сохранившееся *превратности судьбы*, то есть переменчивость. О том, что переменчивость и непостоянство отрицательно оцениваются русским народом, свидетельствует негативация значения у этого слова – ‘извращенный, переименованный, искаженный’ [ТСЖВЯ, т. 3, с. 384]. И если В. И. Даль еще фиксирует и первоначальное значение, в современных словарях его не осталось. Тот же самый процесс произошел со словом *извращенный*. Первоначальное значение ‘повернутый, перевернутый’ подверглось в собственно русскую эпоху негативации, его новое значение – ‘противоестественный, уродливый’. Слова *превратный* и *извращенный* исторически являются однокоренными с достаточно прозрачной внутренней формой, в которую заложена идея поворота, изменения. Превращать – изменять – лишать естественного вида, то есть того, который заложен Богом. В связи с этим неслучайна отрицательная оценка оборотней и подобной нечистой силы. Очевидно, что переменчивость, изменения оценивались русским народом негативно.

Схожее объяснение имеет и негативация значения у слова *лукавый* ‘коварный хитрый’. Изначально оно означало ‘кривой, извилистый’ [Материалы ... II, стб. 51] и являлось прилагательным к слову *лука* ‘кривизна, изгиб, дуга’ [КЭСРЯ, с. 248] (ср. современные слова *лук*, *излучина*). Идея кривизны, изменчивости, «кривды» относилась к отрицательно воспринимаемому в сознании русского человека (ср. сохранившееся *кривить душой*). В связи с этим *лукавый* становится в один ряд со словами *превратный* и *извращенный*, являясь наглядным примером негативации значения, которая произошла под влиянием социокультурных и психологических факторов.

К негативации относится и процесс нейтрализации в значении слова положительной оценочности. Примером может служить история значения слова *целый*. Первоначальным у него является общеславянское значение ‘здоровый’ (ср. сохранившиеся слова *исцеление*, *целебный*). Однако уже в древнерусском языке у слова *целый* развивается обширная полисемия: ‘здоровый, чистый, непорочный, невредимый’ [Материалы ... III, стб. 1456], там же фиксируются и

современные значения 'неповрежденный, целый, весь'. Ассоциативный ряд носителей языка выстраивается достаточно четко: 'здоровый' → 'непорочный' → 'неповрежденный' → 'целый, весь'. Думается, что постепенное сужение в дальнейшем количества лексико-семантических вариантов обусловлено и тем, что их место в лексической системе заняли более однозначные синонимы (здоровый, чистый и т. п.). Аналогично шел процесс нейтрализации у слова *красный*: 'прекрасный' → 'красивый' → 'приятный' → 'червлёный'. Здесь в большей степени на изменение семантики повлияла необходимость разведения однокоренных абсолютных синонимов – *красный* и *красивый*. Нельзя исключать и то, что, возможно, именно красный цвет расценивался носителями русского языка как самый красивый, потому и был назван прилагательным, использовавшимся для характеристики самых приятных, красивых вещей. Не случайно одежда красного цвета (кафтан, сапоги, сарафан и т. п.) на Руси считалась самой лучшей, красивой и богатой.

Таким образом, на основании анализа конкретного изменения значения можно прийти к определенным выводам относительно склада характера русского человека, отношения его к различным явлениям окружающей действительности. Можно проследить динамику изменения этого отношения.

Аналогично обстоит дело с процессом позитивации значения.

У слова *худой* И. И. Срезневский фиксирует целый ряд значений с отрицательной коннотацией: 'плохой, дурной, некрасивый, слабый, малый, бедный' [Материалы ... III, стб. 1417]. В словаре церковно-славянского языка отмечены значения 'умеренный, небогатый; незначительный, низкий, презренный, малый' [Дьяченко, 1998, т. 2, с. 797]. Схожие значения ставит на первое место и В. И. Даль, однако в его словаре зафиксировано и новое значение 'тот, кто худ телом, худощавый, поджарый и бледный, хилый, болезненный на вид, опалый' [ТСЖВЯ, т. 4, с. 568]. Очевиден процесс полисемии, при котором одно значение образовалось путем сужения семантики слова, при котором оно стало обозначать болезненного, хилого, худого человека. Поскольку худоба не считалась хорошим признаком (ср. развитие негативной коннотации у слова *долговязый*), у этого зна-

чения сохранялась отрицательная оценочность. Со временем, когда худоба перестала напрямую ассоциироваться с болезненностью, а, наоборот, стала соотноситься с подтянутостью, спортивностью, здоровьем, данное значение потеряло отрицательную оценочность, она стала нейтральной. В современных толковых словарях первоначальное значение слова *худой* ‘плохой’ и производное ‘не толстый’ расцениваются уже как омонимы и толкуются в разных статьях. Таким образом, изменение отношения к худобе человека отразилось в семантике слова *худой*, причем изменение оценочности привело к перерастанию полисемии в омонимию, что еще раз подтверждает большое влияние оценочного компонента значения на означаемое в целом.

Другой пример нейтрализации отрицательной оценочности – развитие семантики у слова *наваждение*. Впервые эта лексема фиксируется в XII веке в значении ‘наговор, козни’ [Материалы ... II, стб. 267], причем отмечается, что обычно это слово употребляется в словосочетании *наваждение дьявола*. У В. И. Даля наблюдается более широкий разброс в значениях: ‘соблазн, искушенье; клевета, наушничество; обман чувств, призрак, обаяние, мана¹, морока’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 383]. В современном русском языке четко выделяются два значения: одно с сохранившейся отрицательной оценочностью – ‘то, что внушено злой силой с целью соблазнить, увлечь чем-либо, запутать’; второе, с нейтрализованной оценочностью, – ‘непонятное явление, необъяснимый случай’. Необъяснимый случай не всегда является плохим, порою – наоборот, поэтому однозначно выраженной оценочности во втором, переносном значении нет. Эти два значения сосуществуют пока в языке на равных правах. Очевидно, развитие переносного значения связано с ослаблением тенденции связывать все дурные поступки, происшествия исключительно с проделками дьявольских сил. Возможно, это своего рода отголосок определенной деклериализации общества. В семантике деривата акцент сделан не на оценке обозначаемого явления, а на обстоятельствах этого явления, центральными семами здесь являются ‘необъяснимость’, ‘случайность’.

Примером нейтрализации отрицательной оценочности является позитивация оценочного элемента в значении глагола *изум-*

¹ По Далю, мана – ‘то, что манит’.

ляться. Первоначальное значение – ‘сходить с ума’ [Материалы ... I, стб. 1081], возникшее, как отмечает Н. М. Шанский, на базе устойчивого сочетания «выходить из ума» [КЭСРЯ, с. 174] еще в старославянском языке. В. И. Даль фиксирует это значение как главное (ср. его пример «*Ты что это делаешь, изумился что ли?*»), однако в этом же словаре у глагола *изумлять* встречается переносное значение ‘удивлять или дивить, приводить в крайнее удивление, сильно озадачивать нечаянностью’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 37]. Налицо метафорический перенос с соответствующей нейтрализацией отрицательной оценочности. Примечательно, что в дальнейшем произошла дальнейшая позитивация, которая наиболее заметна на примере производного от *изумляться* – *изумительный* ‘необыкновенный, восхитительный, приводящий в изумление’.

Схожую историю в русском языке имеет целый ряд слов. Так, если рассматривать синонимы *обаятельный*, *обворожительный*, *очаровательный*, становится очевидной идентичность процессов приобретения положительной оценочности значениями этих слов. Изначально семантика этих лексических единиц была сосредоточена вокруг смы ‘колдовство’, ‘магия’: *очаровать* значило ‘чарами околдовать’, *обворожительный* восходит к глаголу *ворожить* ‘колдовать’, *обаятельный* ‘околдовывающий’ этимологически связано с глаголом *обоявати* ‘околдовывать словами, заговаривать’. Как отмечает В. В. Виноградов, новое значение у слов *очаровательный* и *обворожительный* возникло в XVIII веке [Виноградов, 1977, с. 93]. Это произошло параллельно с переходом этих лексем в состав «высокого штиля» и во многом в силу того, что была переосмыслена внутренняя форма данных лексико-семантических вариантов – возможно, из-за того, что магия и колдовство перестали быть для носителей языка чем-то пугающим, присутствующим в реальной действительности, тем, от чего зависит жизнь. В XVIII–XIX веках наоборот развивается отношение к этим явлениям как к чему-то забавному, растет увлечение спиритизмом. Вместе с потерей актуальности у означаемого и уходом от соотношения денотата только с представлениями о темных и вредоносных силах у слова исчезла отрицательная оценочность, появилась возможность метафоризации (по-видимому, изначально – в художественной

речи), которая в итоге и привела к возникновению современных значений этих слов. У слова *обаятельный* процесс позитивации значения шел аналогичным путем, только несколько позже – в XIX веке.

Слово *вежливый* в древнерусском языке означало ‘знающий, сведущий’ [Материалы ... I, стб. 483] – ср. *вежа* ‘знаток’, В. И. Даль [ТСЖВЯ, т. 1, с. 330] характеризует это значение для XIX века как устаревшее и областное, *ведать* ‘знать’. Очевидно, что новое значение с положительной оценочностью возникло в языке из-за того, что знание, опытность оцениваются носителями языка положительно. Семантический сдвиг произошел сначала в сторону сужения значения – не просто ‘знания’, а “знание обычаев, приличий”. Далее слово приобрело современное значение, в котором, в том числе, присутствует сема положительной оценки.

Так же находит свое отражение в процессе позитивации / негативации значения повседневная жизнь русского человека, например, обычаи, связанные с ведением домашнего хозяйства. Первоначальное значение слова *прок* ‘то, что будет’ [КЭСРЯ, с. 368], затем – ‘остаток на будущее’ [Материалы ... II, стб. 1539], ‘запас, припасаемое вперед’ [ТСЖВЯ, т. 3, с. 492]. В этом значении оно сохранилось и в современном языке, только видоизменилось – соединилось с предлогом *в* и адвербиализировалось: *впрок*. А за изначальной формальной оболочкой закрепилось новое значение ‘выгода, польза’, возникшее в результате позитивации. Таким образом, можно сделать вывод, что запасание *впрок*, откладывание на будущее являлось важной составляющей жизни русского народа, поскольку так положительно оценивалось.

Слово *толковый* в древнерусском языке означало ‘истолкованный, имеющий объяснение’ [Материалы ... III, стб. 1045]. В современном русском языке также есть это значение (ср. *толковый словарь*). Однако в результате позитивации у слова развилось и новое значение – ‘дельный, разумный, ясный, понятный’. Аналогично возникло новое значение у слова *толк* ‘толкованье’ → ‘смысл, польза, прок’, только здесь оно полностью вытеснило собой первоначальное. Этот пример позитивации значения свидетельствует о том, что русский человек высоко ценит все то, что имеет объяснение, истолкованность.

Таким образом, лингвокультурологический анализ семантических изменений позволяет обнаружить через раскрытие механизма позитивации / негативации значения важные данные. В итоге мы получаем информацию о предпочтениях носителей языка, об их пристрастиях и неприязни. Причем информация эта не индивидуальна, а относится ко всем представителям данного этноса, особенно если основываться на данных, проверенных временем, закрепленных в словарях. Лексическое значение, подвергнутое позитивации / негативации, выполняет кумулятивную функцию, накапливает культурную информацию. Задача лингвокультурологического анализа – вскрыть эту информацию, раскодировать то, что аккумулировалось в слове, в отдельных его лексико-семантических вариантах за долгую историю его существования в языке.

Если рассматривать материал исследования с точки зрения того, какие части языковой картины мира переосмысляются, то можно обнаружить большое разнообразие исходной лексики в идеографическом плане. Изменение оценочности затрагивает единицы из самых разных лексико-семантических полей. В любом случае, какова бы ни была первоначальная семантика, оценка чаще будет относиться к человеку, его качествам, поскольку известно (см. таблицу 3, с. 96), что в 70 % случаев позитивация / негативация сопровождается различными ассоциативными переносами, то есть в значении меняется денотативно-сигнификативная составляющая.

Лексика, подвергающаяся позитивации / негативации значения, распределяется по следующим тематическим группам.

1. Чувства и ощущения человека (*алчный* ‘голодный’ [Материалы ... I, стб. 20] → ‘жадный к наживе, корыстный’; *вонь* ‘запах’ [Материалы ... I, стб. 300] → ‘дурной запах’; *похоть* ‘воля, желание, прихоть’ [Материалы ... II, стб. 1318] → ‘грубо-чувственное половое влечение, сладострастие’ и т. д.) – всего 18 примеров.

2. Качества человека (*бездарный* ‘не имеющий или не получающий даров’ [Материалы ... I, стб. 54] → ‘лишенный таланта’; *опасный* ‘осторожный, тщательный, ловкий’ [Материалы ... II, стб. 679] → ‘способный вызвать, причинить к-н вред, несчастье’; *вежливый* ‘зна-

ющий, сведущий' [Материалы ... I, стб. 483] → 'соблюдающий правила приличия, учтивый') – всего 11 примеров.

3. Социальные отношения (*мытарство* 'подать, налог' [Материалы ... II, стб. 218] → 'страдание, мука'; *пересуд* 'пересмотр дела, тяжбы' [Материалы ... II, стб. 916] → 'досужие обсуждения, пустые разговоры, сплетни'; *мещанин* 'житель города' [Материалы ... II, стб. 253] → 'человек с мелкими интересами и узким кругозором' и т. д.) – всего 31 пример.

4. Непосредственные отношения между отдельными индивидуумами (*докучать* 'сильно просить' [Материалы ... I, стб. 694] → 'надоедать, наводить скуку'; *пытать* 'спрашивать, узнавать' [Материалы ... II, стб. 1759] → 'подвергать пытке, физически истязать на допросе'; *препираться* 'спорить, быть уверенным, утверждать' [Материалы ... II, стб. 1679] → 'разг. спорить, преимущественно по пустякам' и т. д.) – всего 28 примеров.

5. Религия, вера (*голиаф* 'библейский персонаж' → 'исполин'; *хам* 'сын Ноя' → 'грубый, наглый человек'; *басурман* 'мусульманин' [КЭСРЯ, с. 37] → бранное слово; *херувим* 'высший ангельский чин' → 'красавчик' и т. д.) – всего 12 примеров.

6. Дом, жилище (*обитель* 'жилище, дом' [Материалы ... II, стб. 511] → 'монастырь'; *халуна* 'плетеный дом' → 'маленькое неблагоустроенное жилище'; *хоромы* 'дом, строение' [Материалы ... III, стб. 1387] → 'большой жилой дом богатого владельца' и т. д.) – всего 8 примеров.

7. Быт, домашняя обстановка, ведение хозяйства (*прок* 'остаток' [Материалы ... II, стб. 1539] → 'выгода, польза'; *рухлядь* 'движимое имущество, пожитки' [Материалы ... III, стб. 199] → 'старый домашний скарб'; *хлам* 'пожитки' [Материалы ... III, стб. 1369] → 'негодные старые вещи' и т. д.) – всего 37 примеров.

8. Работа (*канитель* 'тонкая металлическая нить' → 'утомительное, с задержками, помехами, однообразное и нудное занятие, дело'; *сплетня* 'сеть; то, что сплетено' → 'слух о ком-, чем-либо, основанный на неточных или заведомо неверных сведениях'; *шарить* 'красить' [Материалы ... III, стб. 1581] → 'разг. искать ощупью или перебирая' и т. д.) – всего 29 примеров.

9. Военное дело (*ватага* ‘войско, отряд’ [Материалы ... I, стб. 231] → ‘разг. шумная толпа, сборище’; *облава* ‘войско, военный отряд’ [Материалы ... II, стб. 514] → ‘оцепление места, где находятся или могут находиться преследуемые лица’; *полчище* ‘войско, отряд’ [Материалы ... II, стб. 1752] → ‘огромное неприятельское войско’ и т. д.) – всего 15 примеров.

10. Времяисчисление (*година* ‘время, час’ [Материалы ... I, стб. 534] → ‘время, ознаменованное важными общественными событиями’; *обыденный* ‘однодневный’ [Материалы ... II, стб. 572] → ‘обыкновенный, заурядный’ и т. д.) – 2 примера.

11. Неживая природа (*вертеп* ‘сад, пещера’ [Материалы ... I, стб. 464] → ‘притон’; *ветренный* ‘прил. от *ветер*’ [Материалы ... I, стб. 498] → ‘легкомысленный, пустой’; моча ‘дождливая погода’ [Материалы ... II, стб. 180] → ‘выделяемая почками жидкость’ и т. д.) – всего 27 примеров.

12. Животный мир (*дикий* ‘о зверях – неприрученный’ [Материалы ... I, стб. 665] → ‘о людях, событиях – грубый, ужасный’; *кляча* ‘лошадь’ [Материалы ... I, стб. 1238] → ‘плохая, заморенная лошадь’; *паства* ‘стадо’ [Материалы ... II, стб. 883] → ‘верующие, прихожане церкви’ и т. д.) – всего 45 примеров.

13. Физические процессы, свойства, качества (*усталый* ‘оставшийся’ [Материалы ... III, стб. 1280] → ‘испытывающий слабость, упадок сил’; *наглый* ‘быстрый, внезапный’ [Материалы ... II, стб. 274] → ‘крайне нахальный’; *дрыгаться* ‘дрожать’ [Материалы ... I, стб. 733] → ‘разг. делать резкие движения’; *измена* ‘замена, изменение’ [Материалы ... I, стб. 1067] → ‘нарушение верности кому-либо, чему-либо’ и т. п.) – лексика, изначально обозначающая достаточно отвлеченные, абстрактные понятия с изначально размытой денотативностью, направленная как на человека, так и на неживую природу. В большинстве своем это прилагательные, глаголы и абстрактные существительные. Таких примеров более трети от всего материала – 223. Большое число изменений семантики у таких слов объясняется тем, что процессы позитивации / негативации объективного оценочного компонента, как правило, сопровождаются другими изменениями в структуре значения. Часто проис-

ходит сужение значения, а это означает конкретизацию денотации. Ассоциативные переносы тоже часто идут от абстрактного к конкретному. То есть абстрактная лексика изначально имеет тенденцию к позитивации / негативации. Этот тип семантической деривации можно назвать продуктивным.

В классификации не перечислены случаи единичного включения в какую-либо тематическую группу значения, подвергнувшегося в дальнейшем позитивации / негативации (*болезнь*: *изумление* 'безумие' [Материалы ... I, стб. 1081] → 'крайнее удивление'; *деньги*: *талант* 'вес и монета у древних греков' [Материалы ... III, стб. 921] → 'выдающиеся врожденные качества'; *анатомическое строение*: *утроба* 'внутренности, желудок, живот' [Материалы ... III, стб. 1315] → 'жирный, алчный человек' и др.). Таких примеров насчитывается около двух десятков.

Анализируя распределение исходных значений слов по тематическим группам, можно сделать вывод, что процессы позитивации / негативации значения затрагивают лексику, обозначающую самые разные фрагменты картины мира. Значительное количество переносов наблюдается у групп, в которые вошла лексика, обозначающая предметы и явления окружающего мира. И это не случайно, поскольку именно такого рода слова чаще всего подвергаются метафоризации и метонимизации, ассоциативным переносам по различным основаниям, человек связывает их с собой, своими поступками, качествами и т. п. Как результат – после позитивации / негативации значения слова чаще всего обозначают уже не предметы и явления окружающей действительности, а человека, его характеристики.

Независимо от того, какие значения подвергаются изменениям – конкретные или абстрактные – в обоих случаях подтверждается антропонаправленность рассматриваемых процессов.

Таким образом, семантические изменения в целом и процессы позитивации / негативации значений в частности содержат сущностно важную в лингвокультурологическом плане составляющую – в их основе лежит специфика ассоциативного мышления людей, объединенных общим языковым пространством. Изучение механизмов семантической деривации с помощью предложенной схемы лингвокультурологического анализа способствует расширению знаний о

культуре народа, его отношении к тем или иным предметам, явлениям окружающего мира.

§ 4. Анализ трансформаций лексического значения как способ лингвострановедческой семантизации в иноязычной аудитории

Способность рассматриваемых семантических переходов фиксировать этнокультурную информацию можно использовать при обучении иностранцев русскому языку, поскольку именно в лингвострановедении, как в дидактическом, прикладном ответвлении лингвокультурологии, особое (если не главное) место уделяется семантизации кумулятивной составляющей фоновой лексики языка. Принципы выявления и передачи изучающим неродной язык национально-культурной информации, заключенной в семантике, до сих пор являются темой многих исследований.

Традиционно к лексическому фону относят всю совокупность семантических долей, не относящихся к собственно лексическому понятию номинативной единицы. Это и особенности синтаксической сочетаемости, и фразообразовательный потенциал, и разнообразие лексико-семантических вариантов (значений) слова, то есть все, что ассоциативно связано у любого носителя языка с данным понятием. Лингвострановедческая семантизация в идеале ставит своей целью постепенное ознакомление иностранца с лексическим фоном слова в полном его объеме, что позволяет не только максимально использовать весь потенциал данной единицы языка на практике, но и лучше понять культуру, социальные, политические, бытовые и прочие особенности страны изучаемого языка.

Одним из способов такой семантизации в русском языке является групповое (комплексное) изъяснение на семасиологической основе, когда группу составляющих лексический фон семантических долей образует совокупность разных значений одной и той же единицы. Например, глагол *строчить* предъядвляется во всех пяти значени-

ях: 1) ‘прошивать швом’; 2) ‘шить на швейной машинке’; 3) ‘быстро писать’; 4) ‘стрелять из автомата’; 5) ‘быстро перебирать ногами при ходьбе, беге’. При этом дается стилистический комментарий, разбираются словообразовательные процессы, объясняется специфика сочетаемости каждого из лексико-семантических вариантов, делаются выводы об особенностях семантики данного глагола именно в русском языке и проч. В настоящее время данный способ лингвострановедческой семантизации достаточно распространен. Большое число современных лексикографических и прочих источников позволяет преподавателю-русисту на достаточно высоком уровне самостоятельно раскрывать иноязычной аудитории большинство компонентов лексического фона языковой единицы. Однако это является безусловным только при синхронном рассмотрении языка, когда все значения слова актуальны для каждого носителя языка, ассоциации живы, лексическая и синтаксическая сочетаемость прозрачна.

Иначе обстоит дело, когда мы рассматриваем слово в диахроническом плане, анализируем исторические семантические изменения, семантическую деривацию. Здесь тоже в центре внимания несколько лексико-семантических вариантов, но один из них, как мы знаем, является производящей основой, а другой (другие) – дериватом. Первоначальные значения слов относятся к семантическим долям лексического фона слов, пусть даже они и находятся порой на самой его периферии. Однако раскрытие именно этих компонентов позволяет сделать наиболее значимые в лингвокультурологическом плане выводы относительно социальных, бытовых и прочих моментов жизни народа, особенностей его менталитета. Рассмотрение в иноязычной аудитории приведенных выше примеров семантической деривации и является подобного рода лингвострановедческой семантизацией.

Например, учащимся предлагается в аудитории или дома проанализировать развитие значения у слова *вертеп*. Пользуясь соответствующими словарями, можно обнаружить, что первоначальное значение этого слова – ‘пещера, потаенное место’. Согласно Евангелию, именно в Вифлеемском вертепе родился Христос. После принятия христианства на Руси постепенно стало традицией в рождественские дни проводить кукольные инсценировки данного сюжета. Скоро вертепом

стали называть деревянную конструкцию, в которой разыгрывалось действие, собственно сам своеобразный жанр народного театра (для этого значения 'пещера' – та самая внутренняя форма). Зрелище стало довольно популярным, стали практиковаться не только религиозные сюжеты. Ассоциативно, на основе метафоры, слово вертеп стало обозначать место преступления, притон. И сейчас это значение является основным. Очевидно, что на такое изменение семантики повлияла и православная традиция, осуждающая лицедейство.

Таким образом, помимо наиболее полного представления о семантике языковой единицы, учащиеся параллельно с анализом семантических трансформаций отдельного слова получают массу важной культурологической информации. Ранее нами уже были подробно описаны подобные примеры анализа (см. [Ильин, 2017]).

При всей очевидной пользе выявления указанных семантических долей значения слова может возникнуть вопрос, насколько целесообразно знакомить иностранцев со столь тонкими лексикологическими аспектами, ведь даже носитель языка без соответствующей работы со специальными словарями и текстами многовековой давности не всегда сможет сразу выделить соответствующие компоненты значения. Однако, согласно лингвострановедческой теории, упрощение важного – всегда искажение сути предмета или явления. Безусловно, не стоит давать столь глубокую информацию изучающим язык на начальном этапе. Руководствуясь принципами дозировки и концентризма культурологических сведений, лингвострановедческую семантизацию на основе анализа семантической деривации слов следует отнести к продвинутому и даже, скорее, к высшему этапу овладения языком. Во всяком случае, в иноязычной аудитории она уместна в большинстве случаев только после того, как учащиеся будут уже знакомы со всей совокупностью современных смыслов рассматриваемой языковой единицы.

ВЫВОДЫ

1. Выявление в слове оценочного компонента может осуществляться несколькими методами:

а) изучается, по возможности, по нескольким лексикографическим источникам, словарное толкование значения лексико-семантического варианта для обнаружения в нем (толковании) оценочных слов; наличие оценочной лексемы говорит о присутствии в значении выраженной оценочной семы;

б) в толковании проверяется наличие слов конкретной оценки, по возможности с меньшей предметной соотнесенностью; эти слова, при их обнаружении в дефиниции, также говорят о выраженной оценочности;

в) если в словарном толковании нет ни общеоценочных слов, ни слов конкретной оценки, следует применить трансформационный метод; в случае, если возможно трансформировать дефиницию в сложное предложение, заканчивающееся словами «и это хорошо / плохо», делается вывод о наличии в значении той или иной оценки.

2. Представляется целесообразным использование психолингвистических экспериментов для выявления оценочного компонента значения, и конкретно – для подтверждения данных, полученных с помощью других методик.

3. В материале исследования на негативацию значения приходится около 64 %, на позитивацию – около 36 % (соотношение 2:1). Наиболее продуктивной (больше половины всех случаев изменений) является негативация значения, при которой у производящей основы оценочный компонент был нейтральным.

4. Около 25 % случаев позитивации / негативации значения приводит к полисемии. В ≈ 75 % случаев старое значение постепенно вытесняется новым. Таким образом, здесь характерно замещение дериватом производящей основы в процессе исторического развития языка. В свою очередь многозначность является нехарактерным результатом данного типа семантической деривации.

5. Для процессов позитивации / негативации не свойственно одновременное расширение значения и метонимизация. Чаще изменение оценочного компонента сопровождается метафоризацией (41 % всех изменений) или сужением значения (27 % всех изменений). Самое частотное соединение различных типов семантических изменений – негативация + метафора (27 % от всего материала).

6. При позитивации / негативации может переосмыслиться самая разная в идеографическом плане лексика. Новые значения в большинстве случаев представляют собой разного рода наименования человека, его признаки, характеристики поступков и т. д. В целом следует подчеркнуть антропонаправленность этих процессов.

7. В сознании носителей русского языка чаще всего варьирует оценка предметов и явлений. В меньшей степени качественно меняют оценочный компонент значения слов, обозначающих действия, и в еще меньшей – признаки. Наименования действий чаще приобретают отрицательную оценочность, то есть у глаголов чаще наблюдается негативация значения (в три раза чаще по сравнению с позитивацией, тогда как у других частей речи этот показатель не превышает двух).

8. На основании лингвокультурологического анализа конкретного изменения значения можно прийти к определенным выводам относительно склада характера русского человека, отношения его к различным явлениям окружающей действительности: как показывает материал, негативно оцениваются внезапная быстрота, непригодность к военной службе, изменчивость и т. д.; позитивно – осведомленность, истолкованность, заготовленность впрок и т. д. Процессы позитивации / негативации значений в частности содержат сущностно важную в лингвокультурологическом плане составляющую – в их основе лежит специфика ассоциативного мышления индивидуумов, объединенных общим языковым и культурным пространством.

9. Чаще всего переосмыслению подвергается лексика, обозначающая предметы, явления и т. п. окружающего мира, что соотносимо со свойствами метафорических и метонимических переносов, которые зачастую осуществляются параллельно с позитивацией / негативацией значения. Более трети всех изменений затрагивают отвлеченную, абстрактную лексику, результатом являются значения с более определенной денотацией.

10. Раскрытие механизма семантической деривации в иноязычной аудитории помогает обнаружить глубинные ассоциативные смыслы, лучше понять культуру носителей изучаемого языка, что является одной из важнейших задач, которые ставит современная лингводидактика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс позитивации / негативации значения длительное время представлял собой малоизученный, зачастую игнорируемый тип изменения лексического значения. Анализ материала исследования убеждает, что этот процесс является достаточно значимым для понимания основных механизмов развития семантики слов и не может рассматриваться исключительно в рамках эпизодических обращений к нему с позиций стилистики.

Объективная оценочность, как основной показатель позитивации / негативации значения, является обязательным компонентом семантики слова. Изменение значения, сопровождающееся (или обусловленное) качественной сменой оценочного компонента, заслуживает пристального внимания лексикологов и всех других лингвистов, в круг научных интересов которых входит изучение семантических сдвигов.

Действительно, рассматриваемый тип семантических изменений раскрывается с самых разных сторон:

- 1) как семасиологический феномен, стоящий в ряду других разновидностей изменения значения;
- 2) как реализация лексико-семантической деривации, что в свою очередь должно привлечь внимание всех, кто занимается неформализованными способами словообразования;
- 3) как объект экспериментального исследования, нуждающийся в разработке и апробации новых психолингвистических методик;
- 4) как источник богатого материала для аксиологических исследований, локализирующих оценочность в различных фрагментах языковой картины мира;
- 5) как квинтэссенция лингвокультурологической информации, нуждающейся в дальнейшей расшифровке и исследовании.

Позитивация / негативация оценочного компонента значения представляет собой особый тип изменения семантики, примеры которого можно обнаружить анализируя самые ранние письменные источники. Для русского языка данные процессы являются достаточно характерными, хотя и протекают относительно медленно, ак-

тивизируясь лишь во время значительных социальных потрясений, что подтверждает их значительную детерминированность экстралингвистическими факторами.

Механизм позитивации / негативации изначально предполагает фиксацию культурологической информации в семантике на уровне внутренней формы слова. Расшифровка этой информации обнаруживает тесную связь языка и культуры, помогает через язык выйти на понимание характера русского человека, его менталитета, что является одной из главных задач современной науки о языке.

В целом анализ процессов позитивации / негативации оценочного компонента значения в русском языке позволил сделать следующие основные выводы:

- объективная оценочность является обязательным, ингерентным компонентом семантики, она может быть выражена положительно, отрицательно или нейтрально; процесс позитивации / негативации значения представляет собой качественное изменение оценочного компонента семантики;

- основными причинами позитивации / негативации являются психологические, социокультурные и внутриязыковые;

- для выявления в семантике оценочного компонента (а следовательно и обнаружения факта позитивации / негативации) целесообразно использовать компонентный анализ значения в сочетании с экспериментальными методиками;

- процессы позитивации / негативации чаще всего сопровождаются изменением объема значения или метафоризацией / метонимизацией, во втором случае это приводит к замене интегральной семьи;

- в русском языке более частотной является негативация значения – около двух третей от всего материала исследования;

- чаще всего позитивации / негативации подвергается лексика, обозначающая предметы, явления окружающего мира; процесс этот является антропонаправленным, в связи с чем оценка различных явлений окружающего мира переносится на человека, и анализ семантических изменений позволяет глубже раскрыть систему ценностей человека, отношение социума к тем или иным чертам его характера.

Позитивация / негативация значения должны рассматриваться с разных позиций – с точки зрения семиотики; в сравнении с другими

семантическими явлениями; в лингвокультурологическом ключе и т. д. Безусловно, позитивация / негативация значения нуждается в дальнейшем изучении, и среди перспектив исследования следует отметить следующие.

1. Разработка новых, с одной стороны – более эффективных, с другой стороны – менее трудоемких методик выявления оценочного компонента значения, и как следствие – обнаружения самого факта семантического сдвига.

2. Классифицирование материала по другим, не затронутым в работе основаниям: по частотности данных изменений в различные эпохи существования языка, по их зависимости от социальных, политических изменений в жизни общества и т. д.

3. Составление словаря семантических изменений (позитивации / негативации значения), который мог бы дать по возможности исчерпывающую информацию о времени семантического сдвига, причинах, его обусловивших и т. п.

4. Выявление межъязыковых аналогий (или обнаружение отсутствия таковых) при сопоставлении близких значений слов различных языков, сравнении истории их развития. Особенно интересно здесь проследить, насколько близки в этом плане исторически родственные русскому языку – славянские, и в первую очередь восточнославянские. Выявление языковых параллелей между неродственными языками, в свою очередь, позволит обнаружить соответствующую близость менталитетов разных народов, что является очень важным в строительстве современных межнациональных отношений.

Сам процесс позитивации / негативации значения – это явление, представляющее интерес для различных областей науки: языкознания (конкретно – семасиологии), аксиологии, культурологии и т. д. Среди сделанных на основе лингвокультурологического анализа выводов – заключение об отрицательной оценке носителями русского языка превращений, изменчивости (*превратный, извращенный, лукавый*). Однако позитивация / негативация значения и есть изменение оценочности. При таком подходе кажется парадоксальным то, что материал исследования составил достаточно большое количество примеров. И данный парадокс, несомненно, нуждается в дальнейшем изучении.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ВЯ: «Вопросы языкознания», журнал.

КЭСРЯ: Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1975. – 543 с.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.

Материалы ...: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – М., 1988 – 1990. Т. I–III, Дополнения.

РР: «Русская речь», журнал.

РЯШ: «Русский язык в школе», журнал.

СРЯ: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. (А–У, в. 1–30). – М., 1975–2015.

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1950–1965.

ТС: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2008.

ТСЖВЯ: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Составитель В. И. Даль. – М., 1994.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1996 (Репринт).

ТСРЯ XX: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковской. – СПб., 1998. – 704 с.

ЭРЯ: Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – 704 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

---

1. Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. – М., 1997.
2. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. – М., 1998 (Репринт).
3. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб., 1998. – 704 с.
4. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. – М., 1998. – 592 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993. – 960 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. (А–У, в. 1–30). – М., 1975–2015.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., Л., 1950–1965.
9. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – М., 1988–1990. Т. I–III, Дополнения.
10. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / составитель В. И. Даль. – М., 1994.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1996 (Репринт).
12. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб., 1998. – 704 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб., 1996.
14. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1975. – 543 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

---

1. *Алефиренко Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М., 2002. – 394 с.
2. *Алтайбаева Ш. Ю.* Семантика и сочетаемость прилагательных, обозначающих высокую положительную оценку (На материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Алмата, 1985. – 199 с.
3. *Алфёрова Г. Н.* Глаголы труда с оценочным компонентом в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000. – 199 с.
4. *Апресян Ю. Д.* Значение и оттенок значения // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1974. – Вып. 4.
5. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М., 1974. – 368 с.
6. *Апресян Ю. Д.* Значение и употребление // ВЯ. – 2001. – № 4. – С. 3–22.
7. *Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка. 2-е изд. – М., 1973. – 295 с.
8. *Арутюнова Н. Д.* Языковая номинация. (Общие вопросы). – М., 1977. – 357 с.
9. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. – М., 1988. – 344 с.
10. *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // ВЯ. – 1997. – № 2. – С. 59–70.
11. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М., 1998. – 895 с.
12. *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 296 с.
13. *Ахманова О. С.* О стилистической дифференциации слов // Сборник статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 24–39.
14. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
15. *Бабенко Л. Г.* Русская эмотивная лексика как функциональная система: дис. ... д-ра филол. наук. – Свердловск, 1990. – 611 с.

16. *Барамыгина И. Б.* Семантика и синтаксис предикативов состояния, отношения и оценки: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1996. – 271 с.
17. *Бастриков А. В.* Изменение слов с морально-этической семантикой в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1989. – 17 с.
18. *Белошаткова В. А.* (ред.) Современный русский язык. 2-е изд. – М., 1989. – 800 с.
19. *Бельчиков Ю. А.* О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 30–35.
20. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. 2-е изд. – М., 2002. – 448 с.
21. *Блумфилд Л.* Язык. – М., 1968. – 608 с.
22. *Брагина А. А.* Лексика языка и культура страны. – М., 1981. – 176 с.
23. *Будагов Р. А.* О так называемом «промежуточном звене» в развитии слов // Сборник статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 73–85.
24. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. – М., 1997. – 574 с.
25. *Варламова М. Ю.* Семантическая деривация на базе наименований лица в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2008. – 26 с.
26. *Васильев Л. М.* «Стилистическое значение», экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь, 1985. – С. 3–9.
27. *Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – 176 с.
28. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М., 1996. – 416 с.
29. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения / пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М., 1999. – 776 с.
30. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. – М., 1983. – 269 с.

31. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. – М., 2000. – 124 с.
32. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. – М., 1972. – 614 с.
33. *Виноградов В. В.* Вопросы современного русского словообразования // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 155–165.
34. *Виноградов В. В.* О некоторых вопросах исторической лексикологии // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 69–94.
35. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 162–189.
36. *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 39.
37. *Виноградов В. В.* История слов. – М., 1999. – 1138 с.
38. *Вишенкова В. В.* Грамматический статус негатива: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 157 с.
39. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 132 с.
40. *Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // ВЯ. – 1986. – № 5. – С. 98–106.
41. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология: Теория и методы. – М., 1997. – 331 с.
42. *Воробьев В. В.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Материалы международной научной конференции. Уфа, 30.09–02.10.2002 // URL: http://www.uic.bashedu.ru/evrazia/f_s/f_vorobev.rtf
43. *Воропаева С. А.* Деривационная типология оценочного значения: (На материале суффиксального способа словообразования): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 191 с.
44. *Воскресенская Л. Б.* Лингвострановедческая паспортизация лексики. – М., 1985. – 120 с.

45. *Вострякова Н. А.* Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998. – 271 с.
46. *Вульфсон Р. Е.* Эмоционально-оценочная лексика и контекст // РЯШ. – 1991. – № 4. – С. 33–35.
47. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.; Л., 1934. – 368 с.
48. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М., 1986. – 219 с.
49. *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М., 1958. – С. 103–124.
50. *Говердовский В. И.* Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в языке) // ВЯ. – 1985. – № 2. – С. 71–79.
51. *Говердовский В. И.* Коннотемная структура слова. – Харьков, 1989. – 95 с.
52. *Голуб В. Я.* Высокая лексика с отрицательной эмоциональной оценкой // Семантический и функциональный аспекты изучения лексики русского языка. – Саратов, 1983. – С. 82–87.
53. *Голубцов С. А.* Семантика показателей безразличия: сопоставительный аспект: (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 210 с.
54. *Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 291–314.
55. *Даль В. И.* Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа: в 2 т. – СПб., 1997.
56. *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания [1980]. – М., 1993. – 245 с.
57. Современный русский язык. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. – М., 1995. Ч. 1. – 208 с.
58. *Дуличенко А. Д.* Русский язык конца XX столетия. – Muenchen: Verlag Otto Sagner, 1994. – 348 с.
59. *Дуличенко Л. В.* Антрополексемы с негативным значением и их лексикографическое описание: дис. ... канд. филол. наук. – 2000. – 187 с.

60. *Еремин А. Н.* Переносные значения в просторечии. – Калуга, 1998. – 104 с.
61. *Ермакова О. П.* Вторичная номинация в семантической структуре многозначных производных слов // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 109–123.
62. *Ермакова О. П.* Лексические значения производных слов в русском языке. – М., 1984. – 152 с.
63. *Желонкина Т. П.* Интенсификация оценочных высказываний // Проблемы семантики и прагматики. Сборник научных трудов. – Калининград, 1996. – С. 97–101.
64. *Заварзина Г. А.* Без идеологических наслоений: Общественно-политическая лексика на исходе XX века // РР. – 2000. – № 6. – С. 41–45.
65. *Загорская О. В., Фомина Е. З.* Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж, 1984. – С. 31–40.
66. *Зализняк Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления. – М., 2006. – 672 с.
67. *Зализняк Анна А.* Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // ВЯ. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
68. *Зализняк Анна А.* Семантический переход как объект типологии // ВЯ. – 2013. – № 2. – С. 32–51.
69. *Звегинцев В. А.* Семасиология. – М., 1957. – 338 с.
70. *Звегинцев В. А.* Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 127–142.
71. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. – М., 1970. – 232 с.
72. *Игнатенко О. П.* Средства вторичной номинации пространственного положения объекта (на материале глаголов и глагольных фразеологизмов современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 166 с.
73. *Ильин Д. Н.* Лингвокультурологический анализ семантических изменений (на примере позитивации / негативации значения) // Рубикон. – Ростов н/Д., 2004. – Вып. 29. – С. 39–41.
74. *Ильин Д. Н.* Актуализация пейоративных сем как основной тип изменения оценочного компонента значения в русском языке //

В поисках эквивалентности IV. Сборник докладов международной научной конференции. – Словакия, Прешов, 2009. – С. 106–115.

75. *Ильин Д. Н.* Семантические трансформации в диахронии: подходы к структурной и идеографической типологии // Иностранные языки и литература в современном международном образовательном пространстве: Сборник материалов III международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 202–209.

76. *Ильин Д. Н.* Близость славянских языков и культур как фактор, обуславливающий особенности семантизации лексики при обучении русскому языку // Обучение русскому языку студентов филологических и нефилологических факультетов вузов. Сборник материалов международной научной конференции. – Польша, Варшава, 2010. – С. 134–140.

77. *Ильин Д. Н.* Анализ трансформаций лексического значения как способ лингвострановедческой семантизации в иноязычной аудитории // Русский язык за рубежом. – 2017. – № 2. – С. 91–95.

78. *Ильюшина Е. С.* Лексические средства положительной оценки человеческих качеств: (Психолингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 185 с.

79. *Карасик В. И.* Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология – Philologica. 1994. – № 3. – С. 2–7.

80. *Карасик В. И.* Нормы поведения в социолингвистическом аспекте // Коммуникативно-прагматическая семантика: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 3–18.

81. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – 216 с.

82. *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1979. – 160 с.

83. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. – М., 2000. – 362 с.

84. *Колишанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – 52 с.

85. *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969. – 130 с.

86. *Комлев Н. Г.* Слово в речи: денотативные аспекты. – М., 1992. – 216 с.

87. *Копорская Е. С.* Семантическое развитие слова и функционально-стилистические сферы языка // *Язык: система и функционирование*. – М., 1988. – С. 123–134.

88. *Копыленко М. М., Попова З. Д.* Очерки по общей фразеологии (фразеосочетания в системе языка). – Воронеж, 1989. – 192 с.

89. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е издание. – СПб., 1999. – 320 с.

90. *Краснова Т. И.* Субъективность – Модальность (материалы активной грамматики). – СПб., 2002. – 189 с.

91. *Крысин Л. П.* Социальная маркированность языковых единиц // *ВЯ*. – 2000. – № 4. – С. 26–42.

92. *Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981. – 200 с.

93. *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 160 с.

94. *Кубрякова Е. С.* О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова*. – М., 2001. – С. 283–291.

95. *Кулинич И. А.* Семантическая деривация в русской лексике 60–80-х годов и ее отражение в неографических и других лексикографических источниках: дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1990. – 210 с.

96. *Курилович Е. Р.* Заметки о значении слова // *ВЯ*. – 1955. – № 3. – С. 71–81.

97. *Кустова Г. И.* О типах значений слов с экспериенциальной семантикой // *ВЯ*. – 2002. – № 2. – С. 16–34.

98. *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М., 2004. – 472 с.

99. *Лебедев М. В.* Стабильность языкового значения. – М., 1998. – 168 с.

100. *Левицкий В. В.* Проблемы экспериментальной семасиологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1975. – 48 с.

101. *Левицкий В. В.* О причинах семантических изменений // *Семантические процессы в системе языка*. – Воронеж, 1984. – С. 3–8.

102. *Левицкий В. В., Стернин И. А.* Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж, 1989. – 192 с.

103. *Ледяева С. Д.* Очерк по исторической лексикологии русского языка. – Кишинев, 1980. – 112 с.

104. *Леонтьев А. А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С. 7–19.

105. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 1999. – 424 с.

106. Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. – М., 1997. – 352 с.

107. Логический анализ языка. Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного / под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2004. – 720 с.

108. *Ломтев Т. П.* О природе значения языкового знака // Вопросы философии. – 1960. – № 7. – С. 130.

109. *Лукьянова Н. А.* О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. IX. – Новосибирск, 1980. – С. 3–22.

110. *Лукьянова Н. А.* О контекстных условиях реализации семантики экспрессивного слова // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984. – С. 42–59.

111. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д., 1998. – 416 с.

112. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.

113. *Майданова Л. М.* Мотивированность эмоционально-оценочных личных существительных нейтральными словами // Семантические аспекты слова и предложения. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь, 1980. – С. 37–40.

114. *Маркелова Т. В.* Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 47 с.

115. *Марков В. М.* О семантическом способе образования слов // Избранные работы по русскому языку. – Казань, 2001. – С. 135–142.

116. *Марков В. М.* О семантическом способе словообразования в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – Казань, 2001. – С. 117–135.

117. *Марченко С. В.* Категории эмотивности и экспрессивности в повестях и рассказах И. С. Тургенева 1871–1882 гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2001. – 20 с.

118. *Махмутова А. Н.* Оценочные существительные со значением лица женского пола в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002. – 287 с.

119. *Мегентесов С. А.* Семантический перенос в когнитивно-функциональной парадигме. – Краснодар, 1993. – 90 с.

120. *Медникова Э. М.* Значение слова и методы его описания. – М., 1974. – 202 с.

121. *Мельчук И. А.* Строение языковых знаков и возможные формально-смысловые отношения между ними // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1968. – Вып. 5. – С. 426–438.

122. *Меркулова О. А.* Сравнительно-историческое исследование регулярных семантических переходов в германских языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 179 с.

123. *Милованова Н. Я.* Об особенностях употребления оценочной лексики в стиле научной прозы // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь, 1985. – С. 75–84.

124. *Монич Ю. В.* Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // ВЯ. – 1998. – № 1. – С. 97–120.

125. *Моррис Ч. У.* Из книги «Значение и означивание» // Семиотика. – М., 1983. – С. 118–132.

126. *Москвин В. П.* Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // ВЯ. – 2001. – № 3. – С. 58–70.

127. *Муравьева Н. В.* В свободном полете воображения: О «хороших» и «плохих» сравнениях и метафорах. // РР. – 2002. – № 3. – С. 57–61.

128. *Мягкова Е. Ю.* Эмоциональная нагрузка слова: Опыт психолингвистического исследования. – Воронеж, 1990. – 112 с.

129. *Найда Ю. А.* Процедуры анализа компонентной структуры референционного значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14.

130. *Немченко В. И.* Современный русский язык. Словообразование – М., 1984. – 255 с.

131. *Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. – М., 1988. – 168 с.
132. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996. – 760 с.
133. *Никонов В. М.* Коннотативное слово (фразаема) в языке и прагматико-коммуникативном акте // Коммуникативно-прагматическая семантика: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 82–89.
134. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. – М., 1982. – 272 с.
135. *Новиков Л. А.* Избранные труды. Проблемы языкового значения. – М., 2001. – Т. 1. – 672 с.
136. *Новиков Л. А.* Избранные труды. Эстетические аспекты языка. – М., 2001. – Т. 2. – 842 с.
137. Новое в лингвистике. Вып. 1 (глотохронология, гипотеза Сепира – Уорфа, глоссемантика). – М., 1960. – 464 с.
138. *Ожегов С. И.* Вступление // Русский язык и советское общество. Проспект. – Алма-Ата, 1962. – 112 с.
139. *Ольшанский И. Г.* Семантико-деривационная активность лексики // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1987. – № 2. – С. 58–65.
140. *Осипов В. Д.* Русские в зеркале своего языка: Очерки о происхождении русских слов. В. 1. – М., 1999. – 62 с.
141. *Откупщиков Ю. В.* О семантическом аспекте этимологического исследования // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1969. – С. 202–208.
142. *Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004. – 608 с.
143. *Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М., 1996. – 464 с.
144. *Панина Л. С.* Экспрессивная и эмоциональная лексика как оценочная категория // Проблемы современной русской лексикологии. – Калинин, 1983. – С. 55–59.
145. *Пауль Г.* Принципы истории языка. – М., 1960. – 500 с.
146. *Плотников Б. А.* Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. – Минск, 1979. – 136 с.

147. *Плотников Б. А.* Основы семасиологии. – Минск, 1984. – 224 с.
148. *Плотников Б. А.* О форме и содержании в языке. – Минск, 1989. – 254 с.
149. *Плотникова Л. И.* Новое слово: порождение, функционирование, узуализация. – Белгород, 2000. – 208 с.
150. *Покровский М. М.* О методах семасиологии // Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – С. 27–32.
151. *Покровский М. М.* Соображения по поводу изменения значений слов // Избранные работы по языкознанию. – М., 1959. – С. 36–60.
152. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. – М., 1958.
153. *Потебня А. А.* Мысль и язык // Слово и миф. – М., 1989. – С. 17–200.
154. *Потиха З. А.* Современное русское словообразование. – М., 1970. – 384 с.
155. *Привалова М. И.* Система качеств и признаков слова в русском языке // Вопросы теории и истории языка. – Л., 1963. – С. 253–261.
156. *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки. – М., 1972. – 168 с.
157. *Розина Р. И.* Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // ВЯ. – 2002. – № 2. – С. 3–15.
158. *Розина Р. И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. – М., 2005. – 302 с.
159. *Романов Д. А.* Способы передачи эмоций в русском языке // РЯШ. – 2004. – № 4. – С. 78–82.
160. *Русский язык. Энциклопедия.* – М., 1997. – 704 с.
161. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995).* 2-е изд. – М., 2000. – 480 с.
162. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д., 2002. – 240 с.
163. *Селиверстова О. Н.* Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. – М., 1970.

164. *Сельдмяэ И. Я.* Значение и смысл. – М., 1980. – 12 с.
165. Семантические вопросы словообразования. Производящее слово / под ред. М. Н. Янецкой. – Томск, 1991. – 274 с.
166. *Сенько Е. В.* Коннотативно-прагматическая динамика лексических единиц // Коммуникативно-прагматическая семантика: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 70–82.
167. *Сепир Э.* Избранные работы по языкознанию и культурологии. 2-е изд. – М., 2001. – 656 с.
168. *Склярёвская Г. Н.* Метафора в системе языка. – СПб., 1993. – 152 с.
169. *Склярёвская Г. Н.* Языковая и художественная метафора: единство и противоположность // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 1993. – С. 221–227.
170. Словарь синонимов / под ред. Е. А. Александровой. – М., 1997. – 648 с.
171. *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи. – М., 1995. – 576 с.
172. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. – М., 1977. – 344 с.
173. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М., 1977. – С. 31–273.
174. Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – 294 с.
175. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М., 1981. – 360 с.
176. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М., 1985. – 336 с.
177. *Степанова Г. В.* Семантика многозначного слова. – Калининград, 1978.
178. *Степанова Г. В., Шрамм А. Н.* Введение в семасиологию русского языка. – Калининград, 1980. – 72 с.
179. *Стернин И. А.* Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж, 1979. – 117 с.
180. *Столярова Э. А.* Лексико-семантическое поле оценки в разговорной речи // Словарные категории. Сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1988, – С. 186–191.

181. *Танькова Г. В., Шаховский В. И.* Опыт вычленения эмотивной семы и анализ ее актуализации // Теоретические вопросы английской филологии (лексикология). – Горький, 1974. – С. 111–123.

182. *Тарасов Е. Ф.* Язык как средство трансляции культуры // Фразаология в контексте культуры. Сборник статей / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 34–37.

183. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М., 1981. – 272 с.

184. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986. – 144 с.

185. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразаология в контексте культуры. Сборник статей / отв. ред. В. Н. Телия. – М., 1999. – С. 13–24.

186. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. – М., 1981. – Т. 1–2.

187. *Трипольская Т. А.* О семантической структуре экспрессивного слова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск, 1985. – С. 86–97.

188. *Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 437 с.

189. *Трипольская Т. А.* Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск, 1999. – 166 с.

190. *Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V (языковые универсалии). – М., 1970. – С. 250–294.

191. *Федосеев А. А.* Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 22 с.

192. *Федяшина А. А.* Лексическая коннотация и факторы ее возникновения // Язык и общество. – Саратов, 1989. – С. 128–133.

193. *Фефилов А. И.* Прагматические компоненты языковых единиц // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц (Межвузовский сборник). – Куйбышев, 1990. – С. 7–13.

194. *Филин Ф. П.* Историческая лексикология русского языка. – М., 1984. – 176 с.

195. *Фоменко Ю. В.* Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. – Новосибирск, 2001. – С. 164–168.

196. *Фомина З. Е.* Категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе языка (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1987. – 232 с.

197. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. VIII.

198. *Фрумкина Р. М.* Об отношении между методом и объектом изучения в современной семантике // Семиотика и информатика. – М., 1979. – Вып. XI.

199. *Харченко В. К.* Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. – 1976. – № 3. – С. 66–71.

200. *Харченко В. К., Стернин И. А.* К проблеме развития лексических значений слова // Семантические процессы в системе языка. – Воронеж, 1984. – С. 9–18.

201. *Хидекель С. С., Кошель Г. Г.* Оценочный компонент лексического значения слова // Иностранные языки в школе. – 1981. – № 4. – С. 7–10.

202. *Хидекель С. С., Кошель Г. Г.* Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1981. – С. 13.

203. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000. – 272 с.

204. *Чайкина Ю. И.* Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова (на материале диалектных экспрессивов) // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 1993. – С. 187–192.

205. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М., 1991. – 240 с.

206. *Черникова Н. В.* Переориентированная лексика. // РР. – 2002. – № 2. – С. 42–47.

207. *Черникова Н. В.* Актуализированная лексика // РЯШ. – 2004. – № 1. – С. 81–86.

208. Чесноков П. В. Семантическая структура предложения // Семантическая структура предложения: сб. ст. – Ростов н/Д., 1978. – С. 3–20.
209. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале // РР. – 2001. – № 1, 3, 4; 2002. – № 1–3.
210. Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 353–378.
211. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968. – 310 с.
212. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М., 1972. – 368 с.
213. Шаховский В. И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвистики. – Рязань, 1975. – Вып. 2. – С. 3–25.
214. Шаховский В. И. Эмоционально-оценочно-образная потенция словарных знаков // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – Вып. IX. – С. 23–31.
215. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград, 1983. – 96 с.
216. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // ВЯ. – 1994. – № 1. – С. 20–25.
217. Шершевская Е. Б. Об экспрессивно-синонимическом типе лексических значений // Русская лексика в историческом и синхронном освещении. – Новосибирск, 1985. – С. 79–86.
218. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002. – 496 с.
219. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 2008. – 248 с.
220. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М., 1977. – 335 с.
221. Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 3–44.
222. Шмелева И. Н. Некоторые вопросы стилистики в общем словаре литературного языка // Современная русская лексикография. – Л., 1975. – С. 25–32.

223. Эволюция семантических и функциональных свойств русской лексики. Межвузовский сборник научных трудов. – М., 1987. – 129 с.

224. Эмотивный код языка и его реализация: коллект. монография. – Волгоград, 2003. – 175 с.

225. Язык и культура: Сборник обзоров. – М., 1987.

226. Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. – М., 2001. – 504 с.

Научное издание

Ильин Денис Николаевич

**РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ:
ПРОЦЕССЫ ПОЗИТИВАЦИИ / НЕГАТИВАЦИИ
ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Редактор *А. В. Стахеева*
Оригинал-макет *А. В. Стахеева*
Дизайн обложки *А. В. Киреев*

Подписано в печать _____.2017
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,72. Уч.-изд. л. 7,17.
Тираж ____ экз. Заказ № ____

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной
продукции Издательско-полиграфического комплекса
КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66

